

Хамид
Гулям

Ф И Р У З А

Авторизованный перевод
РАУЗЫ БОРОДИНОЙ

Глава первая

Тепловоз, стоявший на первом пути, загудел и под нарастающий стук колес повел за собой вагоны.

Фируза с большим серым чемоданом в руках шла по перрону, не отрывая глаз от своих недавних попутчиков, прильнувших к окну. Ей улыбались, махали руками, что-то кричали, словно хотели успокоить девушку, оставшуюся на незнакомой станции. Особенно старался Шерали, который в пути был ее соседом, — он так прижался лицом к стеклу, что нос его расплющился и побелел.

Состав с грохотом прошел по мосту через канал, удаляясь все дальше и дальше. Померцал красный фонарик на последнем вагоне и затерялся где-то вдали.

Только теперь Фируза ощутила тяжесть чемодана. Опустив его, она села и призадумалась. Солнце давно уже спряталось, и лишь далеко, в конце бескрайних полей, догорали его последние багряные лучи. Дневной зной ослабел. Со стороны канала долетал прохладный, ласковый ветерок. Фируза провела рукой по туго заплетенным косам, придержала раздувающийся подол платья и осмотрелась вокруг.

На железнодорожных путях стояли товарные вагоны, цистерны, платформы, груженные лесом, грузовиками, тракторами. Пыхтели тепловозы в густых облаках белого пара. Возле шлагбаума, у канала, пожилая приземистая стрелочница с желтым флажком в руках о чем-то увлеченно толковала со стройной девушкой. Фируза, подняв чемодан, направилась было к ним,

чтобы спросить дорогу в колхоз «Радостный труд», но из-за будки, поднимая клубы пыли, появилась бричка. Женщина в зеленом платке лихо размахивала кнутом. Увидев на дороге девушку, она крикнула: «Тпру!» — и остановила лошадей. Фируза попятилась от густой, желтой пыли.

— Далеко тебе, доченька? — спросила возница.

— В колхоз «Радостный труд».

— Если не побрезгуешь, залезай ко мне, — пригласила женщина, с ног до головы оглядывая Фирузу. — Из Ташкента, что ли? К родственникам в наш колхоз едешь, а?

— Нет, на работу.

Женщина взяла чемодан, помогла залезть Фирузе и усадила ее возле себя. Взмахнув кнутом, она тронула лошадей, крикнула:

— Чу, черти!

Колеса брички, тяжело нагруженной удобрениями, жалобно поскрипывали.

— Зовут меня Ханифа, — представилась возница, как только они съехали с мощеного большака на мягкую колхозную дорогу. — Ты небось слыхала о моем благоверном Таштемире-ата по кличке Чулбобо — Дед-степь?

— Нет, — ответила Фируза, удивляясь странной кличке. «Чулбобо — Дед-степь».

— Ну, не слыхала, услышишь. Я ему не просто жена, но и главная помощница. Он разводит сад в колхозе «Радостный труд», а я вожу навоз.

— Неужто у вас в колхозе нет навоза? — удивилась Фируза.

— Есть, да для хлопчатника и то не хватает.

— А как дела с хлопком?

— Хорошо в бригаде у Наркузи, а в остальных похуже.

— Почему похуже?

— Приедешь — узнаешь, — ответила Ханифа, настроенно глянув на гостью из Ташкента. — Как же тебя зовут? Что ты будешь делать в колхозе?

— Зовут меня Фируза. Я агроном.

— Агроном?! — Ханифа широко раскрыла глаза и чуть не выронила из рук кнут. — Да неужели?

— А по-вашему кто я?

— Учительница, врач, только не агроном. Я так думаю... Вот моего Чулбобо называют народным агрономом... так это действительно... За плечами у него пятидесятилетний опыт, ну и, конечно, еще Иван Андреевич Мудров — заслуженный ирригатор. Сорок пять лет, не разгибая спины, трудится. Возится с деревьями, всего себя отдал земле и воде. А ты вся — с кулачок. Что ты смыслишь в этом деле?

Эти слова не огорчили Фирузу. Втайне посмеиваясь над душевной простотой собеседницы, девушка возразила:

— Я окончила институт.

— А ты когда-нибудь видела хлопчатник?

— На янгиюльском опытном участке сама сеяла, с каждого гектара собрала по сорок два килограмма.

— Неплохо! — одобрила Ханифа. Но, искренне стремясь открыть Фирузе глаза, вздохнула: — Непокладистая у нас, в Голодной степи, земля. Не хочешь осрамиться, советуйся с Чулбобо... Жить-то где будешь?

— Не знаю, пойду в правление, там скажут.

Стемнело. В безоблачном небе замерцали звезды. Позади остались тянувшиеся от самой станции зеленые обработанные поля. Теперь по обе стороны дороги стояли густые заросли однообразно шумевшего камыша.

Где-то неподалеку завыл шакал. Издали, словно в ответ, заскулил волк. Фируза почувствовала, как по всему ее телу забегали мурашки.

— Что ж это до сих пор не освоены такие заросли?

— Вот ты их освоишь! — подзадорила ее Ханифа.

— Нет, как же все-таки получилось, что вокруг посевных земель такие заросли стоят? Странно...

— В степи много странного, — усмехнулась Ханифа, искоса глянув на девушку. Затем, махнув в воздухе кнутом, крикнула: — Чу, твари, чу!..

Фируза хотела поподробнее расспросить о «степных странностях», да побоялась показаться с первого знакомства назойливой. Ханифа ей чем-то понравилась. У девушки рассеялись тревоги, беспокоившие ее в поезде, когда неизвестно еще было, как она доберется до колхоза и что за люди встретятся там.

С полчаса они ехали молча. Фируза время от времени поглядывала на свою новую знакомую. Ханифе было за пятьдесят. Невысокая, худощавая, с очень

большими руками, она была одета в ситцевое платье, на ногах широкие сапоги. Голова туго повязана платком, из-под которого выбивались седые пряди, весь лоб испещрен множеством мелких морщинок.

Чем ближе подъезжали к колхозу, тем нетерпеливее Ханифа подгоняла лошадей — знала, что старик давно уже ждет ее. И действительно, он встретил их у ворот, помог жене сойти с брочки и тихо спросил, кивнув на Фирузу:

— Кто такая?

— Новый агроном.

— Очень хорошо. Пусть погостит у нас.

Ханифа, молча приглашая Фирузу за собой, взяла чемодан и направилась к дому. Таштемир, так звали мужа Ханифы, остался распрягать лошадей.

Вошли во двор. Налево, у самых ворот, стоял небольшой дом с террасой, а дальше темнел фруктовый сад. На террасе, под самым потолком, горела электрическая лампочка, вокруг которой кружился суетливый рой мошек и ночных бабочек.

Фируза вглядывалась в темноту, но не могла определить сорта деревьев. Ясно виднелись только освещенные лампочкой кусты инжира и граната, посаженные рядом с террасой. Никогда еще Фирузе не приходилось видеть таких роскошных кустов инжира. Каждая ветвь, пригнутая тяжестью плодов, напоминала какое-то сказочное чудовище.

Фируза вспомнила прозвище Таштемира — Чулбобо. Поистине, только волшебник, знающий очень важный секрет, мог вырастить такое чудо.

Девушка спустилась с террасы. Уже от самых ее ступенек был разбит небольшой цветник. От аромата роз, мяты и еще каких-то удивительных цветов у нее слегка кружилась голова. Она любовалась цветами, наклоняясь то к одному, то к другому.

Ханифа уже хлопотала по хозяйству. Достала из ниши новые одеяла, расстелила их поверх паласа вокруг низкого столика, покрытого свежей скатертью, и принялась раздувать небольшой пузатый медный самовар, возвышавшийся на двух кирпичках. Устанавливая длинную трубу, она спросила Фирузу:

— Любишь цветы?

— Очень!

— Как говорят, душа к душе тянется: Чулбобо тоже помешан на цветах.

— Как я счастлива, что встретила вас. Спасибо судьбе и вам, тетушка!

— Наши двери всегда открыты. С тех пор, как я вышла замуж, дня не помню, чтобы наш дом пустовал.

— Давно вы замужем?

— Тридцать три года.

— Ого!— засмеялась Фируза, наклоняясь к протекающему через сад арыку, чтобы ополоснуть лицо и руки.— Тридцать лет назад я была еще частицей, обитающей где-то в космосе.

— Вот уж про частицы и про космос я тебе ничего сказать не могу. Идем лучше чай пить.

Когда подошел Таштемир, Ханифа уже сидела возле кипящего самовара и вытирала и без того чистые пиалы, а Фируза с аппетитом, раздувая щеки, словно ребенок, жевала лепешку из кукурузной муки и тыквы.

Чулбобо, поджав под себя ноги, удобно уселся у столика. Жена, протянув ему пиалу, продолжала чаепитие.

Старик, возвращая пустую пиалу жене, спросил Фирузу:

— Раньше-то приходилось бывать в степи?

— Так вот, как сейчас, впервые.

Старик помолчал.

Достав из глиняной касы несколько ложек толокна, он положил его себе в пиалу и медленно размешал в чае.

Фируза исподволь разглядывала хозяина. Несмотря на семьдесят с лишком лет, он был еще крепок. Продолговатое, морщинистое лицо обрамляла короткая седая борода. Из-под сросшихся на переносице мохнатых бровей глядели умные, молодые, веселые карие глаза. Распахнутый ворот свободной белой рубахи открывал загорелую обросшую седыми волосами грудь. Перед Фирузой сидел не старик, а седой богатырь.

Он съел размешанное в чае толокно, длинной салфеткой, похожей на полотенце, тщательно вытер лицо, бороду и, удобно прислонившись к стене, повернулся к девушке и переспросил:

— Говоришь, впервые приехала в степь?

— Да!

— Ты, значит, еще желторотый птенчик. Наука — дело хорошее. Подобно свету, озаряет наш путь. Но опыт тоже великое дело. Опыт дается великим трудом, когда ноги и сердце прокалены жаром степи. Эх-хе, длинная история у степи, доченька, бескрайняя. А сколько еще нужно вложить труда, хлопот в эту степь! Если у тебя хватит терпения, выдержки — узнаешь степь, поймешь. Нужно много упорства. Поняла? Упорства!

Фируза радовалась, что попала к таким простым и сердечным людям. Но предостережения тетушки Ханифы и Таштемира о предстоящих трудностях озадачили ее. Если бы все эти предостережения относились только к воде, урожаю, к организации труда, она, может быть, не была бы так обеспокоена. Но в их словах были глубокая мудрость, и раздумье, и какой-то скрытый смысл. Казалось, эти люди владеют каким-то особым, известным только им секретом, помогающим понимать язык земли.

Снова недолго помолчав, Таштемир продолжал:

— Полюбишь степь — соберешь золото, не полюбишь — соль. Если будешь ухаживать за землей, как за младенцем, она вознаградит тебя жемчужинами: если забросишь — она превратится в болото и засосет тебя. Может, видела по дороге камыш? Почти тысячи гектаров под камышовыми зарослями. А тридцать лет тому назад эта земля давала по тридцать центнеров хлопка.

— Что вы говорите?! — ахнула Фируза. — Не может быть!

— Не веришь мне, спроси у тетушки. Ты хочешь знать, почему добрая земля превратилась в болото? Оттого, что оказалась в руках человека, который не любил ее. Этот человек не друг земли, а ее враг. Он подобен хозяину, который режет яловую корову. Этот человек бросает землю, с которой собрал урожай, и переходит на новые участки, а та земля остается без призора. Но зато он выполняет план сдачи хлопка за счет новых земель. Первенство, слава всегда за ним. Знатным заделался. Всюду, словно карнай, гремит во славу степного простора. Если кто ему напомнит о болотах и камышовых зарослях, он заорет на него,

твердя упрямо: «Выполни план, дай хлопок, а потом болтай!» Он знатный председатель, его слово — закон.

У Фирузы невольно вырвалось:

— А куда же смотрит агроном?

— Агроном тут был молодой парень. Видно, устал ругаться, бросил работу и подался назад, в город.

Теперь Фируза поняла смысл слов, сказанных стариком: «Будь упорной!»

Будь упорной! Значит, Фируза приехала вместо парня, которому не хватило упорства. Он не выдержал. Значит, Фирузе предстоит осилить трудности, которые не смог одолеть тот парень.

Все это оказалось неожиданным для девушки. Ведь она готовила себя к работе агронома. А это значит, правильное, умелое применение агротехники в сельском хозяйстве. Это она, пожалуй, умеет. Этому ее учили в институте. А тут встают перед ней гораздо более трудные задачи. Вот и парень тот окончил институт. Выходит, дело не только в знаниях. Но Фируза спокойно и твердо сказала:

— Спасибо вам за это предупреждение. Постараюсь быть стойкой, упорной.

Таштемир, вставая, обратился к жене:

— Я обещал к Ивану сходить, вернусь скоро. Пусть гостя отдыхает с дороги, устала, наверное. А ты, дочка, если не испугалась стариковских разговоров, оставайся, живи у нас. Правление близко.

— Стирку и другие заботы я возьму на себя,— добавила Ханифа.

Фируза смутилась и, улыбнувшись гостеприимным хозяевам, сказала:

— Спасибо. Но не считайте меня белоручкой, маменькиной дочкой. Я выросла без отца, в нужде.

— О себе расскажешь потом,— мягко остановил ее хозяин.— А пока отдыхай.

Ханифа с Фирузой вышли проводить Таштемира.

Старик вывел из-под навеса буланого коня, оседлал его и чинно двинулся к воротам. Упершись одной ногой в стремя, он с ловкостью молодого джигита вскочил в седло.

— Не задерживайтесь допоздна, уже и так ночь,— ласково попросила Ханифа, озабоченно глядя на мужа.

— Ты же знаешь Ивана: непоседа хуже меня!.. Чу, черноокая!

Иноходец, потряхивая темной гривой, легко понес как будто влитого в седло молодцеватого седока.

Возвращаясь на террасу, Фируза спросила:

— Кто этот Иван?

— Близкий друг его. Кажется, я тебе говорила — Иван Андреевич Мудров. Степь любит, как и мой старик. Ну и жить друг без друга не могут. Если Таштемир-ата не поговорит с ним несколько дней, сна лишится.

Ханифа отодвинула низенький столик и принялась стелить постель для Фирузы.

— Ложись, спи, доченька. Чувствуй себя как дома! — сказала она и погасила свет.

Фируза быстро разделась и легла, но заснуть не могла. Перед глазами мелькали события минувшего дня. Проводы на ташкентском вокзале, мать, всплакнувшая, напутствуя дочь; оживленные разговоры попутчиков в вагоне, грустная песня про степную даль, которую сочинил Шерали, его прощальные слова в тамбуре: «Пиши чаще, если не будешь писать, я умру!» Его глаза, полные тоски, взмах руки...

Фируза ворочалась с боку на бок, пробовала крепко закрывать глаза, считать — сон не шел. Было уже за полночь, духота не проходила. Откуда-то из глубины темного сада доносилось стрекотание кузнечика, жужжание жуков. Во тьме, возле постели, кружился рой невидимой мошкары, впивавшейся в лицо и руки.

— Комары донимают, доченька? — тихо спросила Ханифа.

— Не очень, — ответила Фируза, укутываясь с головой в простыню.

— Вижу, донимают они тебя. Дай-ка, я положу тебя под полог, туда ни один комар, ни одна мушка не доберется.

Ханифа откуда-то с потолка потянула и опустила над девушкой марлевый полог, приговаривая:

— Вот теперь заснешь. А потом привыкнешь, да и они ведь хитрые, чуют новичков.

Назойливая атака комаров прекратилась, но теперь Фируза чувствовала, что задыхается, не хватает воздуха. Она попробовала обмахиваться платочком.

— Привыкнешь, — повторила Ханифа и неожиданно предложила:

— Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— О, я очень люблю сказки, милая тетушка. И раньше бывало, когда не спалось, мама рассказывала мне сказки.

— Я расскажу не сказку, — начала Ханифа, повернувшись в сторону Фирузы, — я расскажу тебе историю нашей жизни с Таштемиром-ата, сказ о многих годах, прожитых здесь, в степи. Может, не очень интересно...

Фируза аж приподнялась в ожидании.

— Ты ложись, ложись, а то устанешь, рассказ длинный.

— Не устану, — ответила Фируза, сидя в постели. — Рассказывайте, пожалуйста.

Устремив задумчивый усталый взгляд в потолок, женщина начала листать страницы прожитой жизни. Замелькали эти страницы то как прекрасная поэма любви, то как увлекательная сказка...

Глава вторая

Ровно пятьдесят лет тому назад, в 1910 году, Чубобо было всего двадцать.

Весна выдалась дождливой, поэтому поденщикам на базаре нечем было похвастаться. С рассвета до полудня толпились они без дела под навесом, смотрели на серые облака, зябли под морозящим дождем и, наконец, потеряв надежду на заработок, поодиночке разбредались кто в чайхану, кто по своим лачугам, кто в караван-сарай.

Таштемир приехал в Ташкент вместе со своим другом Сайфутдином из зеленой Исфары, что неподалеку от Коканда. Года два уже они работали вместе, вместе ездили домой навестить родных и друзей. Однажды они подрядились строить дом ташкентскому богачу из квартала Разикбай. Во время работы сорвалась потолочная балка. Сайфутдин не успел отскочить, и балка толщиной в обхват придавила ему поясницу. Лекарь, приглашенный баем, сказал, что больной безнадежен. Сайфутдин одну ночь промучался и к утру умер.

Таштемир, собрав все свои сбережения, похоронил

друга и на строительство не вернулся. Целый месяц ходил он в поисках работы на базар, но работа попадалась лишь поденная, в каких-нибудь подвалах для хранения овощей.

А потом начались дожди. Дождь — враг поденщика, потому что с дождями прекращалась работа. Теньги¹, запрятанные в пояс, таяли на глазах. Надо было каждый день платить за ночлег, за еду.

Сегодня четверг. У Таштемира осталось всего шесть тенег. Шесть тенег — двухдневный заработок поденщика. Шести тенег хватало, чтобы починить рваные туфли и купить на два раза жевательного табаку — нас. Если дождь затянется еще на три дня, от шести тенег не останется даже шести пулов. Завтра пятница. Если сегодня не подвернется работенка, завтра днем молиться придется натошак.

Промокший Таштемир топтался под дождем в стороже от толпы поденщиков; на ногах у него были стоптанные туфли, на голове — старая, вылинявшая тюбетейка, на плече, поверх старого халата, лежал кетмень. Таштемир с грустью посматривал на своих братьев. На душе было так же темно, как на дне погреба, который он копал несколько дней назад.

С утра на биржу заглянули только два нанимателя. Их тут же окружили.

Уратепинские, харатегинские и гиждуванские бедняки упорно торговались, размахивая огромными кетменями, расправляя широкие плечи. Один из нанимателей забрал с собой уратепинца, а второй давал за работу так мало, что никто из поденщиков к нему не пошел. Он постоял немного под дождем и ушел один. В полдень, как обычно, из крепости раздался выстрел.

— Полдень, пойдем, — сказал один из уратепинцев, подойдя к Таштемиру. — Больше тут нечего ждать. Идем, дружок!

Они отошли от биржи и свернули было к караван-сараяу, как в толпе оставшихся послышался шум и крики.

— А ну-ка, вернемся, — остановился уратепинец. — Видать, настал судный день.

¹ Теньга — серебряная монета, равная 15—20 копейкам. Пул — самая мелкая медная монета в Средней Азии.

Все поденщики собрались вокруг высокого человека, стоявшего на возвышении. Тот, что-то растолковывая, размахивал протянутой рукой с раскрытой ладонью. В другой руке он сжимал плетку с разукрашенной рукояткой.

Таштемир с уратепинцем подошли ближе и прислушались. Говорил человек лет сорока пяти. Поверх белой чистой рубахи на нем был желтый чекмень, на ногах — сапоги на высоких каблуках, на голове — белый войлочный колпак с отороченными черным бархатом краями. Сам он, высокий, загорелый, с лицом, обрамленным короткой бородкой, смотрел на всех большими карими глазами и время от времени взмахивал плеткой.

В толпе перешептывались:

— Гадай-бай, Нищий богач... Вот, он Нищий богач. Он и в прошлом году набирал поденщиков.

Таштемир прислушался.

— Какая вам польза каждый день топтать базар, искать работу! — говорил Гадай-бай, разглядывая толпу. — Я вам дам постоянное жилье и на весь год работу. Каждый божий день будете получать по две тениги. На обед даю похлебку с двумя лепешками. Каждую пятницу — плов. Насчет одежды и постели — ваша забота. Будете обрабатывать землю: пахать, сеять, собирать хлопок, рыть канавы, когда надо. Бог даст, обзаведетесь семьями, живите на здоровье.

Какой-то пожилой поденщик крикнул ему:

— Не подходит. Русский князь платил по шесть тенег за рытье канала.

— Истинная правда, — согласился Гадай-бай. — Князь платил шесть тенег, но и работа там была тяжелей. По пальцам можно пересчитать тех, кому такая работа по силам. Да и теньга нынче дороже стоит. Как хотите, я никого не неволю. Подумайте, смотрите сами, воля ваша, братья! А если кто-либо надумает, приходите в караван-сарай на Чорсу. Первые арбы отправятся в Голодную степь рано утром. Сопроводять их буду я сам. Пока, до встречи, братцы, да хранит вас аллах!

Гадай-бай спрыгнул с бугорка, взял поводья коня из чьих-то рук, прошел немного пешком, а потом, сунув левую ногу в стремя, легко вскочил в разукрашенное перламутром седло. Буланый иноходец понес своего седока в сторону Чорсу.

Таштемир, как и другие поденщики, призадумался над убедительными словами Гадай-бая о постоянном жилье, о земледелии, о Мирзачуле. Таштемир стоял, не двигаясь и смотрел вслед всаднику, пока тот не скрылся за поворотом.

Дождь усилился, но толпа не расходилась. Среди поденщиков нашлись новички, готовые на любую работу, лишь бы не голодать. Они еще не привыкли отстаивать те условия, которые согласовывали между собой старые рабочие и которых не нарушали, торгуясь с нанимателями. Все по-разному рассуждали о земледелии в Голодной степи. Одних пугал летний зной и зимняя стужа необжитой степи. Других страшил непосильный труд на необработанных землях. Но многие считали, что лучше работать на земле, чем без дела стоять на базарной площади. Многие из поденщиков были выходцами из безземельных крестьян Ферганы или Зарафшанской долины, им давно надоело копать погреба горожанам, пробавляться мелким ремонтом, редко продолжавшимся больше, чем два-три дня. Всем им был по душе труд на земле. Все они в глубине души мечтали вернуться к земледелию, обрести свой постоянный дом. Манил их и постоянный заработок, обещанный Нищим богачом.

Таштемир, измученный поденщиной, присоединился к тем, кто решил поехать в Голодную степь.

Хотя арбы Гадай-бая отправлялись лишь утром, все, кто надумал ехать в Голодную степь, словно боясь опоздать или передумать, кинулись на Чорсу.

Войдя в раскрытые ворота караван-сарая, он увидел под навесом коня Гадай-бая. Сам он сидел в каморке у хозяина возле окна. Перед ним пиалы и чайник. Увидев поденщиков, он вышел и, указав рукой на навес, где стоял его статный иноходец, сказал:

— Идите туда... Собирайтесь все!

Поденщики вошли под навес и сели кружком на расстеленных старых циновках.

По просьбе Гадай-бая чайханщик принес два чайника чая и поднос с лепешками.

— Отец наш расщедрился! — подмигнул чайханщику один из поденщиков.

— Будь ему благодарен, браток, — ответил чайханщик на насмешку поденщика. — Гадай-бай ценит труд.

— Слава его щедрости! — пошучивал все тот же поденщик.— Здесь он нас угощает чаем, а в Голодной степи напоит материнским молоком.

Чайханщик подбоченившись, продолжал отвечать:

— Увидишь то, что тебе написано на роду. А что тебе за польза, браток, зря распускать язык?

Чайханщик вышел из-под навеса и, не обращая больше внимания на реплики, шагнул под дождь.

Глиняная чашка переходила из рук в руки. Рабочие молча жевали лепешки, запивая их чаем. Появлялись новые и новые люди, решившиеся ехать к Гадай-баю. Круг становился все теснее.

Вечером Гадай-бай пришел под навес. Его встретили с почтением, все встали. Гадай-бай опустил на циновку, поджав под себя ноги. Благословил всевышнего, касаясь раскрытыми ладонями бороды. Затем, о чем-то размышляя, почесал подстриженные усы и сказал, прищурив лучистые карие глаза:

— В степи поднимем новую землю, братья. Новое селенье названо Мусафирабад—город новоселов. Там поселятся такие молодцы, как вы. В прошлом году к нам переселилось пятьдесят человек. Все они довольны. Посадили топольки; в этом году деревца укоренились, зазеленели, пошли в рост. Камыша хватает. Лето провели они в шалашах, а к зиме сообща построили мазанки на двоих, на троих. Топливом запаслись — гузапай¹ на всех хватит. Работы много: всю зиму поливали поля, вымывали соль, копали канавы, возили навоз для удобрений. Воду для питья берем из Князь-арыка. Как приедете в степь, будете копать канаву длиною верст восемь-девять. Установится погода, начнем сев. Много чудес таит в себе степь. Труды ваши не пропадут даром. Его величеству Белому царю хлопок даем мы. Вы решились на благородное дело, братцы. Бог даст, счастье не обойдет вас стороной.

— Думается мне, почтенный отец,— заговорил тот шутник, который поддразнивал чайханщика,— у каждого из нас в наших хижинах сыщется по несколько ртов. Две тени хватит лишь на муку, посыпать доску, чтобы не прилипало тесто.

¹ Гузапая — сухой куст хлопчатника, с которого снят урожай.

— Вот так!— с недоброй искоркой в глазах откликнулся Гадай-бай.— Братец, я не повесил на твою шею аркан, не тяну за собой. А кто не согласен на две тениги, может стать издольщиком, земля, вода, орудия наши, труд — ваш, и одна четвертая часть урожая тоже ваша. Это подходит?

— Верно...— шутник слегка замылся.— Степь далеко... Куда повезешь свой хлопчатник, на какой базар?

— Мы у вас купим. Цена установлена государством. Это устроит и вас, и нас. А?

— Подумаем.— На лбу у шутника выступил холодный пот.

— Семь раз отмерьте, один раз отрежьте, братец. О том, что Гадай-бай справедлив, знают все его люди.

До сих пор сидевший молча Таштемир, поджимая ноги под рваные полы халата, спросил:

— А как будет с обувкой, с одежкой, хозяин?

— Я говорил об этом на базаре,— оглядывая убого одетого парня, ответил бай,— одежду и обувку будете пскупать сами, за свои деньги. В Мусафирабаде есть лавка, пожалуйста!

— Повезло же нам!— опять не смолчал тот же шутник.

На этом беседа закончилась.

По правде говоря, люди соглашались за гроши ехать в Голодную степь, да и эти гроши неминуемо возвратятся в байский карман.

— Сегодня, завтра побудьте здесь, побеседуйте,— сказал Гадай-бай, подымаясь и отряхивая полы халата.— А мне надо заниматься своими делами.

Поденщики вскочили на ноги, прижали руки к груди, склонили головы в знак уважения и покорности.

Когда бай на буланом коне выехал за ворота, тот же шутник, подражая баю, потряхнул полы своего поношенного халата и сказал:

— Прошу прощенья, братцы, эта сделка нам не подойдет!

С этими словами он важно и медленно направился к воротам. Остальные опустили на берданы.

На рассвете в субботу Гадзай-бай повел в слободу Эгарчи пятьдесят человек, согласившихся ехать в Голодную степь. В этой слободе стоял один из байских домов. Во дворе наготове красовались десять новых

арб. Десять джигитов пошли запрягать лошадей, остальные принялись таскать мешки, узлы, тюки, приготовленные для Голодной степи. На одной из арб постелили яркий палас, стеганые мягкие одеяла, положили несколько подушек. Она предназначалась для бая и его приятеля бакалейщика. По знаку хозяина Таштемир сел на оседланного коня, запряженного в эту арбу. Когда они наконец тронулись, следом за ними направились и остальные. Образовался длинный караван.

Когда караван, миновав Бурджар, въехал в узкие пыльные улицы Раката, из-за горизонта засияло солнце. Прекратились перешептывания путников. Караван остановился возле чайханы, и по приказу бая поденщики принялись грузить саженцы яблонь, груш, граната, винограда, приготовленные для Гадай-бая.

Поехали дальше — на Тирсак, через Казарабад, Занги-ата, Ичан-тепа, Кавинчи и к полуночи добрались до Чиназа. Остановились в маленькой чайхане на обочине дороги. Распрягли лошадей, дали им корм, напоили. Выпив чаю с лепешками, путники блаженно растянулись на широких, деревянных нарах чайханы.

На другой день, после обеда, коней и арбы переправили на пароме через реку. И только на третьей сутки к вечеру уставшие люди и лошади, миновали длинный узкий мост Романовского канала, ведущий к Мусафир-абаду.

Здесь прошли сильные ливни, лошади по колено вязли в жидкой, липкой глине, волоча за собой огромные, облипшие грязью колеса тяжело нагруженных арб. Люди, помогая лошадям, увязая в грязи, подталкивали застрявшие арбы.

Ни одной звездочки не светило в непроглядном, облачном небе, никакого огонька не виднелось в стеги, ни деревца. Темнота и холодная сырость. Гадай-бай в темноте безошибочно показывал дорогу. Тяжелее других было Таштемиру; хоть конь его был моложе и упитаннее других, зато и путники сидели у него иные. Ни бай, укутанный в желтый шерстяной чекмень, ни облокотившийся на мягкие подушки коренастый бакалейщик, засунувший свои короткие ноги под стеганое одеяло, не помогали вознице. Когда арба застревала в грязи, они то и дело покрикивали на уставшего коня

и на измученного Таштемира, надеясь ободрить их криками. Несколько раз, когда арба и лошадь крепко увязали в грязи, Гадай-бай бранил Таштемира, проклиная всех его предков, словно Таштемир повинен и в этой разбитой дороге, и вязкой грязи. В такие минуты это был уже не тот смиренный, благоразумный человек, который беседовал с поденщиками на базаре, называя их братцами. До глубокой ночи продолжалось это тяжелое путешествие, и наконец они доехали до Мусафирабада, так расхваленного Гадай-баем в караван-сараях на Чорсу.

Таштемир не заметил разницы между этим селеньем и пустой бескрайней степью. Из-за слабеньких, тоненьких топольков в темноте едва можно было разглядеть несколько вросших в землю хижин, да кое-где глиняные бугры, засыпанные при рытье канав. Таштемир подумал: «Это небось ночью так кажется». Но тут же явилось сомнение: «Не в преисподнюю ли он нас приволок?»

Вскоре замерцал фонарик у ворот глинобитного забора.

— Приехали! — обрадовался Гадай-бай, ткнув рукояткой плетки в спину Таштемира.— Стой!

Таштемир потянул к себе поводья. Караван остановился. На шум со двора выскочил горбун. В одной руке он держал фонарь, а другой — стул. В темноте он быстро разыскал стоящего на первой арбе Гадай-бая, низко поклонился ему и, подставив стул к арбе, помог баю сойти на землю.

Арбы, одна за другой въехали во двор.

Гадай-бай подвел горбуна к приехавшим.

— Халмат, поручаю тебе этих молодцов, а тебя — самому аллаху!

Сказав это, он скрылся в темноте.

Халмат тут же начал отдавать приказания, велел распрягать лошадей, разгрузить арбы, поставить их по местам, перетаскать поклажу в амбары, а несколько мешков отнести в лавку бакалейщика. Таштемир доставал из колодца воду и поил лошадей. В кормушки он положил люцерну.

Когда все эти дела были сделаны, Халмат повел людей на длинную террасу, протянувшуюся между амбарами и конюшней.

— Вот ваше место, вон самовар. Там, на полочке, найдется заварка. Кипятите чай. Пейте на здоровье.

Люди недоумевали:

— Накормите нас. Что мы будем есть? Где наши постели?

Халмат спокойно ответил:

— Еду возьмете займы у бакалейщика. Для постелей есть солома, это бесплатно.

Пока вновь прибывшие умывались у колодца, поливая друг друга, открылась лавка. Во тьме вспыхнул красный язычок фонаря, чуть осветивший весы, сче-ты, коренастую, низенькую фигуру бакалейщика.

Таштемиру, как говорится, показалась халвой поденщина в городе. Но сейчас оставалось только примириться со своим положением. Как и другие, он провел холодную ночь, ворочаясь с боку на бок на сырой соломе.

На рассвете Халмат поднял всех. На завтрак они получили чай и зачерствелые лепешки.

Появился Гадай-бай в том же желтом шерстяном чекмене и в бобровой шапке. Сапоги были начищены до блеска. Смуглые щеки лоснились после бритья, но веки припухли и глаза покраснели.

Увидев бая, все вскочили. Ответив на приветствие, называя поденщиков «степными соколами», «молодчиками», он присел выпить с ними чаю.

— Вот мы и прибыли на свою родину,— ласково начал бай.— Мусафирабад отныне считайте своим отчим домом. Труд в степи награждается многими благами. Сегодня будете рыть канаву. Сегодня, хоть еще и не пятница, вечером Халмат угостит нас пловом. Давайте помолимся: «О всевышний, всемогущий, вознагради нас удачей, помоги в труде! Аминь!»

Халмат показал людям место работы. Бай отыскал в толпе Таштемира и поманил его пальцем.

— Подойди-ка сюда, соколенок мой.

Когда Таштемир подошел, бай, показывая на привезенные вчера саженцы, сказал:

— Умеешь обращаться с ними?

— Постараюсь!

— Коли так, оставайся. Пойдешь со мной в сад.

Садом Гадай-бай называл пустырь за двором, где не росло ни единой былинки.

Таштемир через калитку в конце двора перетаскал туда саженьцы.

Гадай-бай принес из амбара кетмень.

— На, возьми, знаток, желаю тебе найти удачу в этом деле!

Таштемир, в знак признательности опустив голову, взял из рук бая кетмень, и тут же зазвучали удары о сухую землю, по той черте, которую провел каблук бая...

Миновали годы.

Годы унылые, длинные, похожие друг на друга, наполненные тяжелым трудом, заботами, печалью, зимними холодами, летним зноем...

Гадай-бай, хотя и жил в Ташкенте, часто приезжал в степь. Во время сева и сбора урожая он подолгу оставался в Мусафирабаде. Его хлопковые поля постоянно расширялись. В год приезда Таштемира собранного хлопка хватало на сто арб, спустя семь лет понадобилось уже шестьсот арб, чтобы увезти урожай.

Таштемиру давно хотелось узнать, почему хозяина зовут Нищий богач, гадай — означает нищий. Откуда появилось это прозвище?

Однажды он спросил об этом у Халмата.

— Эх ты, простота! — воскликнул горбун. — Не можешь сообразить? Додуматься? Бай, отец наш, такой же бедняк, как и мы с тобой. Все его доходы идут в пользу святой мечети Шейхантаур!

Таштемир колебался, верить ли словам Халмата. Ему все более сомнительными казались эти слова: как это столько богатства могла забрать себе одна мечеть?

За семь лет на пустыре вырос сад. Деревья гнулись под тяжестью фруктов, увеличивали доходы хозяина. Гадай-бай, упаковав разные сорта яблок, груш, винограда, отправлял тяжелые ящики на станцию и посылал в далекие города России.

В конце седьмого года жизни Таштемира в Голодной степи пришла весть о революции. Первым о ней узнал Таштемир, ездивший с ящиками на станцию. В дождливые дни поздней осени из Мусафирабада исчез Гадай-бай. Он не рассчитался с рабочими, оставил их ни с чем. Когда многие из них, собрав свои пожитки,

ушли на ташкентскую биржу поденщиков, Халмат промолчал. Оставшимся он придумал работу, — велел им рубить деревья, начиная от тополей, кончая плодоносящими деревьями сада. Тогда Таштемир и смекнул, что это за человек.

Однажды, когда Халмат, погрузив на арбы дрова, уехал в город, Таштемир собрал оставшихся и рассказал им о событиях в соседних селениях, о том, как туда приехали из города и отдали землю и воду беднякам. Он говорил, что и в Мусафирабаде всем сообща надо прекратить безобразные дела Халмата, положить его бесчинствам конец.

Возвратившись из города, Халмат застал людей за работой. Они рыли каналы. Он остолбенел от удивления, не поверил своим глазам. Никто не подчинился его приказам...

Таштемир терпел голод, холод, но не покинул сад. Ему казалось, — едва он уйдет, Халмат вырубит деревья, уничтожит труды многих людей. Таштемир так привык к этой земле, что не мыслил жизни без тяжкого зноя, без холодных ветров Голодной степи. Да и плоды своего труда видел он перед собой: сад, посаженный им, становился пышнее, разрастался. Он знал каждое дерево, под сенью густой листвы забывал все невзгоды.

Любовь Таштемира к степи укрепил Иван Андреевич Мудров.

Мудров приехал в Голодную степь значительно позже Таштемира — в тысяча девятьсот двадцатом году, с группой ученых. В селе Крестьянское, в пятнадцати верстах от Мусафирабада, он основал научно-экспериментальное хозяйство: занялся проблемами орошения и семеноводства и развел небольшой сад. Жители степи в знак уважения называли его Иваном-ака.

С первых же дней своей жизни в степи Иван Андреевич заинтересовался садом Таштемира. Он осмотрел все сорта фруктовых деревьев. Отовсюду он брал горстки земли и, рассыпав ее на ладони, пристально разглядывал. Увидев канаву, переполненную до краев водой, недовольно покачал головой и посоветовал засыпать ее. Он предложил вырыть небольшие каналы вокруг сада и от них отвести ручейки. Посоветовал и на хлопковых полях заменить большие арыки множеством маленьких.

— Если будете так обильно поливать, земля ваша превратится в болото,— сказал Мудров,— вместо хлопка соберете соль.

Когда Иван-ака ушел, Таштемир задумался над его словами. Действительно, на обильно политых землях выступала соль и шли в рост сорняки, не спасала даже ежедневная прополка.

В самые знойные дни лета разыгралась малярия. Как и многие жители Мусафирабада, слег и Таштемир. Закружилась голова, потемнело в глазах. Потом бросило в жар, и он свалился возле арыка. Что было дальше, не помнит, а когда очнулся увидел незнакомый двор, незнакомую обстановку. Он лежал на мягкой кровати. Некоторое время спустя появились Иван-ака с женой. Стройная приветливая женщина, одетая в белый халат, дала больному щепоточку белого порошка и стакан горячего чая:

— Выпейте, вам станет лучше.

Таштемир выздоровел. И стал теперь частым гостем в доме Ивана Андреевича и его жены. А самой большой радостью было для него угощать друзей первыми плодами нового урожая.

Прошли годы. В Узбекистане началась земельная реформа. Иван Андреевич, бывший в те дни в Ташкенте, вернулся в Крестьянское ободренным, помолодевшим. Вместе с ним неожиданно приехал и Гадай-бай. Нищий богач был молчалив и мрачен: его земельные участки конфисковали. Ему оставили пару волов, лошадь и кусок земли, рассчитанный на его силу. Он поселился в степи. Земледелием не занимался, но постоянно возился в саду.

В Крестьянском организовался Совет, закипели дела. Мудрова избрали председателем. От Мусафирабада членом Совета стал Таштемир. Дружба между Иваном Андреевичем и Таштемиром окрепла еще больше.

Конфискованные земли перешли к бедноте. Произвели раздел земельных участков. Организовались товарищества, артели. В Мусафирабаде председателем артели избрали Таштемира.

К этому времени Таштемир, как говорится, вступил в пору зрелости. Вынесший на своей спине все тяготы жизни, он окончил курс ликбеза, приохотился читать газету «Беднота и крестьянство».

Былые поденщики стали здесь уже не пришельцами, а коренными жителями. Мусафирабад теперь не считался безлюдной, бесплодной степью, каким он был пятнадцать лет назад. От железнодорожной станции до Крестьянского и Мусафирабада протянулись мощные дороги. Верхушки голубых тополей Мусафирабада, казалось, касаются неба. Сады год от года расширялись, пополнялись новыми сортами деревьев, привезенными из окрестных селений.

Таштемир встретил Ханифу в тот год, когда проводилась земельная реформа. Ханифе тогда было восемнадцать лет. Отец ее, Габдулла-ногай из Казани, работал секретарем и переводчиком сельсовета в Крестьянском. Мудров немного говорил и понимал по-узбекски но с крестьянами разговаривал через переводчика и всюду брал с собой Габдуллу. Таштемир и Ханифа полюбили друг друга, но около года Таштемир мучился, не зная, как объясниться с девушкой. Неожиданно на Ханифу обрушилось большое горе: после долгой болезни Габдулла-ногай умер. Ханифу удочерил Мудров.

Таштемир признался Ивану Андреевичу, что любит Ханифу. Вскоре Мудров с женой приехали в Мусафирабад на свадьбу Таштемира и Ханифы. Среди гостей был и Гадай-бай. Он не отличался уже былой важностью, одевался просто, а иногда ходил, как все: босым или в крестьянской обувке. Похудев, он казался еще выше ростом. Борода и усы его поседел. Глаза потускнели, погрустнели, не вспыхивал в них былой огонек.

Некоторые с усмешкой поговаривали: «Вот теперь имя соответствует положению, истинно он теперь Нищий богач». Нашлись у него и защитники, говорившие: «Не задевайте Гадай-бая, как бы там ни было, но ведь это он привез нас сюда, в степь!»

Гадай-бай сделал жениху по-отцовски богатый подарок, надел на Таштемира халат, обнял его, прижал к груди и сказал: «Будь счастлив. Действительно ты оказался степным соколом! Теперь я могу спокойно закрыть глаза».

На второй день после этой свадьбы Гадай-бай исчез навсегда из степи. От Гадай-бая в наследство Мусафирабаду остался его двор, сад, двести гектаров земли —

заброшенные участки солончака, болот, камышовых зарослей.

В тридцатом году в Мусафирабаде организовали колхоз. По предложению Ивана Андреевича председателем избрали Таштемира. Народ дал новое название своему благоустраивающемуся селению «Мехнат Рахат», что значит — «Радостный труд». Общественным трудом земледельцы за десять лет увеличили свои поля в десять раз. Теперь у них было две тысячи гектаров полезных земель. Половину засеивали хлопчатником и с каждого гектара собирали по тридцать центнеров хлопка.

В летние дни 1941 года, когда фашисты ворвались на землю нашей Родины, Таштемиру шел пятидесятый год. В Голодной степи, в знак уважения, его все звали Таштемир-ата. Он славился на весь Узбекистан как мастер хлопководства. Когда разразилась война, Таштемир, оставив колхоз молодому хлопководу Мирхасилу, присланному из области, добровольцем ушел на фронт. Ханифа не захотела оставаться здесь одна без мужа, — ведь детей у них не было, и в солдатской теплушке добралась до Оренбурга, а оттуда переехала в Казань, к своему единственному родственнику дяде, жившему неподалеку от города. На семейном совете решили, что по окончании войны Таштемир заедет в Казань и заберет ее обратно в степь. А пока она принялась ждать писем от мужа, как больной ждет лекарства.

Письма приходили редко. От письма до письма прибавлялись седые пряди на висках и морщинки на лице.

Письмо с фронта...

Если бы в те годы спросить у Ханифы, что на белом свете движется медленнее всего, она бы ответила: «Письмо с фронта». По несколько раз в день бегала она на почту к самому берегу Волги. И не раз просиживала лунные вечера на почтовом крылечке, среди белых берез.

Дядя Ханифы вскоре тоже ушел на фронт, оставив ее одну. Она работала дояркой на колхозной ферме. Так в труде и ожидании прожила она три года. Однажды в дождливый вечер, поздней осенью 1944 года, Ханифа сидела за столом и при тусклом свете керосиновой коптилки в который раз перечитывала письмо от

мужа, посланное шесть месяцев тому назад. Послышался тихий стук в окно. Сердце дрогнуло. На пороге стоял старик в потертой шинели с рюкзаком за спиной, весь обросший. Он не был похож на Таштемира, с которым она рассталась три года назад. Но сердце Ханифы поверило: старый солдат Таштемир вернулся. Она бросилась к нему со слезами, но это были слезы радости. До самого утра проговорили они. Разговор их не прервался и когда жалкий свет коптилки померк под лучами солнца. Ханифа гладила шрамы на голове, на висках, на шее мужа и не могла наглядеться на его бледное, усталое лицо.

В конце ноября они возвратились в колхоз. В Голодной степи уже лежал снег, морозный степной ветер обжигал лицо. В правлении колхоза не оказалось никого, кроме Халмата, того горбатого Халмата, который прежде верно служил Гадай-баю. Теперь он втерся в доверие к новому председателю Мирхасилу, числился сторожем и был в курсе всех дел председателя; как говорится, крепко держался за полы его халата.

Халмат встретил Таштемира без особой радости, сообщил, что председатель увез колхозников на строительство Фархадского канала, а Мудров на этой народной стройке очень большой человек.

Тут же хихикнув, Халмат продолжил:

— В твоём доме теперь живет сам наш председатель Мирхасил. Ничего, братец, не поделаешь — времена изменились. Воля судьбы!

Ханифа удивлялась, что Таштемир спокойно реагирует на слова Халмата, не придает им значения. А Таштемир взяв мешок, направился к саду. Они с Ханифой обошли дом, занятый председателем, минуя заснеженные деревья в глубине сада, подошли к террасе, где была сушилка для плодов, и вошли в маленькую кибитку по соседству с террасой.

— Нам и здесь будет хорошо, Ханифа, — сказал Таштемир, снимая с плеч мешок. — Ты прибери в комнате, а я пойду поищу дров.

В один миг по всему селению распространилась весть о возвращении Таштемира с фронта. Один за другим в сад пришли его друзья, соседи. К вечеру и кибитка, и просторная терраса наполнились людьми. Старики говорили, что немедленно надо освободить дом Таштеми-

ра и снова избрать его председателем. Но Таштемир возражал:

— Не смогу я, постарел. Здоровье надорвано. Сказывается ранение в голову. Если правление согласится, я хотел бы работать садовником.

На другой день Мирхасил с Мудровым вернулись из Беговата. Таштемир и с ними поделился своими планами, и вскоре правление колхоза назначило Таштемира бригадиром садоводов.

С того дня прошло еще пятнадцать лет.

Теперь Таштемир, как говорят старики на Востоке, «прошел через все ворота жизни». За эти годы он построил себе новый дом, посадил новый сад. Многие садовники мечтали о сортах яблонь и груш из сада Чулбобо. У него росло более ста сортов винограда, различные сорта персиков, граната, инжира, айвы. Чулбобо осуществил мечту — снимать с одного дерева разнообразные плоды, на одном дереве вызревали у него до шести разных фруктовых видов. О соревновании Таштемира и Мудрова в выведении новых сортов ходили легенды. Иван Андреевич, когда его назначили главным ирригатором в Янгиерский Главголодностепстрой, передал колхозу свой опытно-экспериментальный участок, но часто приезжал посмотреть на своих питомцев. Два старика за тридцать два года знакомства, казалось, не могли исчерпать всех интересующих обеих тем, они при каждой встрече по-прежнему часами говорили об удобрениях, подвоях и черенках. На десятках гектаров в новых совхозах растут саженцы, выведенные их умелыми руками. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве красуются многие плоды из их садов. Доходы, полученные от этих садов, не только прославили, но и обогатили колхоз «Радостный труд».

А сейчас Чулбобо очень беспокоили «дела» председателя.

Мирхасил плохо разбирался в агрономии и начал губить степные земли. Он подводил каналы и засеивал веками пустовавшую землю. Два-три года с нее снимали высокие урожаи, но когда эти участки от неумеренного полива заболачивались, Мирхасил бросал их и переходил на новые. И опять то же самое: высасывал все из новой земли, собирал высокий урожай и уходил

дальше. План перевыполнялся, у всех было бодрое настроение, касса — полная, веселье — шумное! «Пусть на брошенных болотах пляшут черти». Никто не одергивал его, никто не разъяснял ему страшную цену достигнутой славы. Почему?

Этот вопрос до сего дня остается без ответа. Некоторые говорят: «Мирхасил закоснел, трудно теперь его сломить». А иные: «Кто захочет сломать себе шею, пусть тронет Мирхасила». Таштемир не раз слышал эти разговоры, но они не пугали его. Он попытался сам одернуть и вразумить председателя, а когда это не помогло, измерил заброшенные болота и написал в район заявление. Вызвали его в райцентр, но вместо того, чтобы выслушать старика, стали хвалить Мирхасила как лучшего председателя и мастера урожаев. Даже нашлись такие, которые в лицо Таштемиру бросили обидные слова: «Вы не можете смириться, что Мирхасил занял ваше место председателя, подкапываетесь под него».

Таштемир написал в область, попросил прислать комиссию, проверить состояние земель в колхозе «Радостный труд». Но и это его заявление почему-то снова попало в район, а оттуда не комиссию прислали, а взяли в оборот Таштемира. Мирхасил вызвал его в правление и сурово процедил:

— Прекрати безобразия, или я буду вынужден выслать тебя из колхоза.

Вот тогда-то, наверное впервые в жизни, Чулбобо растерялся. До рассвета он просидел с женой на террасе: обдумывали, прикидывали, советовались. Ханифа предложила ему поставить вопрос на заседании правления и поговорить с Мирхасилом откровенно при колхозниках.

Ранним утром они пришли в правление и до самого обеда просидели, ожидая, когда явится председатель.

Он пришел навселе. Чулбобо потребовал созвать срочно заседание правления.

— Правление — это я! — ответил Мирхасил, уставившись пьяными глазами на старика. — Что, пришел с очередью кляузой?

Таштемир потерял терпение. Он высказал Мирхасилу все, что думал о нем. Как тот истребляет золотую почву Голодной степи, как забыл думать о будущем,

как при таких порядках тысячи гектаров плодородной земли превратились в болота и, если так будет впредь, труды сотни людей погибнут зря. Чулбобо назвал это преступлением.

— Вот уже полвека, как мы живем в степи,— сказал Чулбобо,— и все пятьдесят лет боремся с солончаками, с болотами. Головы наши поседели в труде, пока мы постигли режим полива. Нашим трудом Голодная степь превращается в край больших урожаев. А вы эту землю, которая кормит нас, безжалостно уничтожаете!

— Что же выходит, я не даю государству хлопка?— крикнул Мирхасил и в гневе отвернулся от старика.

— Даете. Но за счет гибели золотых земель. Так нельзя, председатель. Если вы подлинно герой труда, добейтесь высокого урожая не за счет истребления земель, а сохраняя земли, освоенные этим трудом.

— Ага!— глаза председателя заискрились гневом. И ударяя рукой в грудь, где сверкала Золотая Звезда, он прохрипел:

— Выходит, государство зря мне присвоило высокое звание?

— Да, зря,— твердо сказал Чулбобо.— Если бы государство узнало, какой ценой вы платите за этот урожай, не присвоили бы вам высокого звания.

Мирхасил, потеряв самособладание, крикнул:

— Выйди из моего кабинета! Завтра же убирайся из колхоза вон!

— Спокойно, спокойно, председатель,— одернула его до сих пор молчавшая Ханифа.— И кабинет, и колхоз не личное ваше хозяйство, а народное. Всему бывает мера. Самодурству — тоже!

Таштемир убедившись в бесполезности разговора с председателем, покачал головой:

— Жаль, как жаль... Как это такому доверяют люди. Пойдем, Ханифа, мы ошиблись в нем. Найдется другой человек, который выслушает и поймет нас.

У Мирхасила от гнева дрожали побелевшие губы. Схватив трясущимися руками телефонную трубку, он выкрикнул какие-то слова.

Чулбобо с женой отправились к парторгу Аширали.

Недавно избранный парторгом худощавый, смуглый

парень сидел с бригадирами, беседуя об особом внимании к полевым станам. Увидев Чулбобо и Ханифу, они почтительно поднялись навстречу.

Таштемир подробно рассказал парторгу и присутствующим о разговоре с Мирхасилом. Никто не удивился, потому что все знали грубость и самоуверенность председателя.

Аширالي тяжело вздохнул.

— Сложный вопрос, большая задача. Вроде и последствия культа личности ликвидированы, а председатель не осознал, не понял чего-то. Он все еще живет порядками той эпохи. Но у нас есть силы одернуть, образумить его. Будьте уверены, отец, вы добьетесь цели. Мы не позволим ему губить хорошие степные земли. Народ и партия всегда за правду. Обязательно разберемся!

Заверения Аширали успокоили обиженного, взволнованного старика, ободрили его. Подумалось: «Аширали выполнит свое обещание, он человек слова».

Вот именно в этот день приехала в степь Фируза.

Глава третья

Фируза проснулась. Шумел, кипит, самовар. Надев платье, она выскользнула из-под марлевого полога. Ханифа уже убрала свою постель, вокруг низенького столика снова расстелила одеяла.

Фируза спустилась во двор и, нагнувшись над полураскрытыми бутонами роз, на которых еще не высохла утренняя роса, глубоко вдохнула их аромат. Умылась прохладной прозрачной арычной водой. Сорвав веточку мяты, воткнула ее в волосы за ухо. Взглянула на часы: половина шестого. Небо казалось серовато-розовым, напоминало угасающий костер. Кое-где, словно красные угольки из-под золы, сверкали звезды.

Фируза спала всего лишь три часа, но выспалась, почувствовала себя удивительно отдохнувшей и бодрой. Бывает иногда такое: если бы за плечами выросли крылья, кажется, взмахнула бы ими и полетела.

Из виноградника вышла Ханифа, неся полный поднос крупных гроздьев розового муската и дамских пальчиков.

— Проснулась, милая? Выспалась?

— Хорош степной воздух, легкий...

— Очень легкий! — засмеялась Ханифа. — Ветер принес нам прохладу от Сырдарьи. Эта прохлада на весь день наполняет нас силой, бодростью. Ну, пойдём скорее, позавтракаем.

Фируза взяла из рук Ханифы тяжелый поднос.

— А где отец?

— Возится в саду. Сейчас придет.

Фируза поставила на столик поднос, убрала полог, защищавший ее ночью от мошкары. Ханифа заваривала чай. Вошел Чулбобо с яблоками в подоле широкой рубахи.

— Под утро осыпались от ветра, собрал, — сказал он, высыпая яблоки на стол. — Бери, доченька, пробуй!

Яблоки были размером с пиалу каждое, желтые, как лимон, ароматные.

Фируза никогда еще не видела таких яблок и удивленно спросила:

— Что это за сорт?

— Голодностепский. Мы с Иваном вывели. Много сортов пришлось опылять да скрещивать, чтобы такой вырастить. Я хотел было назвать этот сорт именем своего друга Ивана, но он не согласился. Есть ведь мичуринские яблоки, так почему не может быть мудравских?

Фируза с хрустом откусила яблоко и, наслаждаясь ароматным, сочным плодом, воскликнула:

— Чудо!

Все сели за стол. Фируза попробовала виноград. Розовый мускат был сочен и душист. Дамские пальчики, на вид вроде ничем не примечательные, на вкус оказались слаще обычных.

Чулбобо положил в чай несколько ложек толочна и, помешивая его ломтиком лепешки, спросил:

— Ну как, агроном, виноград наш нравится? Похож на ваш городской?

— По форме да, а по вкусу он другой.

— Молодец, доченька, правильно! У нас здесь и солнце щедрее, и земля богаче, да и лето длиннее. Послушай, милая, мою заповедь: уважай землю и дорожи ею. Изучай книги, но уважай и народную мудрость. Учитывай опыт. О твоём приезде я ночью сообщил Ивану. Он сказал, чтобы ты повнимательней пригляделась

к колхозу, к людям, а потом пришла бы к нему. Он на рассвете поехал в Янгиер, южный канал бетонировать. Под его руководством там построен завод керамических труб. Золотой человек наш Иван!

После завтрака Таштемир позвал Фирузу в сад.

— А ну, оцени-ка наш труд!

Сад у Чулбобо начинался от самой террасы и уходил далеко-далеко, гектаров на триста. Он был расположен как бы в три плана: впереди красовались пышные, приземистые, усыпанные плодами гранатовые и инжировые кусты, затем, широко раскинув кроны, привольно стояли ряды яблонь и груш, а по границе сада высились виноградники, словно окаймляя его. Виноградные лозы были подняты на высокие железные шесты, перехваченные проводами. Из густой листвы свисали огромные, янтарные, розовые, черные гроздья, еще подернутые утренней росой.

Фируза удивлялась саду, восхищалась его диковинками.

В виноградниках она переходила от лозы к лозе, считала сорта, трогала тугие, тяжелые кисти, расспрашивала о них садовника и все время терзалась мыслью: «Неужели человека, создавшего такое чудо, председатель гнал из колхоза?!»

Наконец она решила спросить:

— Не верится, отец, неужели у председателя повернулся язык грозить вам?

Старик был как бы освежен утренней прохладой, красотой сада, и лицо его светилось радостью. Но оно мгновенно почернело, словно покрылось темным облаком, едва прозвучал вопрос девушки. Перед его глазами сразу встал Мирхасил, вспомнились его пренебрежительные слова о матери-земле, дарующей свои щедроты миллионам людей.

Чулбобо, засовывая за пояс секатор, проворчал:

— Видно, хозяйка всю ночь забавляла тебя сказками.

— Это сказки или жизнь?

Старик задумался. Сумеет ли девушка, только что приехавшая сюда, разобраться в степных неурядицах? И все-таки признался, теребя бороду:

— Действительно, мы с председателем, кажется, не придем к согласию.

— Значит, вы уверены, что с председателем нельзя найти общий язык?

— Если бы председатель мог ценить землю, жить не только сегодняшним днем, но думать и о будущем степных земель, можно было бы до чего-то договориться.

Любовь садовода к земле, его вера в свою силу и правоту передались Фирузе. Глядя на старика, она с уважением воскликнула:

— Живите, здравствуйте!

Из-за деревьев поднималось солнце. Тысячи и тысячи листьев и плодов, налитые соком, засверкали бесчисленными оттенками.

Сад показался Фирузе волшебным царством, она ждала, что вот-вот деревья заговорят и сами раскроют свои секреты.

Ветер со стороны канала шевелил каждым листком. Легкие волны ветра еще ниже клонили к земле отяжелевшие ветки, словно деревья благодарили землю-кормилицу. Временами слышался глухой стук падающих плодов. Фируза нагибалась то под одним, то под другим деревом, собирая плоды в корзинку. За короткое время большая корзинка переполнилась. Высыпав яблоки на циновку под огромной тенистой яблоней, девушка снова пошла по саду. Пришла Ханифа. Увидев Фирузу, собирающую яблоки, засмеялась:

— Что же это вы, отец, заставили гостью работать с первого дня?

Ханифа взяла из рук девушки корзинку.

— Сад Чулбобо словно родник. Сколько ни черпай, всего не вычерпашь. Тебе, доченька, пора. Знаешь, где правление?

— Спрошу по дороге.

Старик показал в конец сада.

— Иди прямо. Скоро увидишь белый высокий дом. Это и есть правление.

— Пойдем, я провожу тебя,— позвала Ханифа.

Подходя к виноградникам, Фируза услышала мужской голос, окликающий Чулбобо, и приостановилась.

— Наркузи идет,— обернулась удивленная Ханифа к мужу.— Как это он надумал, какой ветер его принес?

— По какому-нибудь делу,— ответил старик и, по-

вернувшись в сторону террасы, позвал:— Иди, иди, Наркузи, мы здесь.

Фируза возвратилась, чтобы увидеть Наркузи, о котором слышала вчера как о мастере хороших урожаев.

Наркузи сорвал в цветнике нераспустившуюся белую розу, понюхал, подсунил стебелек под тубетейку над ухом и подошел к старику.

Это был плотный, смуглый тридцатилетний человек, в выгоревшей на солнце защитной гимнастерке и галифе чуть потемнее, на ногах давно нечищенные кавказские сапоги. Туго опоясанный широким коричневым ремнем, он казался более статным и широкоплечим.

Гость чем-то напомнил Фирузе Шерали, она невольно представила себе их рядом и нашла явное сходство: у обоих продолговатые загорелые лица, смеющиеся, слегка прищуренные карие глаза, густые сросшиеся черные брови.

— Ассалям алейкум, отец!— поклонился Наркузи, сверкнув в широкой улыбке золотыми зубами.

Старик протянул было ему руку, но Наркузи широко раскрыл объятия. Они обнялись, словно старые друзья, которые давно не виделись. Сильными руками Наркузи прижал к себе старика.

— Эй ты, молодец, ломаешь мои старые кости! — воскликнул покрасневший Чулбобо.— Я тебе не Мирхасил.

— Вот тебе на! — заискрились глаза Наркузи.— И тут вы не позабыли попрекнуть меня председателем! Ваши отношения с председателем известны, а я-то при чем?

Старик, освободившись из крепких объятий, ответил:

— Не болтай зря. Если бы наши отношения с председателем касались не земли, а нас двоих!..

Наркузи, подавая руку тетушке Ханифе, лукаво глянул на нее:

— Неужели и мы к старости станем такими же ворчунами?

Ханифа заступилась за мужа:

— Нет, он не ворчун, Наркузи. Вы, как говорится, лучше просите у аллаха дозволения дожить до такого же возраста, а каким тогда станете,— увидим.

— Мечтаю дожить,— ответил Наркузи, глядя в упор на девушку, стоявшую под яблоней.— Тетушка, вы бы познакомили с гостьей.

— Пожалуйста, будьте знакомы с новым агрономом нашего колхоза. Зовут ее Фируза.

Наркузи протянул девушке руку и больно сжал ее пальцы, как показалось Фирузе, нарочно, чтобы показать свою силу. Она не вскрикнула, но взглянула на Наркузи с досадой.

— Очень рад,— сказал Наркузи, осторожно разглядывая стройную девичью фигуру.— Из Ташкента?

— Да!

Он повернулся к старику.

-- Пришел просить вашего благословения, дорсгой наш отец: сегодня начнем сбор!

— Вчера я видел ваше поле. Хлопчатник раскрылся на славу. А людей хватает?

Наркузи снял тюбетейку, выронив розу, и потерял волосы. Углубились две складки на темном лбу.

— Нет, народу у нас маловато. Придется подумать над этим. Хочу просить председателя, пусть пригласит человек двести горожан.

— Ох-хо... чего захотел!— засмеялся старик.— Если каждой бригаде по двести горожан, сколько же понадобится всему колхозу?

— А мне какое дело?— Наркузи нервно скомкал тюбетейку в кулаке.— Моя бригада вырастила большой урожай. Теперь пусть дадут людей, тогда и получат хлопок. Вот и все.

Чулбобо, держа ладони перед лицом, воскликнул:

— Да сбудутся мечты твои! Перевыполнить план тебе да стать героем! Аминь!

— Спасибо, отец! Надеюсь, исполнятся ваши пожелания.

Наркузи снова попытался обнять старика.

Ханифа стала между ними, заслоняя мужа:

— Потихе, не похваляйся силой!

— Перед таким львом я, пожалуй, всего лишь мышонок!— отшутился Наркузи.

— Вы в правление? Идемте вместе,— предложила молчаливая до сих пор Фируза.

— С удовольствием.

Проходя через виноградник, Фируза не удержалась:

— Взгляните на эти грозди! Чудо!

— Нет равных Чулбобо!— ответил Наркузи, указывая на золотисто-янтарную кисть, под лучами солнца казавшуюся прозрачной.— Это уже третий сад, выращенный его руками. От такого сада дохода не меньше, чем от хлопчатника.

Фируза спросила:

— Почему вы отношения Чулбобо с председателем считаете для себя посторонним делом? Вы не разбирались в их споре?

— Наш милый старик хочет пользы от каждого вершка земли.

— А председатель?

— А председатель бросает истощенные участки, распахивает новые. В нашем колхозе пять гектаров земли на одного человека.

— А почему он бросает освоенные участки?

— Станный вопрос задаете...— Наркузи горячо, убежденно принялся доказывать:— Гораздо легче освоить новый участок, чем осушить заболоченные поля. Разве вы не слышали поговорку: «Если хочешь состариться, обновляй обветшалое!» Вот я... Я сам лично не оставил не одного гектара, но мне приходится в три раза больше трудиться, чем бригадам на новых участках. Вот в чем дело, товарищ агроном!

— Так-то оно так, но если из-за трудностей старые участки забрасывать, степь очень скоро превратится в болото, не так ли?

— Вот это и волнует Таштемира.

— А вас?— спросила Фируза.— Вас это не волнует? На заброшенные участки вы смотрите сквозь пальцы?

— Эх-хе!— Наркузи улыбнулся насмешливо.— Вы как следователь. Почему должен горевать я, пусть горюют те, кто виноват!

— Как же вы отделяете себя от всех? Земля — общая. О дальнейшей судьбе земли нужно заботиться всем. Если Чулбобо будет думать только о своем саде, а вы только о землях своей бригады, будет ли толк? Мне кажется, вопрос надо понимать шире.

— Правильно,— покорился Наркузи,— но председатель наш думает по-иному. Вы новый человек, поработайте с нами, потом потолкуем.

. К длинному белому одноэтажному зданию правления они подошли с боковой стороны. Свернув к фасаду, увидели на площадке около правления небольшую толпу: в основном бригады, что-то горячо обсуждавшие. Наркузи подошел, поздоровался с каждым. Потом представил Фирузу. Оказалось все ждали председателя. Он вскоре подкатил на новенькой «Волге».

Мирхасилу на вид лет сорок. Это крупный, рослый человек, в хорошо выглаженном цвета хаки кителе, в начищенных до блеска сапогах. Из-под новой тубетейки выбивались редкие волосы. Крупный нос краснел на бледном, плоском лице. Мирхасил, видно, только поборился, видны были следы пудры, и от него исходил резкий запах одеколона. Подходя к ожидающим, он сразу почувствовал настроение, с каким его встречали.

— Опять явились скандалить? Давайте, выкладывайте. Говорят, на свете нет неразрешимых задач.

— Не хватает фартуков, мешков,— развел руками один из пожилых бригадиров.— Как быть?

— У меня нет ни мешков, ни фартуков,— грубо отрезал председатель.— Принесите из дома, почините старые.

— Машины, обещанные вчера, не прибыли,— пожаловался другой бригадир.

Председатель промолчал.

— Собранный хлопок горой лежит на хирмане, как быть?

— Машины придут. Что еще?

Женщина, державшаяся в стороне от толпы, подошла ближе.

— Неважные дела в моей бригаде. Вчера кладовщик не выдал продукты, все остались без обеда. Скажите ему, пусть не мотает нам нервы каждый день. Надо отпустить сразу на весь месяц.

— Хорошо, Турсунахон, хорошо, я прикажу ему.

В разговор вмешался муж женщины, новый парторг, долговязый молодой парень по имени Аширвали.

— Товарищ председатель, к вам просьба: зайдемте в правление и продолжим разговор там.

— Здесь вам не нравятся, что ли? — нахмурился Мирхасил.— Давайте меньше болтать, примемся за дело. Идите по своим бригадам. Разгар сбора, а мы —

митингуем. Сегодня по бригадам пошлю своих представителей, им и сообщите обо всех неполадках.

Людям пришлось замолчать.

Мирхасил окинул взглядом каждого в отдельности и, когда увидел Наркузи, кивнул:

— Зайди в правление, есть дело.— После этого он снисходительно обернулся к Аширали: — Зайди и ты.

Наркузи, показывая кивком головы на Фирузу, сказал:

— Приехала из города, агроном.

— Зайдите и вы,— сухо разрешил председатель и, тут же отвернувшись от нее к Наркузи, добавил:

— Я в курсе, звонили из района.

Мирхасил направился в правление.

Аширали, посадив жену на коня, напутствовал ее:

— Поезжай скорее, не отставайте там, продукты я привезу сам.

Турсуна, похлестывая коня, улыбнулась Фирузе:

— Не забудьте навестить и нас, Фирузахон!

— Конечно, сестрица.

Площадь опустела. Кто на мотоцикле, кто на лошади — все разъехались.

Фируза из рассказов Ханифы и Чулбобо уже имела представление о председателе, а его обращение с бригадами дополнило этот портрет.

Наркузи взял девушку за локоть.

— Идемте, Фируза, в правление.

Фируза, Наркузи, Аширали прошли в кабинет председателя. В длинном темном коридоре правления грузный человек, сидевший на скамейке у двери, обитой черным дерматином, встал. Он хотел было заслонить собой дверь, но увидев Аширали, тут же прижал руку к груди и нарочито любезным голосом протянул:

— Пожалуйста, партком, салам алейкум.

Видно было, что Аширали недолюбливал этого стража: он сдержанно ответил:

— Ваалейкум ассалам... Мне кажется, Халмат-ака, чем охранять порог председателя, лучше бы вам пойти на поле поработать, как вы думаете?

— Состарился я, не по силам мне, Аширали-бай.

— А вы поработали бы по силам: поставили бы самовар, напоили бы сборщиков чаем.

Халмат, не придав особого значения словам Ашир-али, буркнул:

— Посоветуемся с председателем...

Фируза переступила порог огромного мрачного кабинета, соответствующего солидности человека, имя которого было указано на табличке. Напротив двери громоздился стол, покрытый красным плюшем. Справа прижался к стене маленький столик с тремя разноцветными телефонными аппаратами. Фирузе таких аппаратов не доводилось видеть даже в городе. В центре стола, утопая в громоздком кожаном кресле, восседал председатель. Вокруг стояло еще шесть таких же кожаных кресел, дюжина дубовых, обитых бархатом, и дюжины две стульев, тоже обитых бархатом. Длинный стол, приставленный перпендикулярно к столу председателя, вполне сгодился бы для большого министерства.

Видно было, что вся эта мебель сделана по особому заказу.

Тяжелые плюшевые занавеси на окнах и дверях создавали таинственный полумрак.

Председатель пригласил сесть только Ашир-али, и, если бы не парторг, Фирузе и Наркузи пришлось бы стоять. Раздался звонок.

Мирхасил, сняв белую трубку с телефона, пообещал кому-то собрать сегодня три процента хлопка. Для пущей убедительности ударил себя в грудь:

— Пусть я не буду мужчиной, если не сдержу слова.

К концу разговора от усилий говорить почтительно и любезно его красный нос посинел. Своего невидимого собеседника он просил непременно приехать сюда, в колхоз, на отдых. Пообещал поехать с ним охотиться на фазанов.

Наконец положив трубку на рычаг, Мирхасил зазмурился, тяжело вздохнул, открыл глаза и многозначительно посмотрел на всех, сидящих вдоль длинного стола.

— Вот, слышали, какие трудные задачи перед нами? Три процента! Слышали, Ашир-али? Требуют три процента! Это вам не фунт халвы. Три процента — это девяносто тонн пушистого хлопка. А ведь собирать его надо по грамму, щепотка за щепоткой. Итак, перейдем к конкретным делам.

Опираясь о высокие мягкие подлокотники, Мирхасил потянулся и широко зевнул.

— Вот ты, Аширали, сказал: «Пойдемте, поговорим в правлении». Нет, дорогой партком. Судьба трех процентов хлопка решается не в кабинете, а в поле, на хирмане.

Аширали стало душно от слов председателя, сказанных сквозь зевоту. Он расстегнул воротник гимнастерки.

— Верно, — судьба урожая решается именно в поле. Но не надо, товарищ председатель, забывать, что судьба урожая зависит от людей. В первую очередь надо подумать о тружениках, удовлетворить их просьбы, их нужды. С людьми, председатель, нужно уметь обращаться. Труженики заслуживают вежливого обращения.

— Вот оно что, — прищурил глаза Мирхасил. — Может, хотите сказать, что я грубиян?

— Да, грубиян, — спокойно подтвердил Аширали. — И еще какой...

— В чем выражается моя грубость? — надменно поинтересовался Мирхасил. — Может, назовете, кого я обидел?

— Сейчас не время об этом говорить, — ответил Аширали. — Как вы сами сказали, лучше поговорим о конкретных вопросах: во-первых, скажите Ильхамче, пусть сегодня же обеспечит бригады продуктами. Если он их не доставит, следует заменить его на этом посту, найдется другой, более деловой человек.

Категорический тон Аширали заставил председателя сдержать резкость. Слегка покачиваясь, он процедил:

— Хорошо, хорошо, выполним. Что еще?

— Вы говорили о представителях, которых намереваетесь послать по бригадам. Что это за представители?

— Ну, кто еще может быть? Наши же, из правления.

— Нет необходимости.

— Почему?

— Каждый бригадир в своей бригаде является представителем правления, — ответил Аширали, и, посмотрев на Наркузи, спросил: — Как вы считаете, товарищ бригадир?

Наркузи очутился между двух огней. Если он согласится с Аширали, значит, пойдет против председателя. Если согласится с председателем — признает свое бесправие в делах бригады. Он растерянно взглянул на Фирузу. Она с интересом ждала его ответа.

— Представитель — хорошее дело, но когда их много, они мешают работе,— ответил Наркузи.— Да и незачем торопиться: скоро приедут представители из района, из области. Каждому будет нужен ночлег, постель, обед...

— Молодец, Наркузи!— поддержал его Аширали и продолжил свою мысль:— Надо больше доверять бригадирам. Председатель, партком, агроном могут заменить в колхозе любых представителей.

Председатель, намеревавшийся свалить свои обязанности на плечи других, как-то обмяк от слов Аширали, словно человек, уронивший арбуз, который долго нес. Особенно ему не нравилось, что разговор происходит при новом агрономе.

— Вы всегда идете мне наперекор!— не выдержал наконец председатель.— Не согласны со мной? Тогда идите, делайте, как сами знаете!

— Если я не прав, докажите это!— не сдавался Аширали.— Если у нас разногласия, давайте поговорим на заседании правления.

Предложение Аширали застало председателя врасплох.

Фируза, со вчерашнего дня много слышавшая о председателе, поймала себя на мысли, что ей стало легче, когда она увидела, как он притих перед правдой.

Мирхасил, сидевший с опущенной головой, взглянул исподлобья на Наркузи:

— У вас ко мне дело?

— Вы сами сказали, что надо поговорить.

— Вот какой разговор: каждый день вы должны давать по четыре процента хлопка.

— Пожалуйста, но при одном условии...

— Какие еще условия?

— На моем участке хлопок раскрылся полностью, а рук не хватает. Дадите подмогу, получите хлопок.

— Урожай большой!— посветлел председатель.— Сколько тебе нужно людей?

— Не меньше двухсот.

— Пригласим горожан, мне обещали. Готовь им место.

— Спасибо, председатель.

Фируза неожиданно вмешалась в разговор:

— Почему вы не используете хлопкоуборочные машины, товарищ председатель?

— Используем,— нехотя ответил Мирхасил.— Но каждому овощу свое время...— Он поднялся с места и одернул полы кителя.— Мы что-то засиделись, давайте-ка лучше поедем по бригадам. Ты, Аширали, поезжай в бригаду Турсунахон. От моего имени скажи Ильхаму, пусть отпустит продуктов на три дня.

— Ты... простите... вы, Фируза, идите в бригаду Наркузи. Вечером жду сводку на четыре процента. Если будет меньше,— не зачем. Я проверю другие бригады.

Положив ладони на стол, Мирхасил дал понять, что прием окончен.

Фируза отправилась вместе с Наркузи. Вскоре они свернули на поле. По узкой дорожке, среди густых зарослей хлопчатника, шли молча. Фирузе захотелось спросить о колхозе, о бригадах, о многом, но она не решилась беспокоить призадумавшегося попутчика.

Так шли они минут десять, пока за рослыми и мощными кустами хлопчатника, показалась белая терраса с шиферной крышей.

— Вот полевой стан нашей бригады,— пояснил Наркузи и засмеялся:— Теперь вы у меня в руках, товарищ агроном. Заставлю поработать на славу, по-нашему, по-колхозному.

— Я не боюсь работы,— ответила Фируза.— Я пришла в степь не на отдых.

Глава четвертая

Фирузе еще ни разу нигде не приходилось видеть такой богатый урожай. На Янгиюльском учебно-экспериментальном участке института она сама выращивала хорошие урожаи. И поэтому ясно представляла себе, сколько труда, усердия, умения и знаний передовой агротехники потребовалось, чтобы вырастить такой хлопок. Она знала, что в Янгиюле возможностей да и ра-

бочей силы, гораздо больше, чем в Голодной степи, и не представляла, что когда-нибудь кто-нибудь сможет добиться таких богатых успехов. До самых плеч поднимались раскидистые, тяжелые ветви, усыпанные бесчисленными коробочками. Возле одного куста она остановилась и принялась считать раскрывшиеся и еще не раскрывшиеся коробочки; семьдесят штук, не считая мелочи. Она прикинула, сколько грамм хлопка в одной коробочке, затем — сколько кустов в гектаре, гектары перевела в тонны... Ого!.. Рекордный урожай! Вот они, плоды трудов в зимнюю стужу и под летним степным солнцем. Сейчас не время было выяснять у Наркузи детали этой воистину титанической работы, но потом она расспросит его обо всем по порядку и подробно.

Фируза посмотрела на бригадира, шедшего поодаль и улыбнулась ему. По-видимому, Наркузи понял значение этой улыбки: лицо его посветлело.

Когда Фируза и Наркузи дошли до полевого стана, сбор хлопка был уже в разгаре. Все работали в поле. Только молодой весовщик да двое стариков сидели в углу на циновке за чайником зеленого чая.

Увидев бригадира, весовщик растерялся. Не зная, куда девать расписную цветастую пиалу, вскочил и суетливо приветствовал Наркузи:

— Ассалам алейкум, с добрым утром, Наркузи-ака!

Старики тоже собирались было встать и поздороваться с бригадиром, но Наркузи сам кинулся к ним, протягивая руки:

— Сидите, сидите, почтенные!

— До нас дошли слухи, что Наркузи приступает к сбору урожая, вот мы и пришли на помощь,— сказал, хитро улыбаясь, один из стариков.— Мы хоть и не сможем собирать, но думаем, что и нам найдется работа по силам.

— Найдется!— подтвердил Наркузи, подсаживаясь к старикам на циновку.— Пожалуйста, Фируза, садитесь, потолкуем со стариками,— пригласил Наркузи агронома и, посмотрев на долговязого весовщика, стоявшего с прижатой к груди пиалой, добавил:— А вы, Мирфаяз, повяжите фартук и ступайте собирать хлопок. Видите, пришли помощники, они заменят вас.

— Говорил же я тебе, найдется и нам работенка, — закричал один из стариков в самое ухо другому.

Мирфаяз сник, ссутулился.

— Ладно, Наркузи-ака, пойду... — он отошел в дальний угол и неторопливо начал рыться в куче фартуков.

— Эй, джигит, живее! — крикнул следивший за ним бригадир. — Не забудьте, что дневная норма — восемьдесят килограммов.

Мирфаяз, обиженно насупившись, ушел в поле.

— Оказывается, человек может ростом достичь высоты тополя, а ум сохранить, как у мальчишки, — сердито сказал Наркузи. — В прошлом году я прогнал его от весов. В этом году он опять сюда явился. Какой узкий специалист!

Старики поднялись с места.

— Давай примемся за дело, — опять крикнул старик в ухо другому. — Я подмету полевой стан, а ты, Маасуль, займись весами.

Старики принялись за работу.

Наркузи, глядя на Фирузу, засмеялся:

— Как вы насчет сбора?

— Буду собирать!

— Давайте соревноваться. Ваши условия?

— Условия? — Фируза призадумалась, потом показала на самый большой арбуз в грудке других: — Вот мое условие: кто проиграет, тот один съест этот арбуз.

— Условие принято!

Оба рассмеялись.

Наркузи повязал фартук и, направляясь в поле, поручил старику, возившемуся у весов:

— Сейчас придет наша повариха Мариам-апа. Передайте ей, пусть сегодня готовит плов.

— Ладно, сынок, передам. Ладно.

Когда Фируза и Наркузи подошли к полю, им встретились сборщики с полными фартуками.

— Достанется же нашему весовщику, — сказала Фируза, быстро и ловко срывая двумя руками белые хлопья. — А старик грамотен?

— Я спокоен за стариков, — ответил Наркузи, не отрывая глаз от хлопчатника. — Они знают все. Если даже и неграмотны, со счета не сойдутся.

Сборщицы, увидев бригадира с незнакомой девушкой, не преминули подколынуть:

— Раз принялся за сбор сам Наркузи-ака, значит, выполним норму.

— Если сам бригадир не выполнит, помощница выручит.

— На то он ее и привел!

Над полем зазвенел задорный девичий смех.

— Эх вы, трещотки, сороки!— отозвался, скрывая смущение, Наркузи.— Это наш колхозный агроном. Зовут ее Фирузахон.

Но такое объяснение удовлетворило далеко не всех.

— А я все гадала: чего это бригадир не выходит в поле? А он, оказывается, совещался с агрономом!

— Сестрица агроном, остерегайтесь бригадира: он так ловко собирает урожай, что за ним не угонишься.

— Ну и что? Если агроном и проиграет, так ведь не кому-нибудь, а бригадиру!

— Полно, полно, девчата: обидится агроном и сбежит от нас обратно в город!

Фируза в девичьих шутках уловила доброе отношение к бригадиру, но такое вольное их с ним обращение не очень-то ей понравилось.

Развеселившиеся девушки вскоре отправились к весовщику, и Фируза, искоса глядя на Наркузи, сказала:

— А вы, я вижу, дружите с девушками!

— Вот уже шесть лет мы работаем вместе,— не спеша ответил Наркузи.— С тех пор у нас нет друг от друга секретов. У многих из них я уже гулял на свадьбах. Не девушки, а огонь! И замужество не повлияло, не угомонились.

Фируза перешла на соседнюю борозду.

До обеденного перерыва Фируза пять раз ходила к весовщику. Каждый раз ее фартук весил около пуда. От старика она узнала, что Наркузи уже сдал больше ста килограммов.

Когда гонг возвестил об обеденном перерыве и Фируза поставила на весы неполный фартук, Наркузи многозначительно кашлянул. Подняв голову, она увидела смеющегося бригадира, кивнувшего ей на огромный арбуз.

Во время обеда на полевом стане было много гос-

тей — кинооператоры, корреспонденты городских и районных газет, фотографы и даже один писатель. Он попросил выключить репродуктор и, вынув из кармана блокнот, принялся записывать какие-то цифры и ответы Наркузи.

Кинооператоры поставили свою аппаратуру на краю поля и попросили девушек вернуться к хлопчатнику. Этим они не ограничились и, прервав беседу Наркузи о писателем, заставили бригадира тоже выйти на поле. Видно, Наркузи уже не раз попадал в руки операторов и фотокорреспондентов: он вошел в круг сборщиков и принялся жестикулировать, словно давал какие-то указания. Затем, приняв чинный вид, медленно пошел на кинокамеру. Наконец, подвязав фартук, изобразил сбор хлопка.

Бригадир не растерялся и тогда, когда к губам ему поднесли микрофон. В пятиминутной, ровной, без запинок, речи он подробно рассказал, как его бригада работает на ста тридцати гектарах земли, начиная от зимнего полива и до весеннего квадратно-гнездового сева; от внесения летних удобрений и до сегодняшнего дня — начала сбора.

Когда он говорил своим приятным, мягким голосом, щелкали фотоаппараты, сверкал магний, шуршали крутящиеся диски с пленками, мелькали авторучки по белым листкам блокнотов.

Наркузи не ограничился лаконичными ответами, иногда он намекал на новые темы, на «острые углы». Наконец съемки прекратились, и бригадир вернулся к писателю, продолжившему свои вопросы.

— Все данные, о которых вы спрашиваете, есть на плакатах, — ответил бригадир и, повернувшись к Мирфаязу, крикнул: — Пойди принеси из Красного уголка плакат и дай гостю.

Со стола, покрытого красной скатертью, Мирфаяз принес плакат, скатанный в трубочку.

Наркузи раскрутил трубочку.

— Вот, товарищ писатель, — здесь все указано. У нас на полевом стане агитация и пропаганда на должном уровне.

Эти слова бригадира послужили новой пищей корреспондентам. В тот же миг они окружили его, засыпая новыми вопросами.

Не исчерпалась еще эта тема, как Наркузи подбрoсил новую.

— Вы сами видели наш урожай, товарищ писатель. Сейчас задача — собрать весь урожай. Не хватает рук. Надеемся на помощников, но и сами не плошаем. Сегодня помогает нам наш новый агроном — Фирузахон. Соревнуясь со мной, она до обеда собрала более 80 килограммов хлопка. Соревнование бригадира с агрономом. Правда, интересно?

Фируза, услышав столь лестные слова, смутилась. Но писатель тотчас посадил ее рядом с бригадиром и принялся уточнять биографию. Лицо ее горело. От смущения она отвечала сбивчиво, запинаясь.

Фирузе много раз случалось заполнять анкеты, но теперь впервые пришлось рассказать на людях свою жизнь. Да и чем примечательна жизнь двадцатилетней студентки?

Другое дело — биография Наркузи. Он был в армии, потом поднимал целину, выращивал рекордные урожаи.

А Фируза? Что сделала она, чем отличилась? Своего отца она не видела. Мать, учительница, растила ее без мужа. Теперь — стала агрономом. Вот и вся биография.

Фируза взглянула на девушек, стоявших возле, на ребят, на пожилых людей, на бригадира, корреспондентов, операторов. Все они смотрели на нее с интересом, стараясь запомнить ее ответы.

— Я вас очень прошу, товарищ писатель, не пишите ничего обо мне, — попросила Фируза. — Ничего я еще не сделала в своей жизни.

— Вот так да! — удивился писатель. — Разве это не дело, что до обеда вы собрали пять пудов хлопка?

— Многие девушки, да и сам бригадир, собрали гораздо больше.

Наркузи вмешался в разговор:

— Фируза скромничает. Пишите.

— Нет, не надо писать — решительно запротестовала Фируза. — Сегодня я в этой бригаде, завтра — в другой. Да и в нынешнем урожае нет ни малой доли моего труда. Я всего-навсего начинающий, еще неопытный агроном. Не обо мне, а вот об этих удивительных людях надо рассказывать. — И тут же обратилась к де-

вушкам: — Расскажите-ка корреспондентам, по сколько килограммов хлопка вы собрали?

Девушки словно только и ждали этого. Тут же окружили гостей и затараторили:

— Напишите обо мне, я собрала сто три килограмма.

— Э, разве они напишут обо мне и о тебе. Они напишут о тех, кого порекомендует председатель!

— Эй, Хадича, не задевай председателя!

— Подумаешь! Съест он меня, что ли?

Полленькая, кругленькая хохотушка подошла к писателю.

— Рассказать вам мою биографию?

Писатель, опасаясь ее упорного взгляда, отодвинулся.

— Мне не нужна ваша биография!

— А почему? — не сдавалась толстушка. — Моя биография увлекательнее любой истории из «Тысяча и одной ночи».

Девушки расхохотались.

— Пишите, — настаивала толстушка. — Когда мой муж задумал дезертировать из армии, я собственноручно поймала его и отвела куда следует. Сейчас он, как все его одногодки, на военной службе. Пишет мне слезные письма.

Одна из тараторок вставила:

— А Саракон эти письма со слезами читает.

Наконец гостей пригласили к плову, а после плова подали арбуз.

— Вот это арбуз, чудо! — протяжно сказал Наркузи и, хитровато поглядывая на Фирузу, ловким взмахом ножа разрезал прекрасный плод. Но, повинуясь законам гостеприимства, предложил всем сочные алые ломти.

Фируза отвернулась и засмеялась.

После обеда сборщики ушли в поле. Бригадир повел корреспондентов к густым деревьям. Под тенью раскидистых талов у прохладного водоема разместились ясли. В кроватках лежали малыши. Матери только что покормили их и оставили здесь.

Фируза тоже пришла в этот тенистый уголок. Стоя возле бригадира, она внимательно слушала.

— Матери довольны, — говорил Наркузи, с улыб-

кой глядя на малышей.— Они спокойно работают: их дети под присмотром. Детский сад у нас не хуже. Он — вот там, в яблоневом саду.

Фирузе понравилась забота бригадира о матерях, но в его восторженном рассказе она уловила нотки хвастовства. Ей показалось, что Наркузи рисуется и набивает себе цену. И все же хотелось оправдать его поведение: «Может быть, это нужно — умело показать свои достижения? — И возразила себе самой: — А почему он сам говорит о себе, ведь это нескромно...»

Проводив корреспондентов, бригадир спросил:

— Не устали? Будем еще собирать?

— Нет, не устала. Но ведь нам с вами надо посмотреть весь ваш участок.

Предложение Фирузы понравилось бригадиру. Еще рано утром, при первой встрече с девушкой, Наркузи поймал себя на мысли, что ему хочется обстоятельно, не торопясь, поговорить с ней. В сердце затеплилось какое-то новое чувство.

— Как раз сейчас подходящее время, — согласился Наркузи. — Оседлать коней?

— Зачем? Пройдемся пешком. Не очень далеко?

— Далековато. Пять больших карт у нас, придется ходить до вечера.

— Пойдемте!

Они пошли по краю, обсаженному молодым туюником.

Наркузи рассказывал:

— Эта карта — сорок гектаров. Остальные — по тридцать. У нас есть аксакал Иван Андреевич Мудров. Знаток полива. Три года назад они с Чулбобо, осмотрев мои карты, посоветовали отодвинуть участки подальше друг от друга. Составили новую схему полива. Облегчилась обработка хлопчатника, меньше нужно воды. Урожай значительно возрос.

Они остановились возле канавы в конце участка.

— И дренажные канавы вырыты по совету стариков, — сказал Наркузи, оглядывая с бугорка участок. — Это вот стекает соленая вода. Когда мне Иван Андреевич сказал: «Под землей больше воды, нежели на поверхности», я удивился. Видите, течет столько же воды, сколько в большом рыке.

Фируза заглянула в канаву.

— Действительно, на этой воде могла бы работать мельница.

— Земля в Голодной степи капризна, — продолжал Наркузи. — Если в одну борозду выльете ведро воды, то во второй борозде она пережестнет через край. Зимой донимают талые воды. Но эти каналы выручают нас.

Фируза спросила:

— Значит, в ссоре Чулбобо с председателем упоминались эти каналы?

— Щекотливый вопрос!.. — Наркузи, сняв тубетейку, почесал затылок. — И утром я не знал, как вам ответить, и вот сейчас трудно сказать.

Фируза взглянула на бригадира:

— Почему?

Глаза Наркузи потускнели, он долго молчал. Наконец заговорил, разминая сапогом ком глины:

— Фирузахон, это сложная задача, поймите, ведь это не личная ссора садовода с председателем. Это разные взгляды, разное отношение к голодностепской земле. Разногласия их возникли давно. Один говорит: «Земли достаточно. Степь бескрайняя. Нужно везде сеять, все использовать».

Голодностепская земля, Фирузахон, удивительная: два-три года дает отличный урожай, затем перестает впитывать воду, становится болотистой. Подземные воды на поверхность поднимают соль. Очень трудно сеять на таких землях. Поэтому многие бросают заболоченные солончаки, переходят на новые участки. На новой земле хороший урожай, большие доходы...

Но другой отвечает: «Земля — народное достояние. Земля — богатство, земля — золото. При хорошем уходе земля не два-три года будет вас кормить, а вечно. Надо заботиться о доходах не только на сегодняшний день, надо думать о будущем!» Люди, думающие так, крепко держатся за свои участки. Прежде чем требовать чего-либо от земли, приводят ее в порядок, борются с ее врагами. Затем получают хороший урожай, но не оставляют своих забот о земле.

Эти рассуждения рассеяли сомнения Фирузы. Теперь бригадир, был ей ясен: он близкий председателю человек, один из тех, кто безжалостно изнуряет землю, хвастун, выставляющий себя напоказ.

Чтобы убедиться в своей правоте, еще раз проверить себя, она спросила прямо:

— А на чьей стороне вы?

Он не решался резко ответить девушке, с первого взгляда приглянувшейся ему. Молча подошел к молодому тутовнику, сорвал зеленый листок и принялся жевать.

Фируза раздраженно спросила:

— Почему вы не отвечаете?

— Вот мои поля, — сказал Наркузи, широко раскинув руки, словно желая обнять бескрайнюю зеленую землю. — С того дня, как я стал бригадиром, все время здесь. Ни одного вершка земли я не погубил и не собираюсь губить. Приглядитесь, походите, посмотрите всюду. Нигде на моем участке не увидите ни сорняков, ни заболоченной земли, ни единой камышинки. Тридцать четыре члена бригады — все мы боремся за свою землю. Не за горами зима — увидите, как мы будем питать землю талыми водами. Соль с поверхности смоем. Не раз, а три, пять раз смоем. Если понадобится, и больше. Наши каналы унесут всю грязь. Мы, как доктора, стерилизуем свою землю от всех болезней. Бывает, по пояс влезает в ледяную воду. Нелегко в Голодной степи выращивать хлопок. В Янгиюле, где вы сеяли и выращивали хлопок, гектар земли рассчитан на одного человека. А у нас одному человеку приходится обрабатывать пять-шесть гектаров земли. Мы обеспечены машинами. Но и машинами управляют люди. Те веселые красавицы, которых вы недавно видели, таскают удобрения, окучивают и рыхлят почву. Терпят комаров и москитов. Этот урожай, это изобилие не сами собой пришли. А вы: «На чьей я стороне».

Фируза неожиданно почувствовала, что верит Наркузи, что уже отказалась от своих скоропалительных выводов о приверженности его к председателю. И все-таки отойти от этой темы она не могла.

— Извините меня за мою назойливость. Но я не могу забыть болота и камыши, которые видела вчера. Разве те земли не народное добро? Почему их забросили? Ночью я слышала историю Чулбобо. Историю Голодной степи. Историю земли. Историю наших предков. Оказывается, в Голодной степи и раньше были люди, подобные Мирхасилу. Они-то и оставили нам в наслед-

ство болота в Голодной степи, комаров, камышовые заросли, солончаки. Сейчас иное время. Теперь Голодная степь — не дойная корова в руках богачей, а народное добро.

— О, вас уже успели просветить, — улыбнулся Наркузи, перепрыгнул через канаву и протянул Фирузе руку: — Смелее! Прыгайте!

Прыгнуть девушка прыгнула, но туфли увязли в глинистой земле. Пришлось прибегнуть опять к помощи Наркузи.

Когда они пошли по плантации, расположенной на другой стороне канавы, Наркузи неожиданно остановился.

— Фируза, я бывший солдат. В армии меня научили беспрекословно подчиняться приказам. Председатель — командир. Мой долг подчиняться. Ничего плохого не сделал мне Мирхасил-ака. Чего бы я ни пресил у него для бригады, он не отказывает, во всем идет навстречу. Конечно, я не согласен с его методом освоения земель. Я против. И другие против того, чтобы забрасывать землю. Но я не считаю себя вправе противоречить председателю. Да и времени у меня нет на все эти споры. Я работаю, вот моя основная задача. Теперь вот приехали вы, будем трудиться вместе.

Фируза поняла бригадира, и хотя не могла согласиться с ним, не стала больше возражать. Ведь в Голодной степи она новый человек. Первый день она дышит этим воздухом. Все впереди. Еще не раз ей придется встречаться с бригадиром, говорить с ним.

Фируза ласково глянула на него, ладонями коснулась белых коробочек и сказала:

— Спасибо вам!

Наркузи молча направился к следующей карте.

Пока они закончили осмотр, пока обошли все участки, солнце склонилось к горизонту. Дневная жара спала.

У стариков на полевом стане кипела работа. Один из них помогал молодому арбакешу грузить мешки, туго набитые хлопчатником, а второй по-прежнему стоял у весов, подзадоривая девушек.

Фируза дотемна помогала на полевом стане. После того как ушла последняя арба, Наркузи принялся подсчитывать собранный и уже отправленный хлопок.

Оказалось, два с половиной процента. Усомнившись, бригадир несколько раз просил старика читать записи, сделанные арабскими каракулями, а сам щелкал костяшками замусоленных счетов, но как он ни пересчитывал — получалось два с половиной процента.

— Странно! — раздраженно сказал Наркузи. — Нехорошо получается.

Фируза, увидев нервно приподнятые брови бригадира, уловив его беспокойство, взяла все записи старика и принялась считать сама. Два с половиной процента...

— Наркузи-ака, подсчитано верно, — убеждала она бригадира, — тридцать пять человек и не могли собрать больше. По-моему, вам нужно срочно сбросить листья на трех полосах и пустить хлопкоуборочные машины.

— Верно-то оно верно, — по привычке приподняв тубетейку и почесывая затылок, согласился Наркузи. — Но мне кажется, пора призвать помощников.

— Ведь горожане не работают даром, — возразила Фируза. — Это отразится на доходах бригады. Машинный сбор обходится дешевле. А если горожане все-таки приедут, работы хватит и для них.

Наркузи промолчал. Затем, подвинув к себе счета, вздохнул:

— Взгреет нас председатель. Пообещали ему четыре процента.

Бригадир не пошел сам в правление, а послал сводку с Мирфаязом.

Потом проводил Фирузу до дома Чулбобо. Прощаясь, пожимая шершавыми мозолистыми руками слабые руки девушки, он спросил:

— Завтра встретимся?

Фируза украдкой взглянула на него, на его опечаленные глаза, и ей стало грустно.

— До свидания, Наркузи-ака, будьте здоровы.

Фируза ушла, а Наркузи долго еще стоял, прислонившись к арбе, оставленной возле стены.

В эту ночь Фируза написала первое письмо Шерали. Она писала, что остановилась в доме Чулбобо — в центре колхоза «Радостный труд», рассказывала о заботливой и словоохотливой тетушке Ханифе, о саде, выращенном удивительным стариком.

Глава пятая

Прошел месяц. За это время Фируза обошла все бригады колхоза, хлопковые поля, плантации риса, фруктовые сады, приусадебные участки. Она узнала строевые почвы, все арыки и каналы, заболоченные участки, камышовые заросли и солончаковые пустыри, не обозначенные в плане. Этих бесплодных земель она насчитала не менее семисот гектаров. Выходило, что Чулбо-бо был прав.

Как ни старался Мирхасил, выполнить по графику сентябрьский план сбора урожая ему не удалось. Не помогло ему и усердие горожан, приехавших на сбор. Бригада Наркузи перевыполнила план, собрав сто семьдесят процентов, но это оказалось лишь щепоткой соли, брошенной в огромный котел.

Мирхасил, в начале уборочной кампании взявший большие обязательства перед районным руководством, ходил теперь словно по горячим углям.

Когда Фируза, возвращаясь с поля, заглянула в правление, председатель горячо спорил с Аширали. Задыхаясь от злобы, как от удушья, кстати и некстати выкрикивая «мабодашник» вместо «саботажник», председатель обвинял Аширали в том, что он помешал своевременно послать представителей в каждую бригаду и этим сорвал мероприятие.

Смеркалось.

Никто не заметил, как в кабинет вошла Фируза.

Когда, постояв у порога, она включила свет, председатель, полагая, что это пришел Халмат, крикнул:

— Где ты?

Но обернувшись к двери, увидел стоявшую у порога Фирузу, и его лицо еще больше нахмурилось.

— Ах, это вы? — произнес он строго. — Где вы болтаетесь? Нигде не видно вас.

Фируза покраснела. Но осталась на месте, словно прикованная, машинально теребя пуговицы на голубой кофте и время от времени поглядывая на сидящего в глубоком кресле председателя.

— Чего это вы там стоите? — крикнул Мирхасил, хрустя пальцами. — Или проходите, садитесь, или уходите.

Фируза осторожно прошла по красной ковровой дорожке и присела около парторга. Она прямо посмотрела в глаза председателю, наблюдавшему за ней.

— Товарищ председатель, а не могли бы вы говорить вежливо?— сказала она дрогнувшим голосом.

— Ха-ха, не у вас ли мне учиться уму-разуму!

— Фируза права,— вмешался в разговор Ашир-али.— Надо обратить внимание и на свое поведение, председатель. Давно прошли времена угроз и грубости.

Мирхасил снял тубетейку и погладил свои редкие волосы.

— Вы думаете, мне легко?— проворчал он.— Государство требует от меня хлопок, а вы разводите антимонию о культуре.

— Мы живем в особую эпоху. Как ни странно, урожай тоже зависит от культуры,— вразумительно сказал Ашир-али.— Энтузиасты, которые по первому зову приехали в Голодную степь, могли заработать свой кусок хлеба где угодно, а приехали к нам сюда. Надо с ними ладить, незачем грубить. Они не заслужили такого обращения, товарищ председатель. Ведь, говоря по совести, трудовой человек сторонится грубиянов; даже от тени всяких бюрократов простой человек отворачивается. Честные труженики ценят внимание к себе, доброе отношение. Тогда и работа у них спорится, и работается веселее.

— Я требую от них дела,— возражал Мирхасил.— От меня бегут только бездельники и лодыри.

Фируза, уже успевшая окунуться в гущу колхозных будней, не стерпела клеветы. Глядя прямо в лицо председателя, она рассказала о том, что увидела и услышала.

— Я новый человек в колхозе,— спокойно сказала она,— сперва мне не все было ясно, и я ничего не говорила, но больше нельзя молчать, иначе мои мысли запутаются и мне трудно будет их распутать.

— Говорите все, что лежит на сердце,— подбодрил девушку Ашир-али.— Если болячку не лечить с первых дней, она может отравить весь организм!

Мирхасил, почесав заросший подбородок, встал с кресла.

— Если не возражаете,— сказал он, застегивая во-

рот кителя, — поговорим у меня дома, все мы проголодались.

Фируза, прерванная на полуслове, вопросительно взглянула на Аширали.

Мирхасил уловил ее быстрый взгляд и понял его значение. «Нашла единомышленников!» — подумал он.

— Пойдемте! — И добавил, обращаясь к Фирузе: — Познакомьтесь с моей женой.

Девушка стояла в нерешительности. Но Аширали согласился.

— Пойдемте. Продолжим разговор в доме у председателя.

Когда они вышли из кабинета, на скамеечке в коридоре увидели дремлющего Халмата. Он вскочил при появлении председателя и приложил руку к груди.

Мирхасил, проходя мимо сторожа, буркнул:

— Буду дома.

— Ладно, хозяин.

После освещенного кабинета Фируза долго не могла привыкнуть к темноте улицы и шла, придерживаясь за стены.

Мирхасил, взяв ее за локоть, показал дорогу.

— Еще наша станция не начала работать, приходится экономить энергию.

Но вдруг они оказались у дома, со всех сторон окруженного высоким забором, где над желтыми воротами сверкала лампочка в двести свечей. Над воротами был сооружен балкон, а при входе во двор в ярко освещенном гараже сияла зеленая «Волга». Фируза, привыкшая видеть председателя на голубой машине, удивленно посмотрела на новую, сверкающую яркой зеленью.

Асфальтированная дорожка от ворот вела в глубь сада и, огибая водоем, приводила к высокой открытой террасе. Запах зеленой арчи, посаженной по обе стороны дорожки, напоминал аромат крепкого зеленого чая. По углам водоема, чуть возвышаясь над водой, зеленые металлические трубы поддерживали красные шары, внутри которых горели лампочки, и свет их таинственно трепетал в воде, где плавали рыбы.

Мирхасил, шедший с гостями, остановился около террасы и сказал сидевшему там парню:

— Принесите хлеба, Ильхамбай.

Ильхамбай бросился к скатерти, расстеленной по-

среди террасы, схватил две сдобные лепешки и подал председателю. Кивком головы он поздоровался с Фирузой, а Аширали протянул кончики пальцев:

— Здравствуйте, партком-ака!

— Не умеешь даже как следует руку подать,— заметил Аширали, крепко сжимая его пальцы.— Есть ли у тебя душа?

— Ой, может, ее уж и не осталось — засмеялся парень.— На день раза по три получаю взбучку от председателя...

— Ругаю! — замигав тяжелыми веками, подтвердил председатель.— Если тебя не ругать, ты половину колхозного добра съешь.

— Спаси аллах, хозяин, — закачал головой Ильхамча.— Я сорок раз кланяюсь тому, у кого попробовал хоть щепотку соли.

Фируза не понимала смысла этих намеков и недоговоренностей между председателем и Ильхамчой, совмещавшим должность колхозного кассира с обязанностями заведующего складом.

Мирхасил разломал одну лепешку на кусочки и бросил в водоем.

Рыбы засуетились, набрасываясь на каждый очередной кусок, отнимая его друг у друга.

Вторую лепешку Мирхасил протянул Фирузе.

— Возьмите, порадуйте рыбок.

Девушка взяла лепешку, но, прежде чем разломить ее, призадумалась. Лепешки были еще теплые, от них пахло жиром и очагом. Отломив кусочек, она бросила его в воду. Большие и маленькие рыбы кинулись к нему, но достался он большим рыбам, и между ними завязался настоящий бой. Вдруг со дна стремительно всплыл могучий сом, длиной в метр, и мигом проглотил хлеб. Фируза, мелко раскрошив остальную лепешку, кинула ее в сторону обездоленных.

Мирхасил пригласил гостей на террасу.

Восьмиугольная терраса стояла в центре сада. Крыша мерцала оцинкованным железом. На полу переливались багровыми оттенками отличные туркменские ковры, застланные атласными одеялами. С потолка свешивалась огромная люстра. В ее лучах сиял, как весеннее небо, голубой резной потолок. Посреди террасы стоял низенький стол, покрытый розовой скатертью.

Едва гости опустились на одеяла, Мирхасил приказал Ильхамче:

— Ускорь с пловом. И скажи тетушке, пусть выйдет.

— Слушаюсь, хозяин.

Пятясь лицом к гостям, Ильхамча сошел со ступенек и тут же через желтенькую калитку нырнул во внутренний двор.

Фируза, налюбовавшись окружающим великолепием, посмотрела на сад. Всюду, куда падал свет, виднелись огромные деревья: яблони, груши, айва, усыпанные плодами. Судя по величине и густоте деревьев, саду было лет тридцать.

Фирузе вспомнились рассказы Чулбобо, и она подумала, что это была часть сада, посаженного еще при Гадай-бае. За дальним забором высились такие же рослые деревья. Она поняла, что Мирхасил часть сада окружил высоким забором и отрезал для себя.

Чтобы как-то развлечь агронома, Мирхасил, протягивая ей пиалу, спросил:

— Ну, как мой сад?

— Очень хорош, — задумчиво ответила Фируза. — Историю голодностепских садов рассказал мне садовод. Нелегко было вырастить здесь такие сады.

— Чулбобо прав, — подтвердил Мирхасил, вынимая из кармана коробку «Казбека». Он закурил, и пока горела спичка, странно мерцали покрасневшие его глаза.

— Пока на степном солончаке вырастишь одно дерево, измотаешься. Этот сад тоже вырастил Чулбобо. Надо ему отдать должное: чудотворец! Но надоел он нам своими интригами, жалобами. — Помолчав, председатель добавил: — У него нет других забот, кроме кляуз да склоки. Интриган.

— Интриган? — удивленно переспросила Фируза.

— Да, всем надоел своими интригами.

— А в чем это выражается?

Мирхасил, подсунув под локоть подушку, вытянул ноги.

— Извините, радикулит... На каких только курортах не лечился, не проходит. Отнимается поясница, слабеют ноги. Заработал в степи. Да, мы даем хлопок, а другие — кляузы. Не осталось учреждений, куда бы Чулбобо не писал жалоб. По его словам, я якобы истре-

бляю степные земли, развожу камышовые заросли, болота. Допустим, если я гублю землю, откуда же тогда хлопок? Государству не кляузы нужны, а хлопок. Не будет хлопка, остановится промышленность. Чего-чего, а степных земель у нас хватает. Чулбобо одно должен понять: кто жалеет солончаки, тот не соберет сотни тысяч тонн хлопка. А хлопок — главное.

— Он-то понимает,— возразил Аширали.— Но он душой болеет за каждый клочок земли, бережет от засоления. Он прав: лучше сразу беречь, чем потом восстанавливать. С тугаями, председатель, пора начинать борьбу. Ведь это правда, что много земли уже непригодно для посевов? Вам самому надо избавляться от привычки отвечать клеветой на критику.

Мирхасил, со стоном отодвинувшись от подушки, сел, задумчиво опустив голову.

— И еще...— продолжал Аширали.— Чулбобо остерегает вас от беды. Если мы избавимся от болот, вы избежите от пятна на вашем добром имени. Уважайте садовода, не забывайте, что живете в саду, посаженном его руками. Неужели, председатель, все это непонятно вам?

— А старик пускай сутяжничает? Да? Выходит, так?— загорячился Мирхасил.— Оставит он меня в покое или нет?!

Фируза уже месяц жила у Чулбобо, знала его любовь и уважение к земле, к труженикам и не могла остаться безучастной к несправедливым обвинениям и укорам председателя. И она снова начала с того, о чем говорила в правлении, когда ее прервал председатель.

— Я новый человек в колхозе,— сказала она, взглянув на председателя, глядившего голенища своих коричневых сапог.— Вначале я растерялась, увидев необычные степные земли, оробела перед размахом работ в колхозе. Но когда узнала людей, познакомилась с жителями, я убедилась, что колхозники любят землю, толково относятся к воде, ценят технику. Хорошие, трудовые люди. Благодаря им я полюбила Голодную степь, поняла, что в этой земле таятся большие сокровища. Поняла и то, что степные земли не бездушны, нет. Но они требуют к себе особого отношения. Если относиться к этой земле чутко, заботливо, если полюбить ее истинной любовью земледельца, она откликнется,

она отблагодарит. Расстелет перед вами свою щедрую скатерть. А если ее не любить, не ухаживать за нею, если думать только, как бы побольше выжать из нее, она отвернется от земледельца и одарит его не плдами щедрого урожая, а солончаком, колочками, болотом и камышом.

— Что? Выходит, я не люблю землю, да?! — беспокойно замигал глазами председатель. — Если бы я не любил землю, зачем бы мне тут, в Голодной степи, вондться двадцать лет?!

Этот вопрос озадачил Фирузу. За двадцать лет Мирхасилу пришлось двадцать раз изнывать в тяжелой степной жаре, двадцать раз мерзнуть под холодными зимними ветрами, двадцать раз в поте лица выращивать урожай хлопка, а она, Фируза, всего лишь месяц дышит этим степным ветром. Кто же прав, Мирхасил или Фируза? Но ведь Чулбобо и Иван Андреевич прожили в степи гораздо больше, чем Мирхасил, вложили не меньше труда и забот в степную землю, и именно они обвиняют председателя в истреблении земли. Значит, Фируза отстаивает не свои личные интересы. А как в институте подходили к этому вопросу? Разве какая-нибудь теория предусматривает такое хищническое отношение к земле?! Эти доводы подбодрили девушку, и она решила возразить председателю.

— Меня беспокоят два вопроса, — сказала Фируза, глядя в сторону. — Первый — это урожай нынешнего года. Я побывала во всех бригадах, подсчитала все возможности. Перевыполнит норму бригада Наркузи. Выполнит план бригада Турсуной, а остальные не дотянут. Как говорится, «что есть в котле, то будет и на столе». А в их котлах ничего нет. Какие бы ни давали они обязательства, это дела не спасет. Уже кончается октябрь. Хлопчатник растет на земле, не с неба падает, а сколько его на земле — известно. Поэтому незачем сейчас переводить время на лишние разговоры и ругань, а надо скорее собирать оставшийся урожай и думать об урожае будущего года.

Второй мой вопрос — это камыши, тугаи. В ближайшие дни я все подсчитаю и сообщу вам, какой вред они приносят колхозу. Обсудим. Но уже теперь ясно, что избавиться от тугаев нам одним не под силу. Надо будет позаимствовать опыт у новых совхозов.

Фируза, высказав то, что мучило ее, почувствовала облегчение.

А председателю была неприятна эта правда о невыполнении плана, о землях, вышедших из строя. Ему не хотелось признать правоту агронома, согласиться — значит, взять на себя вину, значит, подтвердить, что эти ошибки он допустил сознательно. А следовательно, подставить свою голову под удар, потерять должность, власть, авторитет! А если не согласиться, будет ли молчать Чулбобо? Нет! Старик не такой простачок, да еще к нему присоединилась эта зубастая Фируза.

Из двух слившихся ручейков получается река. От двух слившихся рек образуется море.

Мирхасилу казалось, что его подхватили мощные морские волны. Словно вырываясь из крепких, душивших его рук, он странно передернулся, выравнивая дыхание.

Слушая Фирузу, удивился и Аширали. Он не забывал, что ответственность за дела своего колхоза он несет наравне с председателем. С тех пор, как его избрали секретарем, он иногда давал председателю те или другие советы, высказывал ему те или другие свои мысли, но ни разу не вынес на общее собрание обсуждение действий председателя, с которыми не был согласен, и вот план оказался под угрозой невыполнения. Почему Аширали поступил так непринципально, избегал острых споров? Не хотел портить отношения с председателем, подчинился его авторитету? Как же совместить это все с той высокой должностью — секретаря партийной организации, — которая ему доверена?

Мирхасил хмуро молчал, упершись локтем в подушку, и сравнивал все то, что высказала ему Фируза и что раньше он слышал от других.

Мирхасил, как и прежде, когда слушал упреки колхозников, сидел, понуро опустив голову, и не спешил отвечать, но не потому, что не знал, что сказать. Ответ у него всегда был наготове: «Пойдите, взгляните на поля, на поселок. Разве прежде были здесь поля хлеба, плантации хлопка и риса, сады, благоустроенные дороги, светлые дома? Кто построил все это? Кто поднял целину? Кто дает из года в год высокие урожаи? Критикам мы отвечаем делами».

Забыв о своем радикулите, он поджал под себя ноги и, широко раскинув руки, сказал:

— Никто не спорит: этот сад выращен Чулбобо. Большое-пребольшое ему спасибо и от нас, и от будущих поколений. Но когда он был председателем, в нашем колхозе было всего-навсего две тысячи гектаров земли. А сейчас — три тысячи. Кто освоил эту тысячу гектаров? Мы освоили, народ освоил! Так вот, товарищ агроном, надеюсь, Чулбобо не забыл поставить вас в известность и об этом факте?

— Да, он говорил, — твердо ответила Фируза. — Но он сказал и о семистах гектарах, вычеркнутых из плана. Вначале я не поверила. Пошла глянуть своими глазами. А поглядев, измерила.

— Вот как! Измерили? — прошипел, задыхаясь, Мирхасил, ударяя кулаком по коленям. — Значит, недаром я хватился агронома в самый разгар хлопкоуборочной кампании. Нигде не могли вас найти, а у меня для вас были поручения.

— Я в ваш колхоз приехала не рассыльной работать. — Я — агроном, товарищ председатель. За эти дни я досконально изучила колхозные земли, осмотрела нынешний урожай, прикинула возможности на будущее, беседовала с колхозниками. Проверила почти на каждой карте в отдельности. Ильхамча, думаю, доложил вам, что я освободила одну комнату в правлении под лабораторию. Теперь, пожалуйста, можете спрашивать у меня, какие удобрения надо дать на какую карту, когда и сколько поливать, как избавиться от соли и прочее. Оказывается, голодностепская земля — клад для науки.

Покачивая головой, Мирхасил дернул воротник рубахи и насмешливо вздохнул:

— Недаром говорится, когда пастухов много, бараны дохнут. Чем больше агрономов, тем ниже урожай.

— Неправда! — побледнела Фируза. — Не валите с больной головы на здоровую. Вы послушайте агронома, а потом увидите результат!

Мирхасил хотел было что-то ответить, но заскрипела калитка внутреннего двора и появилась его жена Зулука, или, как почтительно называли ее муж и подчиненные мужа, — Зулукхан.

Председатель молча поднялся. По асфальтовой до-

рожке, поскрипывая лакированными, без задников, туфлями, вперевалочку шла Зулукхан.

Аширали и Фируза по примеру председателя тоже встали.

Зулуке было лет двадцать семь — двадцать восемь. Ее полное тело колыхалось под черным крапчатым атласным платьем. Лоб был обтянут фисташковой крепдешиновой косынкой. С широких черных бровей, видно, только что смыта усьма. Огромные лучистые глаза и густые ресницы подведены зеленовато-голубой сурьмой. На полном круглом лице виднелись следы розовой пудры. Пухлые губы были покрыты темной помадой.

Когда Зулука поставила ногу на верхнюю ступеньку, Мирхасил протянул ей руку, чтобы помочь перешагнуть через порог.

— Познакомьтесь, — сказал он, искоса поглядывая на Фирузу. — Новый наш агроном Фируза.

Когда Зулука вошла на террасу, в лучах света ярко засверкали золотые серьги в ее ушах и многочисленные перстни на пухлых пальцах.

Зулука сжала руку Фирузы в своих мягких, пропитанных кремом и духами ладонях и, глядя в спокойные большие глаза девушки, сказала:

— Хорошо сделали, что приехали, — и жеманно колыхнулась своей широкой, бесформенной талией. — Не беспокоят вас комары? Или вы из тех, что укусите любого комара, а?

— Фирузахон спасается от комаров под пологом у старика садовника, — подсказал жене Мирхасил.

Фируза смутилась, не зная, как ответить на остро-ты супружеской четы.

Зулукхан прошла на почетное место и опустилась на шелковые одеяла, поджав под себя ноги в желтых атласных шальварах с красной тесьмой на щиколотках.

Удивленно взглянув на мужа, она, казалось, спрашивала его: «Почему не садишься?»

Мирхасил же, побаиваясь жены, не решился предложить Фирузе занять свое место, и Аширали, заметив это, сам попросил Фирузу сесть.

Зулука широко раскрыла перед собой ладони, соблюдая религиозный обычай, и, что-то прошептав, провела ладонями по лицу.

Эта набожность жены председателя поразила Фирузу.

Мирхасил протянул жене чашку с чаем.

— Не помешала ли я вам?— спросила Зулука, вопросительно поглядывая на мужа.— Кажется, у вас была приятная беседа.

— Был деловой разговор,— поспешил ответить жене Мирхасил, но голос его звучал робко, неуверенно.

— С каких это пор у вас появились от меня секреты?— упрекнула она мужа.— Продолжайте, или же я уйду...

Аширали, не желая продолжать прерванный спор, попытался перевести разговор на другую тему:

— Турсуну справлялась о вас. Просила, чтобы вы приехали на поле, помогли собирать хлопок.

— Председатель болен, я сейчас занята, лечу его,— отведя взор, заявила Зулука.— Я думаю, здоровье председателя нужно колхозу?

Мирхасил, увидев Ильхамчу, вносящего фарфоровое блюдо с пловом, подтвердил:

— Конечно, необходимо!— И, взглянув на Фирузу, добавил:— Если бы не Зулукхан, пропал бы я.

За ужином разговор не клеился. Председатель помалкивал, очевидно, опасаясь продолжать разговор, прерванный приходом Зулуки. Аширали на вопросы Зулуки тоже отделялся односложными ответами.

— Что это вы плохо угощаете гостей? Раскупорили бы бутылочку,— усмехнулась Зулука, искоса поглядывая на зеркальный шкаф, видневшийся через открытую дверь. В той небольшой комнате стоял полированный спальный гарнитур. Это, видно, была летняя резиденция председателя.

— Вы пьете вино?— спросила Зулука у Фирузы.

— Никогда не пробовала,— суховато ответила девушка.

— Вы городская, а не пробовали вина!

— А что, все городские пьют?

— Пьют! Своими глазами видела, пьют!— твердо объявила Зулука.— Да и вы, конечно, пьете, а сейчас просто скромничаете.

— Никогда не пила!— покраснев, резко сказала Фируза.— Я была занята учебой, работой, не до вина было.

— А, вы еще молоды. Научитесь со временем, — решила Зулука.

— Постараюсь воздержаться.

— Не пьете, так по крайней мере кушайте.

Фируза два-три раза протянула ложку к блюду и вытерла руки.

— Кушайте, — настаивал Ильхамча. — Или вам не нравится мой плов?

— Почему же? Плов очень вкусный.

— Тогда понятно: это вы оставляете место, чтобы покушать в доме Чулбобо, — пошутила Зулука. — Там вкуснее?

Фируза промолчала.

После обеда Зулука, снова раскрыв перед собой ладони, помолилась.

Когда гости поднялись, хозяйка продолжала сидеть.

— Захаживайте, — вяло сказала она Фирузе, спускавшейся по лесенке. А когда девушка сошла на асфальтовую дорожку, понизив голос, добавила: — У нас в доме не водятся скорпионов.

Фируза, услышав это, подумала: «Ты сама скорпион».

Мирхасил, не зная, проводить ли гостей дальше, в нерешительности остановился возле водоема.

— Захаживайте, — повторил он слова жены. — Вопрос о заболоченных землях решится. Нам важно сохранить авторитет колхоза.

— Пока не решили вопрос с болотами, трудно говорить о взаимопонимании и чем-то авторитете, — резко ответила Фируза. — Земли под камышом — это народное добро, и распоряжаться ими должен народ. Подумайте об этом серьезно, председатель!

— Хорошо, агроном, хорошо. Я подумаю серьезно, — в тон ей ответила председатель.

Фируза и Аширали перешли дорогу и, спотыкаясь на темной улице, свернули к дому Чулбобо.

Мирхасил тем временем давал указания Ильхамче, проводившему гостей до узорчатых желтых ворот.

— А ну, быстро за ними, последи, какой они выкинут фокус.

— Слушаюсь, хозяин!

Ильхамча кинулся вслед...

Глава шестая

Все больше росло уважение Фирузы к тетушке Ханифе, к старику садоводу. Прошло уже два месяца, как она приехала в Голодную степь. Она давно убедилась, что с таким же широким гостеприимством, как Чулбобо и Ханифа, могли ее принять к себе в дом и Аширали с Турсуной, и Асальхан, и Сарахан, и десятки других колхозников — добрые приветливые люди жили здесь.

Фируза видела, что в глухом степном селении люди относятся друг к другу словно родные. Что болеют душой друг за друга. Искренность, человеческая доброта покорили сердце девушки. Фируза в каждом доме оказывалась желанной гостьей. Даже милые ферганские хохотушки, первое время осыпавшие девушку насмешками, теперь в ней души не чаяли. Фируза и сама не знала, чем она расположила к себе сердца степняков. Скромностью ли, искренностью ли, девичьим ли обаянием?

Фируза перезнакомилась со всеми. И только с Иваном Андреевичем Мудровым ей не удавалось встретиться. Последний раз Мудров приезжал в колхоз за день до ее приезда. Чулбобо, обещавший познакомить их, тоже нетерпеливо поджидал своего друга.

Приближались Октябрьские праздники. Чулбобо был уверен, что на праздник Мудров непременно сюда приедет. Каждый год Иван Андреевич в этот день ходит в кишлаке Крестьянское на русское кладбище и проводит там весь день. На могиле своей жены Марии Федоровны. А потом обычно остается на неделю, две — закупает в колхозе «Радостный труд» по десяти — пятнадцати тысяч саженцев для новых совхозов в Голодной степи, по старой памяти помогает «Мирзачульводстрою» в осенне-зимних работах.

Фирузе интересно было повидать русского ученого, чье имя в этих краях стало почти легендарным.

Когда ей приходилось ночевать на полевых станах в отдаленных бригадах, она беспокоилась, как бы не упустить Ивана Андреевича, как бы не приехал он в ее отсутствие.

Накануне праздника небо заволочли густые темные тучи, пошел снежок. С раннего утра горожан, работав-

ших на сборе хлопка, принялись отправлять в город-домой. Организатором этого был Аширали. Колхозники отправились по домам или перебрались на полевые станы. Ворохоочистители убрали под навес. Собранный курак прикрыли брезентом. К вечеру на полях не осталось ни души. Затих шум на полевых станах. Только на голых ветках орешин тоскливо каркали бездомные вороны. Ветер, дувший со стороны канала, крутил снежные хлопья и, не давая им опуститься на землю, уносил куда-то в степь. Но постепенно все вокруг покрылось белой пеленой, белые хлопья летели все гуще и гуще...

Задержавшись на полевом стане второй бригады, Турсуной и Фируза сели на циновках под навесом, подсчитывая сбор этого дня и хлопок, который успели отправить. Прибавилось еще 0,09 процента. Значит, всего почти 99 процентов плана. На полях курака осталось много, надо его собрать, высушить. Если бы продержалась сухая погода, недостачу можно было бы собрать за день, за два, но теперь, когда повалил снег, на сбор потребуется не меньше двух недель.

Турсуной надеялась, что к празднику ее бригада выполнит план. Не удалось. Фируза, видя подавленное настроение подруги, пыталась ободрить ее:

— Вы-то выполните свои обязательства, а вот другие... едва ли. Что же им делать?

Слова Фирузы не успокоили Турсуной.

— Противник мой по соревнованию Наркузи выполнил план на сто восемь процентов, — ответила она, печально глядя на Фирузу. — А я с чем явлюсь вечером на торжественное собрание?

Фируза встала, потуже затянула пуховый платок, застегнула пальто.

— Не расстраивайтесь, сестрица, — ласково сказала она, — в этом году вы проиграли. Лучше давайте подумаем, что сделать, чтобы это не повторилось в будущем году.

Фируза, засунув руки в рукава, вышла из-под навеса в заснеженное поле. Рядом с ней зашагала Турсуной, прижимая локтем большие счеты.

— Вы верите, что в будущем году урожай будет лучше нынешнего?

— Уверена, сестрица, уверена, — произнесла Фируза.

за, с трудом вытаскивая сапоги, увязавшие в липкой грязи. Выбравшись на более твердую почву, она продолжала: — Во-первых, во всех колхозах мы иначе поставим дело. Рабочую силу и технику поровну распределим между всеми бригадами. Бригады постараемся превратить в комплексно-механизированные, избавив их везде, где сможем, от ручного труда. В первую очередь надо привести в порядок земельные участки. Посмотрите-ка на земельные участки Наркузи: гладкие, как ладони. Все дренажные каналы на месте. Ни на одном клочке земли вы не увидите у него признаков соли. Почему? Я долго приглядывалась к его бригаде, к их работе и многому научилась. Оказывается, Наркузи и все члены его бригады, как говорят, зубами цепляются за свои участки, а другие только удивляются и восхищаются их самоотверженному труду. Первые дни я думала, что Наркузи дружок председателя и тот не отказывает ему ни в чем...

— И верно! — воскликнула Турсуной, внимательно слушавшая Фирузу. — Председатель относится к нему по-особому...

— Правильно! — сказала Фируза, взяв Турсуной под руку. — А почему председатель к вам не относится по-особому? Почему не относится по-особому к другим? Почему он относится так только к Наркузи? Всех это интересует. Я тоже два месяца пыталась понять — «почему»?

— Два месяца... — раздвинулись в улыбке потрепавшиеся от степных ветров губы Турсуной. — Вы говорите о двух месяцах. Я вот уже два года не могу этого разгадать. Да и какая от этого польза? — грустно сказала она, заправляя под платок растрепавшиеся на ветру волосы. — Наша бригада тоже работает не покладая рук, не жалея сил. С утренней зари до позднего вечера пропадаем в поле. Если в году двенадцать месяцев, все эти двенадцать месяцев, изо дня в день, мы работаем. На все, что нам удастся собрать, мы тратим вдвое больше сил, чем бригада Наркузи. Если бы у нас была такая же техника и такие же люди, как у Наркузи, нам намного было бы легче, осенью мы не мучились бы вот так, как сейчас.

— Верно, — подтвердила ее слова Фируза. — Но вы не ответили на главное, — почему ваш председатель от-

носится к Наркузи по-иному, чем ко всем остальным бригадирам?

— Причина не в самом Наркузи, — ответила Турсунной, с досадой так махнув рукой, что щелкнули костяшки счетов. — Дело не в Наркузи. Председателю все равно, что Наркузи, что, Яркузи. Председателю нужна одна образцовая бригада и один знатный бригадир, чтобы хвастаться перед начальством, перед гостями, перед корреспондентами. Во всех газетах пишут о Наркузи, по радио говорят о нем. Председатель выставляет его напоказ. Все взаимопроверочные комиссии направляются в его бригаду. Наркузи нужен председателю для поддержания авторитета.

Первое время и Фируза так думала, но, увидев организацию труда в бригаде Наркузи, дисциплину, беспрекословное подчинение и любовь к бригадиру, его самоотверженность, она изменила свое мнение. Беседы с Наркузи открыли ей его чистое сердце, его безупречную совесть. Нет, он не подставное лицо. Возможно, председатель пользуется его трудолюбием в своих интересах, что называется, чужим трудом укрепляет свой авторитет. Однако Наркузи верит в свои силы и дорожит честью бригады. Правда, в его бригаде больше, чем в других, рабочих рук и техники. Но не значит ли это, что он умеет добиваться того, что ему необходимо, умеет постоять за себя.

Фируза вспомнила разговор с Наркузи, когда вчера, выходя из кабинета Аширали, встретила его в коридоре. Наркузи выскочил из кабинета председателя чем-то взволнованный, разгоряченный. Фируза поздоровалась, спросила о его делах, и Наркузи рассказал ей о столкновении с председателем. Несмотря на то, что на участках Наркузи хлопок убран, председатель не разрешил вспахать поля. Он сказал: «Пока колхоз не выполнит план, не начинать пахоту». Уже всем ясно, что колхоз в этом году не выполнит план. Значит, в этом году не пахать?! Наркузи сказал ей о своем решении сейчас же, не откладывая, послать на поля тракторы и начать пахоту. Пусть потом председатель поступает, как ему заблагорассудится. Наркузи не отвечает за то, что у председателя не все благополучно с планом. Фируза поддержала Наркузи. Как агроном она дала разрешение начать пахоту, одобряя решимость бригадира.

И сейчас, скользя по липкой грязи, хватаясь за локоть Турсуной, она раздумывала о Наркузи.

Вообще последнее время Фируза часто думала о нем. Каждый раз она сравнивала того Наркузи, которого увидела впервые, когда приехала, и нынешнего. И удивлялась, насколько он изменился за это время.

Тогда, вначале, Наркузи показался ей себялюбивым хвастуном. Выражение его лица и глаз говорили об удалстве, молодечестве. Его обращение с людьми, походка, даже одежда отличались от других. Его самоуверенность с корреспондентами и фоторепортерами тогда не нравились Фирузе. Время, прошедшее с той встречи, работа, в которую он окунулся с головой, как-то изменили Наркузи. Он дневал и ночевал на полевом стане. Отправив последнюю нагруженную хлопчатником арбу, уже в темноте он возвращался на террасу к весовщику и долго подсчитывал с ним, кто по сколько собрал за этот день «белого золота». Чуть свет первым выходил на сбор. Если он нужен кому-нибудь, его всегда искали и находили в поле. На ходу он решал все вопросы. Даже председатель не решался вызывать его на полевой стан, сам шел к нему.

Мирхасил дважды приказывал убрать хлопок вручную на полевом участке, оставленном по совету Фирузы под машинный сбор, но Наркузи, пригнавший к полевому стану четыре хлопкоуборочных машины, стоявших в колхозе без действия, не выполнил приказа председателя. Дважды состоялся серьезный разговор бригадира и председателя. Председатель, обвиняя бригадира в нарушении графика, кричал на него «Мабодашник!» Наркузи хладнокровно отмалчивался. Как только раскрылись все коробочки, на одну машину «СХМ» он сел сам, а на три другие он посадил трех демобилизованных из армии парней. Фируза наблюдала за машинным сбором.

За две недели опустело бескрайнее хлопковое поле. И сегодня на торжественное собрание все члены бригады Наркузи пойдут с поднятой голсовой. В такой день Наркузи нельзя было не выбрать в президиум. За эти напряженных беспокойных два месяца Наркузи даже внешне резко изменился. Он почернел, похудел.словно всю свою силу сдал вместе с хлопком. Лицо вытянулось и потемнело, глаза вспыхивали и поблескивали с

каким-то задором. Фирузе нравились эти изменения, ей казалось, что Наркузи даже похорошел.

Этот голодностепский сокол при каждой встрече с агрономом поглядывал на нее с какой-то грустью и загадочностью. Его изысканная вежливость, смущение при разговоре, предложение проводить ее, встречи, казалось бы случайные, но частые, и многие другие факты заставляли девушку призадуматься. Но ни к какому выводу она не могла прийти.

Фируза, почему-то раздумывая об этом сейчас, на студеном ветру, невольно улыбнулась.

Турсуной, заметив, что ее спутница так глубоко задумалась, спросила:

— О чем это вы?

— О Наркузи,— ответила Фируза, остановившись возле арыка у выхода на большак.— Боюсь, чтобы наше мнение о нем не оказалось односторонним.

Турсуной удивленно взглянула на собеседницу.

— Я не понимаю.

— Хочу сказать, что отношения у Наркузи с председателем не такие, как мы с вами предполагаем. Не по доброй воле председатель идет навстречу Наркузи.

Наоборот, Наркузи приходится вырывать зубами и рабочую силу, и технику у председателя. Разумеется, нельзя заботиться только о себе одном, Наркузи должен помнить и об остальных. В этом его ошибка. Но ведь недаром говорят: «Умирай сам за себя». Например, вот почему бы вам, Турсуной, так же настойчиво не требовать от председателя, от колхозного правления добавочную рабочую силу, и машины, и удобрения, и прочее?

Турсуной, не ответив на этот вопрос, перешагнула через арык и молча пошла по дороге. Фируза тоже прыгнула, но не рассчитала прыжок, оступилась и чуть было не плюхнулась в арык.

— Подождите!— крикнула Фируза.— Вы рассердились на меня?

Турсуной замедлила шаг и остановилась.

— Конечно, рассердилась,— ответила Турсуной, хмуро отводя глаза.— Ведь я надеялась на вашу поддержку и помощь.

— Чего вы хотите? В чем помочь?

— Я хочу, чтобы было так, как вы сказали,— все распределять поровну каждой бригаде. Чтобы председатель смотрел на каждого бригадира одинаково. Не так, чтобы на одних правым глазом — одобрительно, а на всех остальных левым — придиричиво.

— Хорошо, допустим, будет так, как вы желаете.— Фируза опять взяла Турсуной под руку.— Я тоже, когда говорила, что надо заново пересмотреть колхозные дела, имела в виду это же. Давайте подумаем: год закончен, предстоит отчетно-выборное собрание. Поровну распределятся по бригадам члены колхоза. Технику нужно распределить тоже в зависимости от количества земли в бригаде.

Турсуной просияла и радостно посмотрела на агронома:

— Справедливо!

— Справедливо-то справедливо, но останется ли равнодушным к этому Наркузи? Не будет ли он по-прежнему добиваться побольше рабочих рук для своей бригады, не заберет ли к себе в бригаду заброшенную другими технику, не перевезет ли к себе удобрения, застрявшие на станции. Ведь он ухитрился в этом году собрать часть урожая машинами. Как вы смотрите на это? Что скажете?

— Что же сказать? Наркузи, вижу, вам симпатичен!— Турсуной громко засмеялась.

Фируза, не найдя, что ответить, покраснев, вытянула свою руку из-под руки Турсуной и пробормотала смущенно:

— Да что вы, сестрица, вы, оказывается, фантазерка!

— А если даже и так, что ж тут особенного?— серьезно сказала Турсуной.— Наркузи единственный сын Зумрад-биби. Труженник. Холостяк. Аширали тоже не нахвалится им. Правда, до армии он был влюблен в Зулукхан, но это прошло...

— В жену председателя?

— Тогда она еще не была председательской женой. Тогда она была ловкой колхозной девчонкой — возила в город простоквашу, торговала там, пока ее сверстницы возились с землей, навозом, прополкой, поливом, удобрением. Тогда ходили слухи, что вот-вот у них с Наркузи будет свадьба. Но в тот год, когда Наркузи

призвали в армию, к нам приехал новый председатель — Мирхасил. Зулукхан, позабыв свою горячую любовь к Наркузи, кинулась к Мирхасилу. Председатель, поддавшись ее чарам, оставил в Ташкенте жену с двумя детьми. Об этом рассказал Аширали. Он говорит, что Зулукхан теперь другой человек, важная особа! Чего стоит эта ее важность! А косметика? Но самое страшное, Зулукхан любит деньги, любит копить их. Председатель в полном подчинении у нее. Он боится что-либо предпринять, не согласовав с ней. Я много усилий приложила, чтобы привлечь ее к работе в колхозе. Ходила к ней, стыдила на собраниях. А она, как услышит стук в калитку, начинает стонать, кутаться в одеяло, изображать сердечный приступ. Отчего стала она сердечницей? Может, у нее ожирение сердца? Я ей посоветовала бывать больше на воздухе, на колхозных полях. Говорит: «Не выдержу, умру!» Действительно, ее имя Зулукхан — пиявочка — соответствует ее сущности...

Слушая Турсуной, Фируза думала о Наркузи, попыталась представить себе, сколько огорчений и обид пришлось ему пережить из-за этой Зулуки, из-за ее неверности. Девушке вспомнилась Зулука в пестром атласном платье, с бесчисленными рубиновыми кольцами на коротких толстых пальцах, с широкими, начерченными усьмой бровями. Она невольно вздохнула:

— Бедный Наркузи!

— Бедный не Наркузи, а Зулукхан, — ответила Турсуной. — Счастье и богатство Наркузи при нем. Он все зарабатывает честным трудом, своими руками. А она... У нее глаза залеплены деньгами, сквозь них она ничего не видит. Надеясь на богатство мужа, она унижает честных тружеников. Вот скоро закончится год, начнут подводить итоги. Разберутся в распределении трудодней, тогда колхозники и спросят у председателя, на какие доходы он построил дом, купил машину, дорогую обстановку, ковры. На какие деньги он совершает пышные выезды на курорты. Вот тогда мы и послушаем ответы председателя.

Но Фируза не слышала Турсуной, она думала только о Наркузи: ей очень хотелось знать, какие отношения были в дальнейшем между ним и Зулукой. Любит

ли он ее и теперь? И, перебивая собеседницу, она неожиданно спросила:

— А после того, как Наркузи вернулся из армии, встречался он с Зулукхан?

— Вы, я вижу, не знаете Наркузи! — резко отрезала Турсуной. — Какое там встречаться, он даже не взглянул на нее. Если где-либо зайдет речь о ней, Наркузи встает и уходит. Однажды в одной компании с Ашир-али захмелевший Наркузи сказал, что никогда не женится.

— Значит, он ее все еще любит...

Из-за стройных рядов деревьев показалась улица. Турсуной, сворачивая к своему дому, пригласила Фирузу:

— Пойдемте к нам, от нас вместе пойдем в клуб на собрание.

— Пожалуй, я пойду домой. Мои старики, верно, давно поджидают меня, — невесело сказала Фируза.

Турсуной не стала настаивать.

— Встретимся там.

— Да, там встретимся.

Фируза, то и дело спотыкаясь о скользкие камни, добралась до правления, а когда свернула к дому Чулбобо, ей показалось, что кто-то ее окликнул. Из-за деревьев с каким-то листком бумаги в руках шел человек. Она не сразу узнала его. Это был Наркузи. Увидев ее, он побежал ей навстречу.

— Вот, возьмите, вам телеграмма! Я хотел отнести вам домой, но вот увидел вас.

— Спасибо.

Фируза, не раскрывая телеграмму, сунула ее в карман.

— Что же вы не читаете?

— Прочту дома.

Наркузи удивленно и с беспокойством взглянул на печальное лицо девушки.

— Вы чем-то огорчены, Фируза?

— Нет. Вам кажется.

Наркузи взял в свои руки обе руки девушки и пожал их.

— Во-первых, поздравляю вас с праздником Великого Октября. Потом хочу передать вам просьбу моей

матери: после торжественного собрания она приглашает вас на чашку чая.

— Благодарю.

От приятного голоса Наркузи и от его слов у девушки повеселели глаза и по губам пробежала улыбка. Она стояла растерянная, не зная, вынуть ли свои озябшие руки из теплых ладоней Наркузи или нет...

— Обещаете, да?!

Она осторожно отняла свои руки.

— Встретимся еще,— и пошла домой.

— Вы что-то мудрите. Если стесняетесь, приходите со стариками,— сказал Наркузи, догоняя ее.— Может, мне сейчас и пригласить их?

— Я сама передам им ваше приглашение, не беспокойтесь.

Наркузи, увидев, как быстро зашагала девушка, вынужден был остановиться.

«Что случилось?— удивился он.— Что-то с ней происходит неладное. Может, телеграмма? Но ведь она еще не прочла ее».

Фируза все время, пока шла до дома, чувствовала на себе взгляд Наркузи. От этого ей хотелось идти еще быстрее. Да и телеграмма не давала покоя. От кого она? От Шерали или от матери? Может, от однокашников, разъехавшихся по всему Узбекистану?

Фируза остановилась у дверей и под тусклым светом распечатала телеграмму. Послано сегодня из Янгера. Значит, от Шерали. «Мирзачульский район колхоз «Радостный труд» агроному Фирузе Каримовой Поздравляю праздником Великого Октября Желаю успехов жизни труде Шерали».

Телеграмма почему-то не порадовала Фирузу. Может, не хватало в ней какого-то слова? Слова, которое сближает сердца и согревает души?

Фируза несколько раз перечитала телеграмму, но не нашла в ней намека на теплые чувства. Может, в праздничных поздравлениях и не обязательно посылать горячие приветы и так далее? Но тут же возникла иная мысль: почему, почему не обязательно? Нет, обязательно! Можно было хоть как-то намекнуть, что скучает, тоскует.

И задумчиво вздохнув: «Спасибо и за это», девушка вошла в дом.

Глава седьмая

Аширали попросил Ивана Андреевича сделать доклад на торжественном собрании,— Иван Андреевич незадолго перед тем приезжал на могилу жены. Выглядел он усталым и грустным, но все равно Аширали обратились к нему со своей просьбой.

Иван Андреевич согласился, но с условием, что это выступление не будет называться докладом. Аширали не возражал, какая разница — слушать Ивана Андреевича все равно интересно. Ведь он будет говорить о революции, а он сам был ее участником. Он будет говорить о Ленинском декрете, давшем жизнь Голодной степи. Он вспомнит и расскажет об истории создания колхоза «Радостный труд», он будет говорить о своем прошлом, ибо оно не отделимо от истории страны, от жизни всего народа.

Сидя в колхозной парикмахерской, Иван Андреевич именно об этом и думал. Молодой ловкий мастер Абрам, щелкая ножницами над седыми висками Ивана Андреевича, не умолкая, о чем-то говорил. Но Иван Андреевич не слушал болтовню Абрама. Он пристально смотрел в зеркало с обломанным уголком и оттуда, из глубины, на него глядел не тот усатый, с густым волнистым чубом Иван, а седой человек с поредевшими волосами, с густой сетью морщин, словно ими забросал все лицо беспокойный степной ветер. Но велика разница между степными ветрами и прожитыми годами: ветры возвращаются, а годы вернуть невозможно.

Да и есть ли польза от степных ветров? Никакой. Ни людям, ни городам. А годы, прожитые человеком, могут оставить память будущим поколениям. Настоящий труженик обязательно оставляет свой след на земле.

Когда началась революция, Иван Мудров был семнадцатилетним токарем Путиловского завода.

Дружина, в которую его записали, в день штурма Зимнего была далеко от дворца. Иван с дружинниками стоял на посту в паровозном депо. Как он ни старался, не суждено ему было увидеть Ленина.

После революции Мудров был зачислен в продовольственный отряд и поехал по деревням под Гатчину. Отряд петроградскому пролетариату посылал хлеб. Од-

нажды Мудрову по служебным делам пришлось побывать в большом помещичьем саду, неподалеку от Гатчинского дворца. Яблоневый сад был окружен соснами. С детства влюбленный в растения и деревья, Мудров долго бродил по саду. Затем в надежде встретить хоть кого-нибудь направился к беломраморному подъезду, мимо огромных заснеженных клумб, мимо фонтана. Ни души! Он постучал в дверь флигеля, находившегося за большим домом. Тишина! Обошел двор с его амбарами, зашел в кладовую, где лежали огромные мешки с зерном, громоздились ящики с яблоками. На одном из мешков, в дальнем углу, лежала окотившаяся кошка. Услышав шаги, она с мяуканьем кинулась к Мудрову. Он долго гладил тощую мохнатую спинку. Вынув завернутый в белую бумагу ломтик булки, отломил кусочек и дал кошке. С этой добычей в зубах она помчалась к котяткам.

Мудров направился к пруду. Возле проруби в желтой овчинной шубе и ушанке сидел старик с удочкой. Мудров увидел на льду возле старика остро отточенный топор. На всякий случай приложив руку к курку, кашлянул.

Старик — слышал ли, нет ли — молчал.

Мудров, приблизившись, громко спросил:

— Как охота?

Старик с досадой швырнул к ногам Мудрова удочку.

— Невежа! Вот-вот должна была клюнуть, а ты спугнул!

Но увидев в руках у Мудрова оружие, понизил тон:

— Пожалуйста, что вам от меня нужно?

Мудров спросил, где хозяйева.

Оказывается, помещик с семьей бежал за границу, а сберечь именье попросил старика Федора. Обещал скоро вернуться.

Мудров предложил старику Федору пройтись по амбарам.

Зерно и яблоки были конфискованы. Оставив садовнику его долю, остальное зерно и яблоки на помещичьих упряжках и бричках Мудров увез в Петроград. Вскоре он вернулся и прочел старику Федору свидетельство Петроградского Совета о передаче всего этого имения в пользу государства. В имении будет помещаться Дом сирот, организовать который было поруче-

но Мудрову. Он назначил Федора охранником Дома съест.

Почти три года Мудров прожил во флигеле у Федора. За это время он многое перенял у садовника. Федор полюбил Ивана, как родного сына, научил его выводить морозостойкие сорта фруктовых деревьев, прививать, скрещивать и черенковать. Все эти тяжелые голодные годы двое энтузиастов-садовников обеспечивали и летом и зимой пятьсот детей свежими фруктами.

В 1920 году в жизни Мудрова произошло незабываемое событие. Его вызвали в Петроградский Совет и сообщили, что посылают в Москву, к Ленину. Его мечта, родившаяся в горячие дни революции, воочию увидеть великого вождя — сбывалась. Время тянулось бесконечно, пока он добрался до столицы. Но вот наконец Красная площадь, Спасская башня и музыка кремлевских курантов.

Постовой у ворот внимательно оглядел молодого человека в поношенной рабочей одежде, тщательно изучил свидетельство Петроградского Совета, сравнил партийный билет с направлением.

В приемной Владимира Ильича былолюдно.

Приветливая сероглазая секретарша, прочитав свидетельство Мудрова, сказала, что он прибыл вовремя и что Владимир Ильич скоро его примет.

Мудров подошел к оживленно беседующим людям и прислушался. Ему сразу же стало ясно, что это ирригаторы, техники, агрономы, врачи, прибывшие со всех концов России. Они говорили о какой-то далекой Голодной степи, которая где-то в Азии...

Из услышанного Мудров понял, что гражданская война помешала осуществить декрет, изданный Советской властью еще два года тому назад, об освоении земель в Голодной степи. Он узнал, что освоенные земли почти заброшены, что в Голодной степи свирепствует малярия. Значит, надо не только осваивать степные земли, но и спасти местные население от малярии.

Один из собеседников, очевидно, врач, рассказывал, что по заданию Ленина для Голодной степи заготовлено много медикаментов.

Загорелась лампочка на столе у секретаря. Миловидная женщина не спеша подошла к двери, осторожно открыла ее и прошла в кабинет.

Разговоры утикли. Люди принялись поправлять волосы, затягивать ремни, расправлять гимнастерки. Мудров с волнением смотрел на тяжелые темные двери и старался угадать, зачем его вызвали сюда.

Пока Мудров размышлял и волновался, открылась дверь, вышла секретарша и сказала:

— Товарищи, вас просит Владимир Ильич.

Все прошли в кабинет. Мудров отстал. Он все еще не верил. Ему казалось, что секретарша вот-вот скажет: «А вы, товарищ, подождите!» Но она этого не сказала.

Когда Мудров вошел, Ленин уже стоял посреди кабинета, здороваясь за руку с каждым. Некоторых из приглашенных Владимир Ильич, вероятно, знал раньше, он называл их по имени-отчеству.

Заметив возле порога растерянного и смущенного Мудрова, Владимир Ильич сам подошел к нему.

— Вы, товарищ, приезжий? — пожимая руку Мудрову, спросил Владимир Ильич.

— Из Петрограда, Владимир Ильич, — ответил Мудров, глядя в прищуренные улыбающиеся глаза Ленина. — Я — Иван Мудров, садовник.

— А как вас по отчеству величать?

— Андреевич.

— Иван Андреевич, пожалуйста, проходите, — пригласил Владимир Ильич и, потирая широкий лоб правой рукой, пристально посмотрел на Мудрова. — Узбеки издревле считаются прославленными садоводами, но в Голодной степи нужны и вы. Туркестанцам революционный опыт петроградских рабочих нужен, как влага, как воздух!

Ленин, положив руку на плечо Мудрову, подвел его к специалистам.

— Присаживайтесь, Иван Андреевич, сейчас посоветуемся.

Владимир Ильич прошел за широкий письменный стол и, взяв длинную палочку, подошел к настенной карте.

— Товарищи, — сказал он, окинув собравшихся зорким взглядом. — Я хочу напомнить вам декрет Советской власти о выделении пятидесяти миллионов рублей на оросительные нужды и на организационные мероприятия в Туркестане. Эти деньги ассигнованы были

на орошение пятисот тысяч десятин степных земель Хадженского уезда Самаркандской области, в Дальверзинской степи, по ту сторону Сырдарьи, как раз напротив Голодной степи, на постройку плотины, на ирригационную систему, которая орошала бы сорок десятин земли, и еще в Учкурганской степи Ферганской области на орошение десяти тысяч десятин и на приведение в порядок старой оросительной сети, которая обеспечила бы еще двадцать тысяч десятин земли. Предусматривалось наладить и обновить поливную систему в Заравшанской долине, построить там водохранилище, чтобы сеять хлопок на ста тысячах десятин!

Засунув левую руку за жилет, Ленин, держа палочку в правой руке, показывал на карте все места, упомянутые в декрете.

— Прошло уже два года, как принят декрет, — озабоченно продолжал Ленин. — Силы нашего государства брошены на борьбу с интервенцией. Лучшие наши люди воюют на фронтах. Мы до сих пор не смогли осуществить государственный декрет. Только теперь представляется такая возможность. Товарищи, вы должны запомнить: насколько нашему государству необходим хлеб, в такой же степени необходим и хлопок. Мы хотим вас послать в Туркестанские республики. Народы Туркестана ждут с нетерпением вас, товарищи, представителей российского пролетариата, передовой науки. Вы должны понести революционную мощь русского народа, знания, братскую нашу помощь народам Востока. Партия доверяет эту ответственнейшую миссию вам, товарищи!

У Мудрова стало радостно на душе от пламенных слов Владимира Ильича. Какая-то удивительная сила вселилась в Ивана, словно у него крылья отросли.

Ученые хорошо знали историю Голодной степи, им было известно все, что делал там великий князь Константин Романов, пытаясь расширить хлопковые плантации. По его указанию там занимались проблемой полива. Был сооружен канал.

Ученые слушали Ленина с большим вниманием, вглядываясь в огромную карту на стене кабинета. Они представляли себе города, обозначенные кружочками. Эти кружочки вырастали и оживали в их воображении.

Ленин спросил:

— Есть вопросы? Не пугают вас трудности? Подумайте!

— Какие могут быть вопросы,— сказал один из тех ученых, которых Ленин называл по имени-отчеству.— Для нас поручение партии свято. Сделаем все, что нам поручено.

— Трудная задача, но необходимая,— отозвался другой ученый.

— Для выполнения задачи, поставленной перед нами, возможно, потребуется вся наша жизнь, Владимир Ильич,— сказал другой.— Мы никогда не забудем, что мы сыны России. Готовы пожертвовать собой для счастья пробуждающегося Востока.

— Спасибо, Сергей Михайлович!— растроганно сказал Ленин.— Я уверен, что так и будет. Что дело это в надежных руках! Благодарю, товарищи!— Ленин, прощаясь, каждому пожелал доброго пути, здоровья.

Мудров хотел было, но так и не решился тогда спросить Ленина, чем же придется заняться там, в Голодной степи, ему. Пригодится ли на далеком юге все то, что он знал, чему научился в Гатчине у старика Федора, применимо ли это все к тому климату, к той почве?

Мудрову казалось, что он даже в ученики не годится ученым, собравшимся здесь. Может, Петроградский Совет необдуманно выдвинул его кандидатуру?

Но Ильич на прощанье сказал Мудрову:

— Не забывайте, что вы представитель петроградского революционного пролетариата, товарищ Мудров!

Эти слова Владимира Ильича до сих пор звучат в ушах Мудрова, словно он услышал их вот сейчас, вот только что!

С тех пор прошло сорок два года. Сорок две полных забот и хлопот весны, сорок две снежных метели... Да, от морщин никуда не денешься — как трещины на иссохшей земле. Седина на висках — как иней от тех многих морозов.

Не успел парикмахер побрить его, а он уже поднялся с кресла.

— Освежить вас, Иван Андреевич?

— Оставь свой одеколон,— засмеялся Мудров, поглаживая седые усы.— Иначе от твоего усердия поседют и последние два-три темных волоска.

— Как вам угодно.— Абрам старательно смахнул

волоски с пиджака и, заметив, что Иван Андреевич полез в карман, отрицательно качая головой, сказал:

— Не надо. Иван Андреевич, стыдно брать с вас деньги, вы же отец наш.

Мудров улыбнулся:

— Ты трудился? Работал?

— Какое это имеет значение?

— Очень даже большое; сколько я должен за твой труд?

Мастер нехотя сказал:

— Тридцать копеек.

Когда Иван Андреевич вышел из парикмахерской, валил снег. Под яркими лучами лампочки, горевшей на воротах Мирхасила, хлопья снега сверкали всеми цветами радуги.

Иван Андреевич свернул к дому Чулбобо. Разговор с парикмахером прервал цепочку воспоминаний. А теперь опять Мудров шел по скользкой дорожке, устремив взгляд куда-то вдаль. Сквозь густую снежную пелену перед его взором ожили Петроград, Путиловский завод, сад близ Гатчины, садовник Федор, Москва, ученые, которых он встретил в кабинете Ленина. Одних уже нет. Другие давно на пенсии, живут в разных городах нашей необъятной Родины. Несколько человек остались в Голодной степи. Теперь это заслуженные механизаторы, доктора наук, академики.

Когда Владимир Ильич принимал их, все они были молоды, энергичны. Вспомнив о молодости, Мудров усмехнулся, повторяя про себя: «Годы — выстреленные пули». Почувствовал, как пересохло в горле, и, словно в дни юности, он, раскрыв рот, ловил падающие снежинки, пробуя вкус снега, тающего на губах.

Воспоминания, воспоминания... Они закружат иногда, словно снежные вихри. И никуда от них не деться. Как не вспомнить те давние дни, когда он впервые встретился с Марией Федоровной.

Внучка садовника Федора, Манечка, занималась в Петрограде на курсах медицинских сестер. Она изредка приезжала к деду, да и дед часто и аккуратно навещал внучку, отвозил ей яблоки, хлеб. Однажды Мудров поехал с Федором. Они пришли в одно из высоких зданий возле Финского вокзала, где помещалось женское медицинское училище. При училище и были курсы

медсестер, которых готовили на фронт. Курсистки тут же сообщили Марии о приезде деда. Мария, одним духом одолев беломраморные ступеньки лестницы, бросилась на шею к деду. Она целовала, обнимая его, даже немного всплакнула. Затем вытащила из дедовой котомки яблоко и принялась по-детски, с аппетитом грызть его. И тут только заметила сидевшего возле деда молодого человека в шинели.

Мудров с интересом наблюдал за девушкой в белом фартуке, с красным крестом на косынке. Гладко зачесанные, цвета спелой ржи волосы, голубовато-серые глаза с длинными ресницами, бледное лицо и не очень яркие губы. Поймав на себе взгляд девушки, он смущенно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ, — протянула она ему руку. — Если я не ошибаюсь, вы Иван Андреевич? Я узнала вас по письмам дедушки. Угадала?

— Так точно, — отчеканил Мудров, пожимая руку девушки. — Я ученик вашего дедушки.

— Как ты поживаешь? — вмешался в разговор старик Федор. — Что у тебя нового? Когда закончишь учење?

— Учење приближается к концу, через неделю закончим.

— Куда же вас пошлют?

— Пока еще неизвестно. Директриса сказала, что, наверное, разошлют нас по селам.

— Вот и хорошо, — обрадовался старик, — поедешь к нам в деревню.

— С большим удовольствием, дедушка!

Зазвенел звонок. Мария обняла и поцеловала деда и с мешочком в руках побежала наверх по мраморным ступенькам.

На следующей неделе старик Федор простудился и слег. Пришлось Мудрову одному поехать к Марии, свезти ей хлеба. Это было в середине июня, примерно за месяц до поездки Мудрова в Москву. В это время в Петрограде стояла пора белых ночей.

Иван с Марией долго гуляли вдоль Невы. Рассказывали друг другу о себе. Оба они выросли без отца и матери. У каждого было мало радостей и счастья. Оба с малых лет трудились. Пришлось немало пережить горестей, холода и голода. В этот вечер они не говорили

о любви, о верности, но искренняя беседа, мечты о будущем сблизили их.

Закончилась учеба на курсах. Медсестер распределили по разным областям России. Одну из групп решено было послать в Туркестан, на борьбу с малярией.

Мария попросилась в эту группу и уехала на Восток. Не было точно известно, в каком городе или кишлаке она поселится — долго не приходило обещанное письмо.

После приема в Кремле Иван поехал в Гатчину. Он рассказал Федору, как был на приеме у Владимира Ильича и что теперь предстоит поездка в Голодную степь, обещал непременно разыскать Марию, но просил старика, как только тот получит письмо от внучки, срочно сообщить ему в Ташкент на Главпочту адрес Марии. Они долго бродили по саду, где каждое дерево было им родным, вздыхали о далекой степи — будут ли там расти сады на ветру, на бедных песчаных землях...

На другой день Мудров приехал в Москву. На Казанский вокзал, где к составу, отбывающему в Ташкент, был прицеплен специальный вагон для отъезжающих в Голодную степь, он прибыл раньше всех. Скоро стали съезжаться ученые, которых он запомнил по встрече у Ленина. Они прибывали на станцию на телегах, с большими чемоданами, корзинами, узлами. Собралось много провожающих.

Мудров, у которого ничего не было, кроме горячего сердца под серой шинелью да буханки хлеба в сетке, помогал пожилым людям устроиться поудобнее, таскал их вещи, укладывал мешки, чемоданы.

Поезд тронулся.

Мудров устроился на верхней полке последнего купе. Опершись о локоть, он долго смотрел в окно вагона. Позади остался зеленый семафор.

Начался редкий лес, дачные поселки, сосновые рощи, чередующиеся с зелеными лугами. Дальше лес стал гуще. Появились стройные березы, раскидистые ели, дубняк, а скоро поезд мчался уже по густому зеленому лесу.

Мудров думал о Марии. Где она сейчас? В Ташкенте? В Самарканде? А может, тоже угодила в Голодную степь. Это было бы идеальным вариантом. Вот ведь во-

истину предначертание судьбы. А впрочем, при чем здесь судьба? Где бы Мария ни оказалась, Мудров был уверен, что обязательно встретит ее. Иначе, казалось ему, не могло быть!

Вспоминая далекие годы, Мудров не заметил, как дошел до самого дома Чулбобо. Под навесом стояли два оседланных коня, с хрустом грызя клевер.

Словно к себе, он шагнул через порог дома своего друга.

* * *

Спустя час после Мудрова пришла домой Фируза. Проходя через темный двор, она заглянула в светлое окно.

Взле низкого стола на полу сидели старик, тетушка Ханифа и кто-то еще.

«Не Мудров ли?» — подумала Фируза, зная, что его ждали со дня на день.

Она приостановилась, вглядываясь в это незнакомое, суровое и вместе с тем какое-то приветливое, ласковое лицо. Это, пожалуй, было самым примечательным в простом, немолодом лице — сочетание суровой строгости и душевной теплоты, просвечивающей в сдержанной улыбке.

На террасе она стянула грязные сапоги, надела чистые мягкие тапочки. Вначале сильно заныли озябшие ноги, но боль быстро затихла, и девушка облегченно вздохнула. Она скинула мокрую телогрейку, сняла платок, туго повязала шелковую косынку.

Когда Фируза, тихонько приоткрыв дверь, вошла в комнату, Иван Андреевич о чем-то говорил. Чулбобо и Ханифа внимательно и настроженно слушали его.

— Вот, пришла наша дочка, — прервав Ивана Андреевича, сказал старик. — А тетушка ждала твоего прихода, доченька, не подавала обед!

Фируза, поклонившись всем, подошла к Ивану Андреевичу и протянула руку:

— Здравствуйте, Иван Андреевич, наконец-то я вижу вас!

— Узнала, узнала! — радостно закивал Чулбобо, смеясь, словно ребенок, разгадавший сложную загадку. — Молодец наша дочка, я так и знал!

Фируза села возле тетушки Ханифы и, улыбаясь, взглянула на радостного старика.

— Не трудно мне было узнать Ивана Андреевича. Оказывается, вы не только искусный садовник, но и талантливый художник. Вы так подробно и ярко описали Ивана Андреевича, что после этого слепой бы я была, если б его не узнала.

— Оказывается, я художник! Вот как!— продолжал смеяться Чулбобо.— Может, немного погода, доченька, ты скажешь, что я поэт!

— Да, вы и поэт!— подтвердила Фируза.— Назовите мне хоть одного настоящего садовника, который бы не был поэтом. Настоящий поэт тот, кто понимает тонкие оттенки в цветах, внемлет с радостью песням птиц, различает тонкие ароматы в различных сортах фруктов.

— Совершенно верно, доченька,— поддержал Фирузу Иван Андреевич.— Если бы Таштемир не был истинным поэтом, прошел бы мимо Ханифы. Только его поэтическая душа могла покорить в свое время эту самую красавицу.

Маленькую комнатку наполнили смех и шутки.

Старик, покраснев, закашлялся от смеха.

— Я, кажется, прервала ваш разговор,— обратилась наконец Фируза к Мудрову, взяв чайник из рук Ханифы, чтобы самой ухаживать за гостем.— Когда я вошла, вы что-то интересное рассказывали...

— Мы, старики, любим вспоминать прошлое,— ответил Иван Андреевич, кончиком пальцев разглаживая усы.— Вам, молодым, возможно, не интересны наши воспоминания, старый сказ...— в задумчивых глазах Ивана Андреевича сверкнула лукавая искорка.

— Наоборот, уважаемый Иван Андреевич. Я думаю, жизнь и опыт наших отцов — наглядное пособие для нас, молодых. У кого же учиться нам, как не у вас?!

— Молодец, доченька, молодец!— пристально глядя на Фирузу, сказал Иван Андреевич.— Было бы очень хорошо, если бы вся молодежь рассуждала так же. А ну, давай полистаем страницы жизни. Сегодня я был на могиле жены моей. Вспомнил я свои молодые годы: как был принят Лениным, как встретился с Марией, как было потерял и разыскал ее. Нашу любовь в те да-

лекие, навсегда ушедшие годы. О, если бы все это можно было вернуть! Хотя бы на короткий срок!

Фируза не отрывала взгляда от морщинистого лица, от старческих губ, обрамленных седой бородкой и усами, с интересом ожидая продолжения рассказа.

— Был 1920 год,— продолжал не спеша Иван Андреевич, поудобнее облокотившись о стенку.— Всю дорогу от Москвы до Ташкента я думал о Марии, строил разные планы, предположения, как и где ее найду. Был уверен, что я разыщу ее, ибо нельзя же не найти свое счастье!

Мне в ту пору шел двадцать второй год, но я уже знал цену куску хлеба, успел хлебнуть и голода, и холода и подышать революционным воздухом. Я успел тогда, в Гатчине, в бывшем помещичьем саду набить мозоли на руках. Умел держать винтовку. Отец мой, Андрей Кузьмич, погиб на гражданской войне. Мать в надежде разыскать отца поехала на фронт сестрой милосердия и тоже не вернулась. Да и Мариина судьба не лучше. Она была младше меня на три года, родителей лишилась во время эпидемии тифа. Воспитал ее дед. Нерадостное детство досталось и мне и ей. Одна биография была у нас. Мария была мне дорога еще и потому, что напомнила мне маму, когда я ее увидел впервые, в белом фартуке, с белой косынкой на голове, с красным крестом. Когда в последний раз мама прощалась со мной, она была одета так же...

Помню,— прищурив глаза, после небольшой паузы, заговорил опять Иван Андреевич,— когда мы отъехали от Москвы, наш бригадир Булаевский, которого назначил сам Владимир Ильич, пригласил нас к себе в купе и расстелил на чемодане карту Голодной степи. Мне не хватило места, и я остался стоять возле порога. Тогда глаза мои не были такими мутными и на расстоянии четко различали каждый знак на карте. На карте были обозначены места освоения и орошения Голодной степи. Эта карта была трудом известного ученого Розенкампа.

— Ага!— оживился Чулбобо.— Помню Розенкампа. Никогда не знал покоя, по всей степи носился на лошади. Когда и где ни встретишь его,— всегда в руках бумага и карандаш, что-то чертит. Несколько раз мне довелось сопровождать его.

— Это он,— перебил его Иван Андреевич,— и создал проект перекрытия Сырдарьи возле Фархадских гор: построить плотину, пустить воду по каналу. Коротко говоря, в вагоне разгорелся спор,— вернулся к прерванной теме Иван Андреевич.— В течение нескольких дней пути ученые высказывали свою точку зрения, пожелания, планы и предложения.

Я был моложе всех и потому все бытовые заботы взял на себя: на станциях бегал за кипятком, доставал газеты. Все единогласно избрали меня старшиной вагона. Ночью я надевал свою шинель и с винтовкой в руках выходил в тамбур, а утром снова начинались диспуты. Я больше слушал ученых, но иногда и самому случалось высказать свое мнение. Мы все были полны желанием скорее осуществить декрет Коммунистической партии, подписанный Лениным.

— Да здравствует русский народ!— с гордостью произнес Чулбобо.— С того дня, как я встретился с русскими, кроме добра, ничего я от них не видел и не слышал.

— А мы, русские, разве в обиде на узбеков? Мы радуемся нашей дружбе,— глядя ласково в глаза Чулбобо, сказал Иван Андреевич.— Наш долг помочь всем отстающим. Вот ты, Таштемир, разве ты мало сделал для укрепления дружбы между нашими народами?

Фируза любовалась трогательной долголетней дружбой двух стариков и думала: «Если бы я не приехала в Голодную степь, не узнала бы этих двух замечательных людей!»

— Мы отвлеклись,— обращаясь к Фирузе, сказал Иван Андреевич и с огорчением тяжело вздохнул.— Если бы на три года раньше ты приехала сюда, повидалась бы с Марией Федоровной! Эх, таких людей, как была она,— мало! Как говорится в наших сказках, мы прошли путь, но прошли с толком. Наш поезд тогда от Москвы до Ташкента шел целый месяц! Целый месяц! Как только прибыли, я тут же побежал на Главпочтамт,— словно Мария сама уже была там. Но меня не ждали ни Мария, ни письмо. Я одиноко побрел обратно к друзьям. Вдруг по пути возникла мысль: не пойти ли мне в Городской Совет? Там навести справки. Наверное, там знают, как распределили медсестер, прибывших из Петрограда. Как говорится, язык до Киева

доведе, так и меня он привел к одноэтажному белому зданию Городского Совета. Там мне посоветовали обратиться в отдел здравоохранения. И вот блеснула искорка моего счастья. В отделе здравоохранения получил справку о Марии.

Марию Федоровну направили на Сырдарью, на борьбу с малярией. Слово отдел здравоохранения заранее предугадал, что я поеду в том же направлении в село Крестьянское.

Попутчики, хотя и не знали моей тайны, заметили мое веселое настроение, когда я вернулся в вагон, и засыпали вопросами.

— Ты, хитрец, что скрываешь от нас?— спросил Булаевский.— Открой нам свой секрет.

Я кратко рассказал им о себе и о Марии. Признался, что ходил в город узнать что-либо о ней.

Попутчики принялись высмеивать меня: «Мы думали, ты едешь осваивать Голодную степь, а ты, парень, оказывается, едешь за невестой?»

Я смущался, не зная, что сказать, как отделаться от насмешек. Но, пошутив, они все, еще не зная Марию, уже отнесли к ней с большой симпатией. Решили быстрее разыскать ее и организовать нашу свадьбу. Изменилось и отношение ко мне — если раньше меня звали просто Ваня,— теперь стали величать Иваном Андреевичем.

В конце августа мы прибыли на станцию Сырдарья. Вагон наш отцепили и поставили на запасный путь.

Помню как сегодня, был жаркий, душный день. По обе стороны железнодорожного полотна раскинулась бескрайняя степь. На пустыре, неподалеку от полотна, находился невзрачный станционный домик. У самого крыльца торчало несколько чахлах деревьев, столь густо покрытых пылью, что кроны выглядели не зелеными, а розовато-серыми, как окружающая земля.

Под деревьями стояли кокандские арбы с огромными колесами. Лошади, низко опустив головы, лениво жевали траву.

Несколько человек, ожидавших нас, бросились нас обнимать, вручили букеты цветов и зеленые веточки плодовых деревьев, с трудом выращенных среди этих иссохших земель. И эти скромные ветки здесь казались прекраснее любых цветов, ибо это были ветки

жизни, возрожденной на мертвой земле трудом людей... Помнишь, Таштемир, среди них был и ты?

— Конечно, помню.— Чулбобо призадумался, как-то по-особому теребя бороду.— С тех пор прошло сорок два года, а словно бы только вчера началась наша дружба.

— Верно говоришь, Таштемир, промчались молодые годы, как потоки бурной реки. Мы с тобой лучшие свои дни отдали степи. Мы сумели вырвать у степи какую-то долю для себя и людей. Но еще невиданные богатства хранит в своих недрах прожженная, опаленная солнцем степь!

— Помнишь, Иван,— Таштемир прислонился к стене и закрыл глаза,— когда ты приехал в степь, был худым стройным парнишкой?

— Да, тогда я был таким, как Фархад, влюбленный в Шириин, и, подобно ему, был влюблен в Марию... Я никогда не забуду твою доброту, Таштемир. Особенно один случай: когда мы отправились в степь, в твою арбу погрузили медикаменты, разные приборы. Ты сел верхом на коня, впряженного в арбу, а я растянулся на мешках в арбе. Некоторое время мы ехали молча. Мне тогда хотелось расспросить тебя о многом, но я не решался. Думал, не поймешь меня — откуда знать степному грузчику русский язык.

Ты восседал в седле и вполголоса напевал какую-то печальную узбекскую песню, очень подходящую для моего настроения. Хоть я и не понимал слов, но знал точно, что ты поешь о любимой, тоскуешь по ней; мотив песни казался похожим на степные сумерки.

Где-то далеко на горизонте, среди розовато-дымчатых, нежных, как пенка, облаков, сверкал кусок золотого солнечного диска. Протянув руку в сторону солнца, я произнес: «Крестьянское». Ты, повернув голову, к моему неожиданному и приятному удивлению, ответил по-русски: «Знаю, мы едем Крестьянск. Кароший село». Я поспешил спросить у тебя про Марию. Ты понял меня. «Дохтур девочка, карошо девочка», — ответил ты. Дальше из твоих слов я понял, что она живет под каким-то навесом с девушками, там же, где и Ханифа. «Кто такая Ханифа?» — спросил я. Ты, хитро улыбаясь, ответил: «Моя Мария!» Помнишь, старик?

— Помню, помню! — подтвердил Чулбобо, ласково

поглядывая на сидящую рядом жену.— Я и правда так говорил о ней — моя Мария.

Слушавшая затаив дыхание Фируза обратилась к тетушке:

— Вы тоже были медицинской сестрой?

— Нет, я помогала им,— ответила Ханифа.— Всех от мала до велика замучила желтая малярия. Люди были обессилены. А сколько похоронили! Хорошо, что из Москвы прибыли врачи и сестры на помощь. Мария тогда от зари до темной ночи ходила по домам и шалашам, раздавая изможденным больным лекарства. Сама, бедняжка, измоталась. Приехала румяной, а потом пожелтела, сама стала похожа на больную малярией. Когда Иван пришел к нам в общежитие, он не узнал Марию.

— Действительно, я тогда не сразу узнал ее,— признался Иван Андреевич.— У самой Марии я попросил позвать мне Марию. Не выдавая себя, она молча стояла передо мной. И это была не та стройная, гладко причесанная блондинка с беленьким личиком, которую за три месяца до того я сам проводил из Петрограда, я увидел перед собой худенькую девушку, очень смугленькую, рыжеватенькую. Она продолжала молча стоять. Я повторил свою просьбу: «Не будете ли так любезны позвать мне Машеньку...»

Потеряв терпение, она крикнула: «Да я же, я твоя Машенька!»— и бросилась ко мне. Я узнал ее голос, увидел глаза, полные слез...

У самого Ивана Андреевича при этих воспоминаниях навернулись на глаза слезы.

— Нашел я Машеньку свою, нашел ее навечно. Осенью сыграли свадьбу. Присутствовали все, кто приехал со мной из Москвы. Таштемир удивил тогда всех своими фруктами. Он приволок на свадебный стол яблоки, какие-то особые ароматные персики, виноград. Такого нам не доводилось раньше видеть. Все диву давались. А помнишь, как ты пел, старик?

— Помню!— Таштемир толкнул игриво локтем Ханифу, приподнял заросшие брови:— А ты, душечка, помнишь, как отплясывала? Под мотив «Яллам Ярим?» Словно куропаточка!

— Скажешь тоже — как куропаточка,— расхохоталась Ханифа и, смущенно покраснев, словно сейчас

ее просили повторить танец, сказала: — Это вы заставили меня, уговорили!

— Голодная степь манит к себе по-особому, — опять заговорил Иван Андреевич. — Если вы полюбите степь — и она вас полюбит. Полюбит так крепко, что никогда не выпустит из своих горячих объятий. Не приказом, не силой оставит вас у себя, а тайными чарами, волшебным шумом ветров, наполненных солнечным светом, фруктами, горькой солью, выходящей из глубоких недр земли. Если кто любит землю, воду, хлеба, сады, зеленые поля — пусть едет в Голодную степь. Степь одарит труженика и жестоко накажет того, кто посмеет бесхозяйственно и равнодушно обращаться со степной землей.

Услышав эти слова, Чулбобо засиял от радости.

— Молодец, Иван, ты высказал мои сокровенные мысли.

— Мы с Машей навсегда полюбили эту степь. От тебя, мой друг Таштемир, и от деда Федора я научился понимать растения и землю. Вы мне помогли разобрататься во всех тонкостях земледелия. Всю любовь к растительному миру, все свои знания я отдал степи. Маша также в твою степь привезла любовь и уважение русских к узбекскому народу. Почти сорок лет мы прожили с Машей. Сорок лет — сорок вершин в жизни. Одна выше другой. Но каждый раз, когда перевалишь через них, перед глазами новые просторы, новые цветники. Опять стремишься к новому. Достигаешь его — и опять все сначала. Мы с Машей не раз рассуждали о том, что такое счастье. Мы здесь, в исконной степи, сумели понять: счастье — труд, счастье — борьба, счастье — дружба одного народа с другим. Счастье — кусок хлеба, заработанный честным трудом. Счастье в том, что, не щадя сил, мы с тобой, Таштемир, завоевали себе свободу! Мы с Машей не раз вспоминали узбекскую сказку про птицу Семург; каждый, кто живет и трудится на этой священной степной земле, должен быть Семургом своего счастья. Когда мы с Машей задавали себе вопросы: «Что мы приобрели в степи?», мы каждый раз отвечали: «Счастье свое!» Маша со своими медиками помогала лечить людей, а я со своими земледельцами помогаю земле, деревьям, воде. Разве это не счастье? В степи Маша нашла себе верную подругу —

Ханифу. Я удостоился уважения Таштемира, а это разве не настоящее счастье? Когда Машенька приехала в степь, как любит говорить Таштемир, она была словно тростиночка, работала, училась, набиралась опыта. Пришло время, и присвоили ей высокое звание заслуженного врача Узбекистана. Не найдется в степи человека, который не знал бы врача Марию Федоровну. Разве это не настоящее счастье?

А я был молодым питерским рабочим. Потом садил сады. Копал каналы. Учился. Строил ГЭС. Какая-то частица и моего труда вошла в пробуждение степи, которая в течение многих веков лежала в тяжком сне.

Узбекский народ назвал меня заслуженным агрономом и ирригатором Узбекистана. Правительство наградило меня орденом Ленина. Разве это не настоящее счастье? Когда-то люди называли степь Голодной. На самом же деле степь — источник изобилия. Но раньше люди не владели ключом к этим несметным богатствам. Ленин дал народу этот заветный ключ. Бескрайняя степь раскинется как цветущая долина, и будущие поколения эту золотую долину назовут именем великого Ленина.

Фируза, слушая Ивана Андреевича, подумала, что она из того поколения, от которого зависит будущее степи, и вдруг ощутила ответственность, возложенную на нее. Она не только агроном, приехавший в степь после учебы, а лицо, ответственное за процветание степи, и свое личное счастье она должна найти тоже здесь, чтобы судьба земли и судьба человека стали неотделимы, как это стало у Чулбобо и тетушки Ханифы, у Ивана Андреевича, у покойной Марии Федоровны. Она тоже должна здесь испытать и лишения, и трудности, как пришлось испытать их старшему поколению. Но и свое счастье ей надо найти, как они, в степи.

Фируза вспомнила о Шерали, о его телеграмме. Шерали тоже в степи, организывает новые совхозы — вносит свою лепту в процветание Голодной степи. Может быть, и он свое личное счастье найдет в степи. Шерали... Удивительно, но после волнующего рассказа Ивана Андреевича Фируза не вспомнила о Наркузи. А ведь Наркузи тоже дает жизнь степи. И разве он не ищет здесь своего счастья?

— Спасибо, Иван Андреевич, вы обогатили мою ду-

пу своими воспоминаниями. Вы заставили меня о многом задуматься, еще крепче полюбить степь.

— Есть что любить, доченька! Есть что!

На пороге появился Аширали.

Иван Андреевич вытащил карманные часы на цепочке.

— Время уже, — сказал он, вставая, — пора идти.

— Я на машине, — сказал Аширали, — успеем.

— Не председатель ли уступил свою машину? — усмехнулся Иван Андреевич.

— Кому же председатель пошлет машину, как не вам, дорогой Иван Андреевич!

— Нет, не председатель. Похоже, что это твоя затея.

Все оделись и вышли. Возле ворот, рядом с заснеженной бричкой Таштемира, блистала голубая «Волга».

Аширали, щелкнув ключом, нажал на стартер.

Сквозь снежные вихри «Волга» помчалась, подобно одиноко парящей птице.

Ярко засверкали окна колхозного клуба.

Глава восьмал

Мирхасил дал сложное поручение Ильхамче. Он теперь, кроме кассы и склада, должен был присматривать за теми, кто не по душе председателю. Особенно ему надлежало держать в поле своего зрения Аширали и Фирузу.

После беседы в председательском саду Ильхамча угрюмой пошел следом за Фирузой и Аширали и так дошел до самого дома Чулбобо, но, как он ни пытался, ему не удалось расслышать ни одного слова из их разговора. Ничего недопустимого не заметил он и в их поведении. В последующие дни, несмотря на большое усердие, наблюдения Ильхамчи тоже не принесли никаких плодов. Мирхасил обозвал его бабой, растяпой. Наконец в канун праздника Ильхамча, посчитав, что сможет обрадовать хозяина приятными сведениями: он отправился следить за Аширали, который уехал на голубой «Волге» без разрешения председателя.

Наркузи по дороге в клуб увидел Ильхамчу, прятавшегося за деревом и поглядывавшего в сторону дома Таштемира. Наркузи подошел и насмешливо спросил:

— Что это ты в такую погоду здесь стоишь, мокнешь?

— Просто стою, ведь улица большая! — побледнев, но вызывающе ответил Ильхамча.

Наркузи схватил его за ворот и крепко тряхнул.

— Убирайся прочь! Или еще добавить?

Ильхамча вырвался от Наркузи и побежал к дому председателя.

У входа в клуб Наркузи столкнулся с разодетой Зулукой — и словно черная кошка перебежала ему дорогу. Настроение вконец испортилось, и он не знал, идти ли ему вперед или вернуться.

Когда-то многим из своих друзей он сказал о любви к Зулуке и о том, что намерен на ней жениться. Да и она не скрывала своих чувств к Наркузи. После его возвращения из армии она ему призналась: «Если бы не разлука, не сломалась бы наша любовь». Любовь Зулуки не выдержала испытания временем. Да и была ли у нее любовь? А сердце Наркузи ранено. И хотя рана зарубцевалась, при встречах с Зулукой она опять начинала ныть. Такие раны не скоро заживают. Только новое большое чувство могло бы сгладить старые рубцы.

Со дня появления Фирузы Наркузи чувствовал разгорающийся жар в своем сердце и мучился в догадках, может ли и она питать к нему ответные чувства. Иногда теплая искорка, появлявшаяся в ее глазах, вселяла надежду, и Наркузи уверял себя, что в этих искорках таится обещание. С Зулукой было проще: на первом же свидании призналась ему в любви, а вот Фируза молчит, говорит только о делах.

После долгих размышлений Наркузи пришел к выводу: девушки делятся на две категории. Первая — откровенные, у них все, что на душе, написано на лице. Вторая — скрытные, замкнутые; у этих до души не доберешься, не найдешь бриллиант, который спрятан в глубине сердца. Ну а такие девушки, как Зулука, — особая категория.

Фируза сложна, трудно угадать ее мысли, трудно найти ключ к ее сердцу: если бы это не было так сложно, Наркузи давно нашел бы его. Он был убежден, что внимание такой девушки, как Фируза, можно заслужить послушанием, исполнением всех ее желаний, беспрекословным исполнением всех ее поручений. Эти

свои догадки он уже начал проводить в жизнь. Так Фируза посоветовала ему отделить часть хлопковой плантации для машинного сбора урожая. Наркузи согласился. Фируза посоветовала ему горожан, приехавших на сбор хлопка, уступить отстающим бригадам — он уступил. Результат получился неплохой: в его бригаде, благодаря машинам, ускорился сбор, снизилась себестоимость хлопчатника. Бригада оказалась в выигрыше. Но что выиграл сам Наркузи? Фируза не изменилась, оставалась такой же замкнутой. Когда им случилось быть наедине, она под разными предложениями торопилась уйти. Когда сегодня по дороге домой она встретила Наркузи, улыбка сбежала с ее лица, она сразу же стала серьезной. Даже телеграмму не прочла при нем.

После долгих колебаний Наркузи вчера признался своей матери, что любит Фирузу.

— Рад бы был жениться на ней, да как ей в этом признаться? Может быть, милая мама, вы мне сумеете помочь?

Они решили пригласить Фирузу к себе в гости.

Мать тут же начала хлопотать, стряпать, чтобы достойно принять гостей. Но похоже, что и сегодня едва ли ему удастся поговорить с девушкой наедине. Она придет к ним с Таштемиром, с Ханифой. Возможно, к ним присоединится и Мудров. Наркузи видел, как из парикмахерской Мудров пошел к Чулбобо. Тогда он решил пригласить и Аширالي с Турсуной, чтобы вечер прошел оживленнее.

«Фируза увидит мою маму, да и мама посмотрит Фирузу. Может, они понравятся друг другу и Фируза будет приходить к нам?» — мечтал Наркузи.

У входной двери, где столпилось много народу, слышались голоса: «Пропустите, пропустите!»

Наркузи повернул голову в ту сторону и увидел Аширали, пробиравшегося между расступающимися людьми, а за ним Чулбобо и Ивана Андреевича. Наркузи надеялся увидеть среди них Фирузу, но ее не оказалось: она осталась с девушками, стоящими у прохода.

Таштемир с Иваном Андреевичем заняли места в первом ряду, возле Мирхасила.

Аширали по деревянным ступенькам поднялся на

сцену, подошел к столу и позвонил в небольшой медный колокольчик.

Гудящий, подобно пчелиному рою, зал притих.

Собрание, посвященное юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, Аширали объявил открытым.

Все стоя аплодировали.

Аширали предложил избрать президиум и зачитал кандидатов. Когда он назвал имя председателя, послышались жидкие, негромкие хлопки, когда же прозвучало имя Мудрова, приехавшего в Голодную степь по путевке Ленина, зал разразился бурными аплодисментами. Такую же овацию устроили при имени Таштемира. Наркузи был встречен не очень восторженно.

— Кого еще предлагаете? — обратился Аширали к собранию.

Из разных концов зала послышались голоса:

— Вас, Аширали-ака!

— Асальхан!

После голосования кандидатов попросили занять места в президиуме. Наркузи поднялся на сцену последним. Он чувствовал себя неловко и был озабочен. Почему его, передовика, раньше всех выполнившего план, не так горячо приветствовали, как других? Получается, что он не очень авторитетен в колхозе. Особенно досадно было это чувствовать оттого, что здесь была Фируза.

Когда зал затих, Аширали предоставил слово Ивану Андреевичу.

Мудров говорил на узбекском языке. Он рассказал, как изменилась за эти годы Голодная степь, как изменились в степи условия труда и как иными стали сами люди. Он рассказал, как будут проложены новые каналы, как вода пойдет по керамическим желобам, чтобы каждая капля воды пролилась лишь там, где в ней есть нужда.

Он говорил, а Наркузи был занят одной заботой — в темном зале найти глазами Фирузу. Он вглядывался в дальние ряды, но белые или желтые платки, суконные или бархатные пальто девушек казались одинаковыми. Трудно было различить и лица в этом неярком свете. Но — не сердце ли ему подсказало? — он нашел ее. Вот она! И главное, Фируза, заметив его взгляд,

улыбнулась. Эта улыбка сразу его успокоила. Он сел поудобнее и начал слушать доклад, вникая, наконец, в смысл того, что говорилось с трибуны.

— Многие вновь организованные хозяйства теперь почти сплошь механизированы. Ручной труд отступает перед машинами,— сказал Иван Андреевич,— и этому примеру необходимо последовать всем колхозам и совхозам Голодной степи.

Он сказал, что надо как можно скорее высушить болота, сжечь тугай, избавиться от камышовых зарослей и освоить эти участки, прорывая там каналы для стока засоленной воды. «Мирзачульводстрой,— добавил он,— готов хоть сейчас помочь техникой, необходимой для осушения болот».

Ему тотчас ответили дружными аплодисментами. Зал оживился.

Чулбобо, сидевший возле Наркузи, толкнул его локтем:

— Слышишь, теперь надо приняться за дело по-настоящему.

Наркузи одобрительно кивнул головой, а затем, наклонившись к старику, шепнул ему:

— Фируза сказала вам? Сегодня ждем вас в гости. Придете?

— Раз приглашаете; придем.

Наркузи, вытащив из кармана блокнот, написал записку и передал ее Аширالي. Аширالي согласно кивнул.

Наркузи привык к тусклому свету в зале и теперь хорошо видел Фирузу и наблюдал за ней. Она с большим вниманием слушала Ивана Андреевича, так чисто и красиво говорившего на ее родном языке.

— В Голодной степи проживают представители почти пятидесяти национальностей. Все они приехали сюда, чтобы удвоить, утроить наши богатства. Все они полюбили степь, и все мы мечтаем построить коммунизм, особенно мы, старики, торопимся,— сказал он, улыбнувшись из-под очков, и взглянул на Чулбобо.

По залу прошелестели веселые аплодисменты.

— Скоро настанет у нас здесь тот долгожданный день, когда слово степь мы заменим словом сад; когда во всей степи не останется ни одного клочка бесплодной земли. Скоро настанет день, когда наша степь даст

столько хлопка, сколько сегодня дает вся наша республика!

Доклад окончен. Аширали закрыл собрание и объявил перерыв. Потом должен был демонстрироваться фильм «Чистое небо».

Наркузи подошел к Ивану Андреевичу, Таштемиру и Аширали, которые сидели в первом ряду. Аширали в это время говорил Мудрову:

— С боем заполучили мы этот фильм. Было много заявок. Давайте посмотрим, а уже потом пойдем к Наркузи.

— А не будет поздно? — засомневался Иван Андреевич. — Бедная хозяйка заждется нас!

— Чем дольше ждут, тем больше любят, — засмеялся Наркузи.

— Конечно, стоит посмотреть этот фильм, — сказал Иван Андреевич.

Наркузи, договорившись со своими гостями, направился было на свое место, когда в зале вдруг погас свет. Какой-то очень знакомый голос окликнул его:

— Наркузи-ака, идите сюда. Садитесь, есть место.

Наркузи вздрогнул, вспыхнул от счастья: «Неужели она?»

Он наугад шагнул в ту сторону, откуда услышал приглашение. Глаза быстро привыкали к темноте, и он уже начал различать сидящих. Маленькая девичья рука потянула его за рукав.

— Вот свободный стул, садитесь, — прошептала Фируза.

— Благодарю за заботу, — взволнованно произнес Наркузи.

— Иначе вы остались бы без места, — засмеялась Фируза.

— После фильма — к нам. Надеюсь, не раздумали?

— Нет, не раздумала.

— Аширали непременно хочет посмотреть эту картину. А мне как хозяину остается только подчиниться желанию гостей, да и Иван Андреевич со стариком присоединились к Аширали.

Зал притих. Все взгляды устремились на экран.

Фируза не помнила своего отца, погибшего на фронте, но, смотря фильм, думала о нем. Она знала его лишь по фотографиям да по рассказам матери, и ге-

рой фильма казался ей похожим на отца. Девушка загрустила, на глаза навернулись слезы. Наркузи не знал ни мыслей Фирузы, ни ее переживаний.

Когда фильм окончился, Наркузи тихонько взял девушку за локоть.

— Пойдемте, мы их подождем у выхода.

Фируза торопливо вытерла глаза краем платка и поднялась. В зале вспыхнул свет. Зрители с шумом направились к выходу. Фируза спросила:

— Вы и председателя к себе пригласили?

— Нет, — ответил Наркузи и смущенно добавил: — Не терплю его жену.

Они вышли на улицу и остановились.

Снег продолжал валить. Заметно похолодало. Даже щеки пощипывало.

Фируза с Наркузи отошли в сторону. Девушка туже завязала пуховый платок. Мимо прошли с хохотом веселые хохотушки из бригады Наркузи. Затем появилась Зулука под руку с председателем. Увидев Наркузи, она кокетливо стрельнула на него своими плутоватыми глазами и, наклонившись к мужу, о чем-то шепнула ему.

Ильхамча задержался было под деревом неподалеку от них, но Наркузи крикнул ему:

— Ты что застрял? А ну, шагай... иначе помогу!

Наконец появились старики.

— Подождите немного, — сказал старикам Ашир-али. — Я сбегаю в гараж.

— Зачем? Не нужно, — возразил Иван Андреевич, — пойдем пешочком.

— Конечно, — присоединился к нему Чулбобо. — Не так уж далеко...

— Подышим свежим воздухом, — добавила тетушка Ханифа.

Фируза, взяв под руку тетушку Ханифу, шла молча, задумчиво прислушиваясь к скрипу снега под ногами.

— Что это ты загрустила, доченька? — спросила Ханифа.

— Отца вспомнила, — ответила Фируза. — Фильмы о войне всегда мне напоминают о нем.

— Да, военные картины будоражат старые раны, — сказала тетушка Ханифа.

— Вы после войны не пытались узнать об отце? — спросил Наркузи.

— Справлялись много раз, ответ один: «Пропал без вести». Из последнего письма мы знали, что отец находился в городе Аккерман под Одессой. Мы с мамой ездили туда, наводили справки, разыскивали однополчан отца, но безрезультатно.

— Не вы одна, доченька: война многих детей разлучила с родителями, — сказал Иван Андреевич. — Мой единственный сын тоже остался под Смоленском.

— Да, много горя принесла война, — вздохнул Чулбобо. — Теперь бы уж давно, наверное, мы с вами Голодную степь превратили в сад!

Все надолго замолчали. Наконец, свернув с большой дороги, они увидели освещенные окна.

Возле дверей стояла женщина. Увидев гостей, она кинулась им навстречу.

— Пожалуйста, дорогие, пожалуйста! — приветствовала их Зумрад-биби.

— Вы нас, пожалуйста, извините за опоздание, — начали оправдываться гости. — А чтобы вы не были на нас в обиде, мы опустошим сейчас ваш дастархан, — засмеялась Турсуной, обнимая старушку.

Долго обнимались Зумрад-биби и Ханифа, поздравляя друг друга с праздником. Затем хозяйка обратилась к Фирузе:

— Это ты, кажется, доченька, приехала из города? Давай же познакомимся, дорогая.

Фируза подошла к Зумрад-биби. Старушка обняла ее и поцеловала.

— Оказывается, ты красивее, чем мне рассказывал Наркузи. Ну как, понравился тебе наш кишлак? Получаешь письма из дому? — засыпала Фирузу вопросами Зумрад-биби, ласково похлопывая девушку по плечу.

Фируза покраснела от смущения и в растерянности же знала, на какой вопрос отвечать раньше.

Зумрад-биби, поздоровавшись с остальными гостями, пригласила всех в комнату.

— Пожалуйста в тепло. Поди, озябли.

Дом Наркузи не отличался от других колхозных домов. Он состоял из двух комнат и большой открытой террасы.

Наркузи помог гостям раздеться, провел их в гости-

ную. Посреди просторной, теплой, светлой комнаты стоял накрытый стол. Иван Андреевич подошел к голландской печке и тронул ее ладонями.

— Ну и постарались же вы, тетушка Зумрад-биби! — воскликнул он, одергивая ладони и поворачиваясь к старушке, показавшейся у порога с полотенцем на плече и с медным тазиком и кувшином, начищенными до блеска.

Фируза бросилась к ней, чтобы взять из ее рук кувшин.

— Нет, дорогая, ты гостя. Я сама хочу поукаживать за всеми вами!

— Прекрасный обычай! — одобрил Иван Андреевич, обмывая руки теплой водой.

Наркузи взял с плеча матери белоснежное полотенце и протянул ему.

Все вымыли руки и сели за стол. Под светом электрической лампы, свисавшей над столом, на кремовой скатерти красовались в больших вазах, на блюдах огромные красные яблоки, сочные груши, свежие, слезно только что снятые с лоз, янтарные кисти винограда, золотистые гранаты. Запах еще теплых лепешек дразнил аппетит.

Наркузи разломил лепешку, разлил по ярким узорчатым пиалушкам зеленый чай.

— Каковы же у тебя успехи в этом году? Ты доволен? — спросил у Наркузи Иван Андреевич.

— Доволен! Доволен вдвойне: во-первых, тем, что послушался вашего совета и обновил дренажные каналы — и от соли избавились вовремя, и почву промыли. Во-вторых, по совету нашего нового агронома большую часть урожая собрали машинами. В результате отпала нужда в помощи горожан, а главное, сэкономили примерно около десяти тысяч рабочих дней.

Иван Андреевич засмеялся:

— Все члены твоей бригады теперь разбогатеют. Куда же вы денете столько денег? А?

— Были бы деньги, а расход найдется! — отшутил-ся Наркузи. — Но...

— А что «но»? Что-нибудь не так?

— Да, Иван Андреевич, по-настоящему хорошо бывает, когда у всех хорошо. Успех одной бригады — это еще не успех колхоза. Наш колхоз в общем-то отстают.

Скатываемся все ниже и ниже. Исключая бригаду Турсуной, все остальные выполнили план всего только наполовину. Горожане помогли собрать урожай, заработали деньги, а когда подходит день расчета, каково положение тех бригад? Я не могу не беспокоиться о них!

— Гм... — Иван Андреевич призадумался, поглаживая усы. — Ты прав. Я ведь не зря сейчас там сказал, что необходима техническая помощь вашему колхозу. Вам надо пересмотреть ирригацию, мелиорацию, заново прокопать большие каналы, каждый участок очистить от соли, промыть. Подойти к этому делу по-научному, а не по-обывательски. Судьбу урожая нельзя доверять самодовольному председателю. Других-то он любит подгонять, торопить, а сам только успевает раздавать обещания и дутые обязательства.

— Раньше не понимал я его, был слеп, — тяжело вздохнул Наркузи. — Фируза мне открыла глаза.

— Необходимо по колхозам организовать курсы, — заметила Фируза, — не одним только колхозным руководителям, а и каждому колхознику надо знать современную агротехнику. Ведь это увлекательная наука, за нее только возьмись!

— Молодец, доченька! Каждый хлопковод должен знать агротехнику. Не будет никакого успеха, если посеешь хлопчатник на солончаке. От обильного полива поле превратится в болото, а по каналам потечет соль. Чтобы избежать всего этого, мало старания и труда, нужно знание дела, знакомство с наукой.

— Аширали! — заговорил Таштемир. — Надо вразумить Мирхасила. Его заносчивость, самодурство, горлопанство мешают колхозу, тормозят дело. Надо думать о будущем, а он живет только сегодняшним днем. Он из-за плана не видит матушку-землю! Кормилицу нашу добрую! Вот тому доказательство, что мы здесь собрались без него, а он должен бы быть здесь, с нами. Он потерял уважение людей. Народ его избегает, никому неохота лишний раз попасться на глаза этому самодуру. У колхозников унылое настроение. Надо, не теряя попусту времени, подбодрить людей, вернуть им веру в будущие успехи. А то выходит по пословице: чем дальше в лес — тем больше дров!

— Верно говорите, — согласился с замечаниями

Чулбобо Аширали.— Мы тоже советовались с коммунистами и думаем, как помочь делу...

Зумрад-биби, чтобы отвлечь гостей от деловых разговоров и перевести беседу на праздничные, веселые темы, попросила сына, кивнув на магнитофон:

— Покрути-ка свою машину, иначе гости загрустят.

— Да, покрути, покрути, сынок, послушаем,— подержал старушку Таштемир.

Наркузи нажал кнопку, закрутился диск, и послышался веселый напев.

— Вот это да!— воскликнул старик, покачиваясь в такт музыке.— Если бы мне сейчас было столько лет, сколько тебе, Наркузи! Каким бы я сейчас был джигитом! Как ты!

— Ох, если бы это свершилось,— засмеялась Ханифа,— что бы стала делать я — старушка?

— Ну тогда и ты стала бы такой же, как Фируза!— ответил Чулбобо.

У Зумрад-биби весело засветились глаза, лицо засияло улыбкой, разгладились морщинки, словно уже достигнута долгожданная вершина сегодняшнего торжества. Она застенчиво высказала свою заботу:

— Бедный мой сынок только и знает одну работу. Все его сверстники-ровесники давным-давно женаты, у всех семьи, дети. А он как вернулся из армии, так, кроме своего поля, ничего не видит. Вижу, ни одна девушка его не привлекает.— Зумрад-биби исподтишка взглянула на Фирузу и, понизив голос, продолжала:— Последнее время у него на устах только Фируза. И утром, и вечером он мне говорит о вас, дорогая. Вот, наконец, настал добрый час, я познакомилась с вами, доченька. Спасибо, не отказали — пришли, уважили старушку.

Фируза, смущенно улыбаясь, едва слышно ответила:

— Пришла... Да ведь я недавно у вас в колхозе, когда же он успел так много наговорить обо мне? Может, не обо мне шла речь?

— Что вы, миленькая, он описал вас. Да и не он один, а вся его бригада, все там девушки вас хвалят, говорят: вы успели побывать во всех бригадах, на всех участках.

Впервые услышав столько похвал себе, Фируза сму-

тилась и вспыхнула. Чтобы скорее перевести разговор на другую тему, она обратилась к Ивану Андреевичу:

— Вы осенью в Янгиере принимали участие в совещании молодых специалистов?

— Да. Со многими там встретился, говорил. А что? Среди них были ваши знакомые?

— Почти всех я знаю. Там много наших выпускников, с которыми я училась.

— Все они уже работают. Многие в новых совхозах.

— Вы не помните Шерали Назарова?

— Назаров... Шерали...— Иван Андреевич, прищурив глаза, склонив набок голову, задумался.— Нет. А кто он по специальности?

— Механизатор. Говорят, на строительном участке работает бульдозеристом.

— А... вспомнил. Плечистый рябой парень, да?

— Да, рябоватый.

— Он работает в первом строительном тресте, у инженера Саттарова. В молодежной бригаде. Они борются за звание бригады коммунистического труда. Частенько бываю у них в тресте, вижу его. Вы вместе учились?

— Да, в Ташкенте. Он часто бывал у нас дома. Вместе готовились к экзаменам. Он мастер готовить плов, веселый собеседник и совершенно одинокий. Никого у него нет.

Стоявший в углу около столика с магнитофоном Наркузи неожиданно спросил:

— Телеграмма от него?

— Да, он поздравил меня с праздником.

Фируза не придавала значения словам Наркузи и не задумалась, как он может истолковать ее слова.

— Не забыл, верный друг.

Ласково глядевшая на Фирузу Зумрад-биби изменилась в лице. Многозначительно взглянула на сына.

Побледневший Наркузи опустил глаза.

Как бы желая выручить сына, Зумрад-биби сказала:

— Хорошо, доченька, иметь верных друзей!

Она встала из-за стола и, взяв какое-то блюдо, пошла в другую комнату.

Магнитофонная лента продолжала крутиться, весе-

лая песня вдруг сменилась грустной, в которой великий Навои мечтает о верной любви.

Чулбобо продолжал покачиваться в такт музыке, псвворя слова давно знакомой и милой ему песни...

Зумрад-биби внесла ароматный плов. Знающие в этом блюде толк старики похвалили Зумрад-биби. После плова гости поднялись, стали прощаться.

Когда мать с сыном, проводив гостей до ворот, возвратились в дом, она, похлопав его по плечу, сказала:

— Сынок, пожалуйста, никогда не увлекайся красивыми девушками и не верь им!

Наркузи промолчал.

Глава десятая

В один из дней января они шли вместе вдоль нового канала. Уже было тепло. Солнце сияло, снег растаял. Закипела работа на полях, колхозники спешили воспользоваться каждой благоприятной минутой.

Неподалеку ворчал экскаватор. Это огромное чудовище с ковшом, в который вместился бы плов для всего кишлака, стояло на бугре. Ковш с лязгом глубоко вонзался в дно канала и потом медленно, словно разжав пальцы высоко поднятой руки, выбрасывал грунт в сторону.

Наркузи, издали глядя на работу экскаватора, обратился к Фирузе, идущей шага на два впереди.

— Могучее чудовище! Спасибо Ивану Андреевичу!

— Да, — ответила Фируза, не отрывая глаз от саженцев, робко стоящих по обе стороны нового канала. — Я подсчитываю саженцы, посаженные садоводом. Выходит семьсот двадцать кустов. Яблоки, груши, айва. А сколько их посажено всего — неизвестно. Предположим, тысяча фруктовых деревьев. Допустим, что прошло уже десять лет. Тогда каждый этот слабенький кустик будет давать по сто килограммов урожая. А сколько со всех кустов?

— Сто тонн!

— Молдец! Значит, каждая бригада в колхозе получит по сто тонн фруктов только с деревьев, посаженных вдоль каналов. А Чулбобо в этом году собирается посадить десять тысяч деревьев не только вдоль каналов, но и по краям всех посевных площадей. Значит, о

десяти тысяч деревьев — миллион килограммов урожая! Переведите-ка их на деньги, считая по десять копеек за килограмм. Сто тысяч рублей дохода!

— Вы прекрасный счетовод! — засмеялся Наркузи. — Хвала вашему учителю и вам, конечно, достойной ученице!

— Дело не только в старике, — серьезно продолжала Фируза. — Дело в народном опыте, в его мудрости. Скажите-ка, от чего наш колхоз получил больше дохода в этом году? От хлопчатника, от животноводства или от садоводства?

Наркузи остановился возле хрупкой яблоньки, не очень удачно посаженной, и, приминая тяжелым сапогом рыхлую землю вокруг корня, ответил:

— От садоводства.

— А по какой продукции перевыполнил план наш колхоз?

— Конечно, по фруктам.

— Bravo! — метнув взгляд на собеседника, продолжала девушка. — Чулбобо сейчас, все эти дни, думает о будущем доходе колхоза, о материальном благосостоянии колхозников. Это должно послужить всем нам примером. Мы вот сегодня, сейчас, уже должны заботиться о будущих урожаях хлопчатника на многие годы вперед. А?

— Все верно. Вы правы на все сто! — засмеялся Наркузи и, кивнув в сторону экскаватора, добавил: — Посмотрите-ка на ту пару!

К экскаватору подъехала бричка, доверху нагруженная саженцами. С брички спрыгнула Ханифа и протянула мужу руку. Чулбобо с ее помощью слез на землю.

— Старик продолжает свое дело, — заметил Наркузи, соскальзывая с холма вниз. Вытащив увязший в грязи сапог, он протянул руку Фирузе.

— Спускайтесь, подойдем к старикам, поможем им.

Таштемир не сразу принялся за саженцы. Он устал опустился возле брички на сноп сухой травы.

— Сдал старик, — с грустью сказала Фируза, — последние дни он не спит по ночам, бродит по двору.

Поздоровавшись со стариками, Наркузи, словно испытывая свою силу, подтолкнул бричку и воскликнул:

— Ну и нагрузили!

— Они у меня молодцы, вытянули,— ответил Чулбобо, ласково поглядывая на лошадей.

— Вы, отец, думаете о них,— поглаживая гриву вороному, сказал Наркузи,— а о себе не думаете.

— А что мне думать о себе, сынок?— Старик, опираясь ладонями о колесо, поднялся с места.— Много ли мне осталось топтать землю? От меня на добрую память всем вам останутся эти деревья и только! Вспоминайте тогда добрым словом... Ну, не стой, сгружай!

Чулбобо, положив кетмень на плечи, пошел к канаве. Ханифа с лопатой в руках неотступно следовала за ним.

Наркузи забрался на бричку и начал бережно передавать Фирузе вязанки саженцев по десять штук в каждой. На корнях каждого саженца комок земли, и вязанки поэтому были тяжелыми.

Когда они принесли несколько вязанок Чулбобо, старик уже успел вырыть десяток лунок и, устало облокотившись на ручку кетменя, отдыхал.

— На, возьми,— протянул старик Наркузи кетмень,— и сам попробуй сажать эти деревья.

Наркузи поставил в каждую лунку по одному тоненькому деревцу.

Фируза на мгновение представила себе, как эти красновато-коричневые гибкие прутики разукрасятся зеленой пышной листвой. Глядя на голые ветки, она попыталась определить сорта яблонь.

— Кажется, это белый налив, а?

— Отгадала, доченька, молодец! Через несколько лет, когда окрепнут эти ветки, на них созреет тот сорт, который ты любишь больше всего.

Фируза вспомнила усыпанные огромными плодами яблони в саду Чулбобо. Глаза ее радостно засверкали.

— Куда мы денем такой урожай?

— Был бы урожай, а девать его есть куда,— хитро прищутив глаза, ответил Фирузе старик.— Пошлем в город, на консервные заводы. Как будто не знаешь!

— Боюсь, они дадут такой урожай, что и горожан не хватит на сборах,— засмеялась Фируза.

Посадив саженцы, подошел Наркузи.

— Вы с тетушкой поезжайте, а мы с Фирузой посадим остальные.

И вопросительно взглянул на девушку.

— Посадим, да? Управимся?

— Конечно,— поддержала она.— Поезжайте!

— Спасибо вам, детки,— согласилась тетушка Ханифа, подсаживая мужа на бричку.

— Копай лунки поглубже, смотри, чтобы корни не обветрило,— наказывал Чулбобо, усаживаясь около возницы.— Не забудьте здесь кетмень и лопату.

— Все будет в порядке, не беспокойтесь!

— Как же не беспокоиться, не всегда вы доводите дело до конца, разбаловал вас колхоз, разбаловал,— все ворчал старик, когда над головой взвизгнула хворостинка и лошади, дружно рванув, потянули бричку по вязкому степному бездорожью.

— Старый ворчун,— засмеялся Наркузи, подняв новую связку для посадки.— Все учит, словно не я посадил сорок гектаров сада, не я озеленил обочины дорог километром на десять.

— К советам старика надо прислушиваться! У него такой опыт.

Допоздна они занимались посадкой. Уже экскаваторщик заглушил мотор, уходя на отдых, а у них еще лежала целая груда саженцев.

Наконец, когда зимнее небо потемнело, Наркузи равогнулся.

— Остальные посадим завтра.

Фируза молча взяла у него кетмень и сама принялась копать новые лунки.

Наркузи отобрал у нее кетмень.

— Оказывается, вы упрямее старика!

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Видите, надвигаются тучи.

Наркузи поднял голову. Действительно, небо заволкло густыми серыми тучами. Он тууже подтянул ремень, вздохнул всей грудью.

— Да, видно, придется потрудиться!

Работа спорилась. Оба втянулись в нее, и время шло незаметно. Саженцы словно слились с землей, их уже не было видно, темнота спустилась на землю, и трудно стало отличать небо от земли, такой вокруг был густой непроницаемый мрак.

— Давайте теперь приготовим лунки для завтрашней посадки! — предложил разгоряченный работой Наркузи.

Фируза рассмеялась:

— Оказывается, вы умеете увлекаться!

Фируза, взяв лопату, направилась к кишлаку.

— На сегодня хватит.

Наркузи догнал ее.

— Наверное, проголодались? Пойдемте к нам на плов!

— С удовольствием, но боюсь... Если я, как в прошлый раз, заговорю в вашем доме о Шерали, вы меня прогоните.

— Разве в прошлый раз я вас обидел?

— Ну, по крайней мере не проводили.

От этого упрека в сердце Наркузи затеплились угольки, которые за последние дни уже совсем покрылись было пеплом.

— Сегодня провожу, искуплю свою вину полностью! — радостно сказал Наркузи.

Вдали засверкали лампочки поселка. Фируза, помолчав, предложила:

— А не пойти ли нам сейчас в клуб? Если вы проголодались, я вас угощу кусочком лепешки, — засмеялась она, вытащив из кармана завернутый в бумагу хлеб. — В клубе отдохнем, послушаем музыку, в читальне посмотрим свежие журналы.

— Если вы хотите, пожалуйста.

Девушке колхозный клуб представлялся таким, каким она видела его в тот праздничный вечер, — светлым, шумным. Но теперь все было не так. И в фойе, и в зале было темно. В читальне высоко под потолком уныло тлел тусклый свет. У самых дверей стоял покосившийся, покрытый грязноватым красным ситцем стол, обставленный несколькими разохшимися, скрипучими стульями.

Остальную часть узкой длинной комнаты занимали полки, беспорядочно забитые книгами. В нетопленной комнате за столом, укутавшись в теплые платки, сидели несколько девушек, уткнувшись в газеты и журналы. С ними рядом пожилая библиотекарша.

Увидев агронома и бригадира, все вскочили, приветствуя их. Из-за книжных полок высунулся Асальхан. Она кивнула Наркузи и, протянув руку, подошла к Фирузе.

— Хочу почитать хорошую книгу о колхозной жизни. Что вы мне посоветуете?

— А что ты уже читала?

— «Поднятую целину», «Ветер золотой долины», «Сильнее бури», «Миллионер».

Фируза задумалась. Что еще посоветовать ей? Неужели больше ничего нет о жизни колхозников?

Асальхан ждала ответа, а Фируза безуспешно силилась вспомнить какую-нибудь достойную книгу.

— Не могу вспомнить ничего из романов. Если не читала, прочти повести «Победители» и «Хилала».

— Спасибо. Пойду поищу.— Асальхан снова исчезла за полками.

Фируза, просматривая газеты, спросила у библиотекарши:

— В какие дни работает клуб?

Старушка, поправляя сползающие очки, покачала головой:

— Только когда торжественные собрания, остальные дни закрыто.

— Интересно, знает ли об этом парторг?

— Наверное,— ответил Наркузи, просматривая журнал «Женщины Узбекистана».

— Посмотрите-ка, это же о нашей бригаде!— воскликнул он. Это были снимки того дня, когда Фируза впервые пришла в бригаду Наркузи.

— Помню,— улыбнулась Фируза.— Первый день сбора. Вы тогда воспользовались моей неопытностью и выиграли пари.

— Хотя и выиграл, но спас вас от арбуза, вы не забыли об этом?

— Помню все. Ну, а теперь пора домой,— сказала Фируза и встала.

Наркузи повторил свое приглашение:

— Пойдемте к нам?

— В другой раз,— ответила Фируза и свернула к дому Чулбобо.

Почувствовав намерение Наркузи поговорить с ней о чем-то серьезном, Фируза, не умея скрыть смущение, неестественным голосом сказала:

— Не обязательно разговаривать у вас дома, мы можем поговорить по пути.

Наркузи молча шел вслед за девушкой. Он терялся,

не зная, с чего и как начать разговор. Так и промолчали до самого правления. Фируза остановилась среди деревьев.

— Дальше не надо меня провожать, пойду сама.

Лучи огромной лампочки на председательских воротах осветили задумчивое, бледное лицо девушки. В этом освещении оно казалось еще милее.

Наркузи словно замороженный глядел на нее и, вдруг набравшись смелости, начал:

— Если я даже буду молчать, вы все равно знаете, Фируза, о чем я хочу сказать вам. Как только вы приехали к нам, сюда, я потерял покой. Вы небось слышали, как однажды в своей жизни я споткнулся. Не понял своих чувств. Увлечение принял за любовь. Страдал. Жестоко был наказан. Теперь мне противно даже ее имя. Может быть, вы знаете, кто она. Я думал, мое сердце больше никогда не загорится. Но ошибся. Встретил вас, прислушался к себе. Теперь это у меня не увлечение молодого парнишки... Короче говоря, Фируза-хон, ваша воля — или растоптать мою душу, как золу, или зажечь там огонь!

Фируза, хоть и догадывалась, о чем он хочет поговорить с ней, все равно ужасно растерялась — уж очень неуютно было кругом: пустая дорога, голые деревья, зимняя стужа.

Она испуганно, словно не понимая его слов, взглянула на задумчивое спокойное лицо, на его мечтательные глаза.

У девушки от непонятной жалости защемило сердце, и, чтобы скорее избавиться и его, и себя от неловкого молчания, она пошла дальше. Наркузи, словно тень, побрел за ней.

— Скажите хоть одно слово!

— Наркузи-ака, — как могла спокойней, ответила Фируза, — не так просто сказать то одно слово, которое вы просите. Поймите меня правильно. Я еще не готова сказать его.

— Я вам не нравлюсь? — подавленно спросил Наркузи. — Если бы я хоть немного был достоин этого слова, вы бы что-нибудь ответили мне.

— Вот сейчас, в эту минуту, я ничего не могу вам сказать. Не спрашивайте меня!

— А когда спросить?

— Когда будет ответ, я сама приду и скажу. А сейчас не надо больше говорить. До свиданья!

Но Наркузи пошел провожать ее дальше. Подходя к дому Чулбобо, он спросил:

— Получаете от Шерали письма?

Фируза не ожидала этого вопроса, растерялась и не сразу ответила:

— Получаю. Он работает на экскаваторе в совхозе № 6. У них теперь горячая пора. Тоже копают канавы. Весной он собирается приехать.

— Наш колхоз любит гостей.

— Спасибо. Он очень хороший парень. Вам он понравится.

У ворот Фируза пригласила Наркузи зайти в дом.

— Теперь разрешите мне пригласить вас к нам.

— Нет, спасибо. Меня, наверное, ждалась мать.

— Передайте ей привет.

— Спасибо. Только я вас прошу: не мучайте меня долго, ответьте поскорее.

Фируза уже скрылась за воротами, а Наркузи все еще стоял. Хотя сегодня она чем-то и обнадежила его, все же ее мысли остаются для него нераспутанным клубком. Слова Фирузы о Шерали еще больше запутали этот клубок.

Наркузи медленно побрел домой и всю дорогу терзался сомнениями.

Глава десятая

Шерали был не из тех, кого пугает труд. Вся жизнь его — и до армии в родном селе Бутакар, и в годы военной службы не была легкой. Когда он учился в Ташкентском сельхозинституте, он работал и помогал родителям, жившим в Бутакаре. Он привык к труду, и поэтому его не испугали трудности, которые встретились здесь, в неосвоенной степи. Всюду вставали разнообразные препятствия и помехи, но, полагаясь на свои силы, он не отступал, добивался всего, к чему стремился.

Легко ли под палящими лучами степного лета или под жестоким студеным ветром зимы с раннего утра до поздней ночи, а порой и всю ночь напролет, не сходя

с бульдозера, поднимать пласты земли, никем не тронутой от сотворения мира?

Голодная степь требует от механизаторов постоянной осторожности, осмотрительности. Ее природа такова, что всюду можно встретить всякие неожиданности.

Всегда в работе, в труде, Шерали, приехав сюда, ни разу не выбрался навестить ни родителей в Бутакаре, ни Фирузу в Гулистане.

В этот день он со своими товарищами вернулся поздно. Все они, усталые, голодные, быстро улеглись на полки «красного вагона». А Шерали остался дежурить. Он затопил печь, присел на табуретке и задумался.

А ребята, хоть и позалазили под теплые одеяла, никто не заснул. Они молча лежали, прислушиваясь к треску горящих поленьев, наслаждались жаром, исходящим от накаленной печи. В прошлую ночь, когда оставалось уже недалеко до рассвета, Иван Андреевич на машине ЗИЛ-150 сам подъехал к «красному вагону». Все спали. Только дежурный по вагону Ахмеджан, по прозвищу Старшина, уже поднялся вскипятить чай и приготовить незамысловатый завтрак. Услышав в неурочное время сигнал машины, он, удивленный, открыл дверь. В теплый вагон хлынул холодный, сырой воздух. В темноте сверкали фары машины, по которым беспрерывно бил проливной дождь. Пронизанный лучами фар, ливень напоминал сверкающий горный водопад.

— Вставайте! Скорее!

Ахмеджан-старшина удивленно посмотрел на Ивана Андреевича, с покраенезжими от бессонной ночи глазами.

Мудров, несколько раз встряхнув полы промокшего брезентового плаща, сказал:

— С гор идет лавина. Едем на уратепинскую дорогу. Буди джигитов. Надо перехватить лавину! Отвести ее в сторону.

Ахмеджан-старшина вернулся в вагон.

— Шерали! Андрей! Юлдаш! Вставайте! Подъем! Скорее!

Он спешил подойти к каждому и каждого осторожно разбудить. В голосе у него были теплота и ласка, словно он виноват перед ними.

Как только он прибавил огня в фонаре, висевшем

под самым потолком, в вагоне стало светло, все стали подниматься, натягивать сапоги, застилать постели. Кто-то взглянул на часы и удивленно проворчал:

— Что такое? Еще и четырех нет!

— Веселее, быстрее! — поторапливал их Ахмеджан. — Садитесь, товарищ Мудров, — обратился он к Ивану Андреевичу. — Выпейте чашечку горячего чая. Согрейтесь!

Джигиты, наскоро одевшись, сели вокруг стола возле печки. Иван Андреевич сказал им об опасности, надвигающейся с уратепинских гор. Об угрозе залить поселки новых совхозов, размыть дороги, затопить посеы. Надо было срочно перевести технику на противоположную сторону бетонированного канала, прорыть водоотводные каналы.

Задача ясна. Обсуждению не подлежит. Парни наскоро выпили по пиале горячего чая и, дожевывая бутерброды, надели брезентовые плащи и выпрыгнули из вагона к грузовику.

— Холод какой! — поежился Юлдаш, пряча руки в рукава.

— Да, погодка!.. — откликнулся, закуривая, Шерали.

Ахмеджан-старшина, сев за руль вместо Ивана Андреевича, нажал на стартер.

Минут через сорок они домчались до автобазы треста, где накануне оставили технику. Дождь продолжал хлестать в лицо.

— Запаситесь горючим, — распорядился Мудров.

Хотя вчера они вычистили все машины и все бочки залили горючим, сейчас под дружное: «Раз, два — взяли!» — были еще погружены большие запасные баки в ЗИЛ. Колонна экскаваторов, бульдозеров, сотрясая небо и землю, тронулась в путь. Тяжелые, зубчатые гусеницы мяли землю. Вмятины тут же наполнялись водой.

Когда колонна миновала бетонированный канал, время подошло к шести, но было еще темно и дождь не затихал.

Мудров, давно обогнавший колонну, стоял на рабочей площадке возле ЗИЛа и, нахлобучив на голову капюшон брезентового плаща, поджидал остальных.

Иван Андреевич через каждые двести метров забил колышки и, указав насколько глубоко надо рыть, ве-

дел экскаваторщикам начинать работу. Бульдозеристам он указывал сам, куда отгрести выкопанную землю. Работа закипела.

Гулом моторов наполнилась бескрайняя степь, молчавшая многие века. Казалось, это она проснулась, ожила, заговорила... Людей было немного, но мощные машины быстро и безотказно делали свое дело.

Днем на грузовике с котлом и продуктами прибыл повар. К вечеру дождь перестал. Горизонт заалел мирной вечерней зарей. Но работа не затихала.

Каждый экскаватор прорыл большие канавы. Бульдозеры отгребли вынутый грунт, воздвигая преграды на пути страшной опасности. Глубокие каналы и высокие валы были созданы за один этот тяжелый день.

Уже поздно вечером Иван Андреевич, осмотрев вырытые траншеи и валы, что-то подсчитывая на ходу, отмерил еще по двести метров и повернулся к ребятам:

— Пойдем в наступление, гвардейцы!

Парни, которым никогда в жизни не приходилось ни наступать, ни вообще воевать, ответили:

— Мы готовы!

Валы росли выше и выше. Траншеи удлинялись. А гул моторов, подхваченный ветром, уносился куда-то в бескрайние просторы степи.

Встревоженные степные волки выли, перекликались между собой где-то неподалеку. К ночи облака снова сгустились и опустились к самой земле. Опять хлынул дождь. Загремел гром, высоко в горах блеснули молнии.

Первым закончил работу Ахмеджан-старшина — его траншея соединилась с каналом. Затем и другие выполнили задание. С грохотом машины вышли наверх, на большак.

Иван Андреевич, взглянув в сторону гор и прислушиваясь, с облегчением, весело сказал:

— Успели! — И скомканным сырым платком вытер со лба дождевые капли.

Все прислушивались к гулу, не похожему ни на шум ливня, ни на грохот дальней грозы.

— Дорогие ребята, мы успели спасти совхозы! Отвели беду! — сказал Мудров.

Все это произошло за истекший день. А сейчас, усталые, они ворочаются на вагонных полках, пытаются

заснуть, а дежурный Шерали, прикрутив фитиль фонаря, сидит в полумраке возле горячей потрескивающей печки. Перед его взором возникает далекая Фируза. Как всегда, ее большие, темные глаза искрятся, как бы бросая отблеск на загорелые, смуглые щеки. Не очень длинные косы, челочка на лбу, худощавая стройная фигурка, застенчивая улыбка...

Шерали вспомнил годы их совместных занятий в сельхозинституте. Они с Фирузой познакомились на заседании комсомольского комитета. Тогда во время прений она выступила против Шерали и других членов бюро, обвиняя их в поспешности выводов. Создали комиссию. Фируза оказалась права. С того дня они подружились, стали чаще встречаться, разговаривать, спорить. Однажды она пригласила Шерали к себе домой. Познакомила со своей мамой. Зачем она его пригласила домой? Зачем представила матери? До сих пор он не разгадал этого. Шерали считал ее красивей и умнее остальных девушек. При встрече с ней его сердце трепетало, но с присущей солдату выдержкой и хладнокровием он пытался заглушить в себе ненужные чувства, считая себя недостойным ее внимания.

Прошли годы. Наконец настали последние экзамены. Стояли жаркие летние дни. Фируза и Шерали заканчивали разные отделения и специализировались на разных кафедрах, но по многим предметам готовились вместе. Под раскидистыми сетками единственной в саду яблони, склонявшимися под тяжестью плодов, возле воркующего ручейка, Шерали рассказал Фирузе о далеком своем родном селе, о трудолюбивых родителях, о службе в армии, о друзьях, о мечтах и планах на будущее. Фируза слушала его с интересом. Он рассказывал чистосердечно, тепло. Она же о себе говорила мало. А когда Шерали, заметив ее скрытность, спрашивал о чем-либо, она сдержанно отвечала:

— Лучше вы о себе говорите, я вас с удовольствием слушаю.

Мать Фирузы, Райхан-апа, хорошо знающая нравы андижанцев и высоко ценившая поварское мастерство Шерали, каждую неделю просила его готовить плов.

В самый разгар лета экзамены закончились. Студентов распределили на работу.

Как раз в те дни вышел указ правительства об освоении еще трехсот тысяч голодностепских земель. Комсомольцы изъявили желание поехать в Голодную степь. Шерали и Фируза хоть и вместе поехали в Голодную степь, попали в разные районы.

С того дня, как они разъехались, прошло восемь месяцев. Это время казалось Шерали долгими годами. Голодная степь украсилась новыми дорогами, совхозами и веселыми поселками. «Красный вагон» строителей перебрался на территорию шестого совхоза. «Красный вагон» уходил все дальше в глубь бескрайней степи. Все дальше и дальше от Фирузы уходил Шерали...

Фируза... Где она, что делает в эту дождливую ночь, в этот час? О чем думает?

Шерали за эти восемь месяцев написал Фирузе десять писем, от нее же получил только два. И оба раза это были коротенькие ответы. Девушка ограничивалась вопросами: «Как идут ваши дела? Что нового? Не собираетесь ли заглянуть в наши края?» Шерали всегда старался подробно, до мелочей описать свои дела, общал ей все новости, даже новости своих друзей. Не забыл написать о своем заработке. Ее молчание мучило и смущало Шерали. Он часто думал, что сам виноват в этом: может быть, недостаточно внимателен к ней? И вдруг мелькнула мысль: девушка спросила меня, не собираюсь ли я приехать в их края? А я и не воспользовался ее приглашением! Сам, только сам виноват.

И строку за строкой перебирая в памяти ее письма, он беспощадно критиковал и осуждал себя, преувеличивал свои проступки.

«Разве она не в первом же письме написала, что в колхозе «Радостный труд» живет у старика садовника Таштемира? Я должен был понять тогда, что девушка дает мне адрес и приглашает к себе, а я, бестолковый, не сообразил! Письмо, где она спрашивала, не собираюсь ли я к ним в колхоз, пришло два месяца назад. А что предпринял я?» — терзался Шерали. «Баста! Надо покончить со всякими сомнениями. Хватит забивать голову размышлениями, нравлюсь ли я ей? Завтра выходной день. Как только рассветет — поеду. Доберусь сначала до Янгиера, а там хоть прицеплюсь за борт лю-

бого грузовика и доберусь до Гулистана. А в колхозе «Радостный труд» — прямо в дом к садовнику».

Мысли Шерали прервала песня. Кто-то из парней тихонько запел, другие тут же подхватили.

Моя милая ушла,
По степной тропе ушла.
Но в душе моей она
Пламя жаркое зажгла.

И не солнце меня жжет,—
Ее взгляд меня жжет.
Не сжигай меня дотла:
Пусть любовь моя живет!

— Хватит вам! Дайте поспать!— крикнул Ахмеджан-старшина.

Юлдаш, облокотившись на подушку, повернулся к Шерали и, тяжело вздыхая, сказал:

— Пойте, пойте, все равно никто не спит. Песня ваша словно бальзам. Она больше всего нужна сейчас Шерали!

— Ребята, у меня есть предложение, — сказал с верхней полки Бахтияр, натягивая рубаху.— Пусть Шерали перелистает нам книгу своего сердца!

— Верно, верно!— поддержали его остальные и повскакивали с мест.

Шерали выкрутил фитиль фонаря. Вагон озарился красно-желтым светом. Ребята сели вокруг печки. Кто-то заварил чай, на столе появились лепешки, брынза.

Шерали сидел задумавшись. Нелегко ему было высказать мысли, бередившие его сердце.

— Перебил ты нам сон, так давай выкладывай, открой нам свою тайну!— сказал Ахмеджан-старшина, строго глядя на печального Шерали.

Слова Старшины чем-то раздосадовали задумчивого Шерали, и, подавляя эту досаду, он возразил:

— Разве я поднял вас? Разве это я запел? Я сидел и молчал.

— Вот так да!— Старшина положил тяжелые руки на его плечи, как бы прося прощения.— Обидчив ты! Разве мы тебе не друзья? Мы же видим по твоим глазам, что у тебя на душе! В том-то и дело, что ты молчал. Люди по-разному молчат.

Шерали не сумел скрыть свою сокровенную тайну

от друзей, с которыми восемь месяцев жил бок о бок, пил из одной кружки. Ребята рано или поздно сами узнали бы, не дали бы своему товарищу страдать. Пусть Шерали расскажет товарищам повесть о своей любви, а вас я тем временем поближе познакомлю с Ахмеджаном-старшиной.

Все эти ребята в Голодную степь приехали по путевкам комсомола. Во всем составе было восемь таких «красных вагонов». В каждом вагоне по пятнадцать, двадцать человек. В двух вагонах находились девушки — землемеры, укладчики, штукатуры и маляры. А остальные шесть вагонов были в распоряжении мужчин. Все они — и мужчины и женщины — работали в одном тресте.

Три года назад, когда еще не было стационарных построек, рабочие жили в шалашах и землянках. С приездом туда Ивана Андреевича многое изменилось: строители переехали в сухие теплые дома-вагоны, а низкие, сырые землянки сравнивали с землей. И место, где они были, перепахали. Шерали не довелось жить в землянке: к его приезду стояли уже «красные вагоны». Но Ахмеджан-старшина был из тех, кому пришлось начинать свою жизнь в степи с землянки. Родина Ахмеджана недалеко отсюда — в Зааминских горах. Он вырос там на козьем молоке, на мясе горных куропадок и джейранов. Сам делал кирпичи для школы, в которой учился, а восемнадцати лет ушел в армию. Служил в новой воинской части. Командиры, увидев его горячий, волевой характер, назначили Ахмеджана старшиной в строительной роте. Умел еще он и водить машину, поэтому всегда успевал своевременно доставлять строительные материалы. Рота его славилась образцовой дисциплиной.

По тому, как он каждый год приезжал домой в отпуск, можно было догадаться о его успехах.

В первое время своего пребывания в Голодной степи Ахмеджан ходил сам не свой от возмущения — такую он увидел кругом бесхозяйственность, такое отсутствие дисциплины. Его раздражали сырые, неудобные землянки, и он стал их ярым врагом.

— Что это за дело? — возмущался он. — Начато такое огромное строительство, а рабочие, словно степные грызуны, ютятся чуть ли не в норах!

Все остальное вокруг было на таком же уровне. В поселке строителей не было ни столовой, ни бани, ни парикмахерской. На тракторе ездили в магазин, за четыре километра от землянок строителей...

Ахмеджан, пылая от возмущения, приехал в трест и все, что у него накопилось на сердце, выложил только что принявшему дела новому начальнику — Ивану Андреевичу.

Мудров, выслушав его, пообещал в тот же день приехать в поселок. Вечером действительно приехал, увидел все, о чем рассказывал Ахмеджан, своими глазами, познакомился со строителями и неожиданно для Ахмеджана назначил его, как в армии, старшиной строителей.

С этого дня все строители Голодной степи стали его величать Ахмеджан-старшина.

В скором времени многое стало приходить в порядок. Рабочих переселили в «красные вагоны», выстроили столовую, начала работать вагон-лавка, появились баня и парикмахерская. Стала приезжать кинопередвижка.

Когда Шерали закончил свою исповедь, начались, как на комсомольском собрании, бурные прения:

— Удивительно! Как это столько времени не проронить ни слова, таить такую тяжесть на душе! — воскликнул Старшина. — Разве можно быть таким скрытным? А что, если Фирузу увлечет кто-нибудь и увезет? Или кто-нибудь приглянется девушке, возьмет да и высватает ее! Что тогда?

— Эй, Старшина, полно тебе, — вмешался Юлдаш, — такие образованные, умные девушки, как Фируза, так быстро не высказывают замуж.

— Говоришь, короткий срок! — огрызнулся Старшина. — Ничего себе, восемь месяцев! Короткий срок? За восемь месяцев мы построили три совхоза.

— Верно говорит Старшина, — поддержал один из парней, бросая в печку щепки, — у нас в Буке один студент приехал в отпуск домой и забыл про свою милую, не писал ей. А когда вернулся в Ташкент, услышал «приятную новость»: с другим сыграла свадьбу.

— Бросьте паниковать, — заговорил Бахтияр, — не сыпьте соль на рану Шерали. Слепли, что ли? Бедный парень и без того дошел!

И действительно, после слов Старшины и рассказа о Буке застонало сердце у Шерали. Он готов был кричать от отчаяния.

— Тебе самому виднее, — как бы успокаивая Шерали, сказал Старшина. — Может, и правда, что сердце Фирузы закрыто для других. Возможно, она только и думает о тебе. Все глаза просмотрела в ожидании...

— Послушай-ка, милый друг, — опять заговорил Юлдаш, — ты нам открыл свое сердце, но не сказал главного. О чем вы с ней договорились? Ты объяснился ей в любви? Или ограничивался вздохами и томными взглядами? Или и этого не было?

Эти слова больно резанули по сердцу: в самом деле, почему еще в студенческие годы не открыл он ей сердце? Пожалуй, прав был Старшина: время упущено, и душа это знает, потому и томится.

— Завтра непременно поезжай туда. Не мешкай, не откладывай, — продолжал Старшина, — разыщи ее в Гулистане, поговори с ней!

— Постарайся уговорить ее приехать к нам сюда. Нам нужны агрономы.

— Хорошо, если Фируза согласится, ну, а если... — начал было глубокомысленно рассуждать парень, который рассказал историю букинского студента.

Его резко перебил до сих пор молчавший долговязый Андрей. Он вскочил с табуретки, зажег погасшую папиросу и, словно подводя итог прениям, сказал:

— Шерали все равно сегодня не заснет, да и не к чему ему спать. Надо дорожить временем. Я предлагаю сейчас же выехать ему в Гулистан! Поможем ему вывести мотоцикл до шоссе на дороге. Как вы смотрите на это? Старшина, твой мотоцикл можно взять?

— Вот это по-мужски! — воскликнул Старшина. — Дельный совет! Не побоишься промокнуть, Шерали?

— Бойтся, переждет, — расхохотались парни.

— Поехали! — Шерали вскочил и принялся торопливо одеваться.

— Ахмеджан, как твоя «Ява»?

— В боевой готовности!

Ребята помогли вывести мотоцикл и проводили Шерали до большака.

Словно уезжая далеко и надолго, Шерали прощался с каждым: обнимался, пожимал руки и, наконец удоб-

но устроившись на новом кожаном сиденье «Явы», нажал на стартер.

— Если вернешься один, твоя поездка не в счет будет! — поддразнивали ребята.

— Командировка будет недействительна!

— Посади ее рядом и привози!

Мотоцикл помчался по широкой асфальтированной дороге.

Под лучами фар долго была видна блестящая косая полоса дождя, напоминающая крыло огромной ночной бабочки.

Глава одиннадцатая

Фируза была словно между двух огней: один сверкал ей издали, другой горел жарким пламенем рядом. Как усталый путник в ночи надеется на мигающий далекий огонек, так и Фируза возлагала надежды на далекого Шерали, но каждый раз, получая письма от него, она находила в них только искорки от большого пламени. А рядом согревала ее преданная застенчивая любовь Наркузи. Этот огонь был щедрым и постоянным. Фируза должна была выбрать одного из них. Если она окончательно выберет далекую искорку, погаснет близкое пламя. Если выберет близкое пламя, погаснет заманчивый далекий огонек.

Весна пришла с густыми облаками, ливнями, грозами. В бескрайней степи она расстелила свой огромный алый ковер, вытканый тюльпанами. Волны Сырдарьи бушевали, перехлестывая через берега.

Весна заполняла сердца мечтами. Весна торопила девушку сделать свой выбор. Весна не ждала, заглядывала во все уголки. Весна манила жителей выбраться на степной простор. Колхозники переезжали на полевые станы. Зарокотали «стальные кони», заработали сеялки, сверкая под лучами щедрого весеннего солнца.

В саду Чулбобо распустилось множество разноцветных причудливых цветов. Вернулись птицы, с началом листопада покидавшие его сад. Теперь они по утрам будили Фирузу.

И сегодня разбудили ее. После долгой отлучки вернулся к родному очагу, в свое родное гнездо соловей и,

восхваляя чудеса природы, заливался трелями на цветущей яблонево́й ветке, нарядной, как невеста.

Фируза проснулась. Постель тетушки Ханифы пустовала, она со стариком собиралась поутру откапывать виноградные лозы. Фирузе не хотелось вставать, она долго лежала, слушая соловьиные трели, в которых есть своя особая прелесть, как и в стихах поэта. Они напоминали девушке газели Навои. Возможно, великий поэт перенял мелодичность своих газелей у соловьиных песен.

Наконец Фируза поднялась, наскоро прибрала постель, умылась холодной водой из глиняного кувшина и пошла в сад.

Словно впервые в жизни, с особым вниманием разглядывала она раскрывшиеся цветы. Соловью откуда-то из другого конца сада отвечал другой соловей, но уже в другом ритме. Сад наполнился волшебством этих воздушных мелодий.

Фируза вспоминала содержание писем, полученных за эти дни. Одно письмо от Шерали, — он обижался на нее за долгое молчание и за то, что она оставила его письмо без ответа. Другое — от Наркузи. Несмотря на их ежедневные встречи, он написал ей письмо. Оно напоминало повестку, с той лишь разницей, что в повестке пишут: явиться туда-то, в такой-то час, а в письме Наркузи было написано: «Срочно дайте ответ, больше нет сил ждать!» Вот именно после этих писем Фируза и почувствовала себя между двух огней.

Разгуливая в ранний час по саду, Фируза, словно успокаивая сама себя, размышляла: «Разве я давала кому-нибудь из них обещание? Или подавала надежду? Почему они требуют от меня срочного, немедленного ответа? О, если бы так легко решалась эта задача! Неужели парням трудно дружить с девушками так же, как с парнями?»

Но в душе она понимала, и Шерали, и Наркузи, они томятся в ожидании ее ответа, а ей надлежит понять свое сердце и ответить одному из них. Но ведь Шерали ни разу не заговорил с ней о своих чувствах, как Наркузи. Фируза хорошо знала, что она и сейчас не готова ответить на вопрос Наркузи. Можно ли решить сразу эту задачу?

Разве могут у девушки быть готовые ответы. Она

сама не заметит, как возникнет, родится ответ. Может быть, даже он уже готов этот ответ, но нужно время, когда он нежданно-негаданно вдруг откроется.

Фируза направилась к старикам.

Со стороны улицы донесся гул мотоцикла. Дезушка прислушалась. Ясно было, что мотоцикл притормозил возле ворот. «Кто это спозаранку?» Удивленная Фируза вернулась, услышав стук в ворота, отодвинула тяжелый засов.

— Шерали!

Он стоял, облокотившись на «Яву», и выглядел очень усталым: небритое лицо, покрасневшие от бессонницы глаза, мокрый брезентовый плащ.

Фируза протянула ему обе руки. Шерали, крепко прижимая к сердцу ее руки, преодолевая волнение, произнес:

— Вот разыскал, нашел... как поживаете?

Фируза, не менее волнуясь, ответила:

— Здравствуйте, живу я хорошо!.. Да что же мы стоим? Пожалуйте в дом. Идемте!

Шерали ввел грязный мотоцикл во двор.

— Угодили в самый ливень, — сказала уже успокоившаяся Фируза, оглядев Шерали с ног до головы. — Снимайте скорее плащ.

Она взяла плащ у Шерали и, вешая его на террасе, спросила:

— Долго ехали?

— Три часа. До вашего кишлака я добрался с полчаса тому назад и сидел в правлении, говорил со сторожем, горбуном Халматом, что ли? Он оказался из таких, которых хлебом не корми, а дай поговорить!

— Да, он любит поболтать! — ответила Фируза, расстилая одеяла вокруг низенького столика.

Шерали сидел, как околдованный, то поглядывая на редкостные цветы в саду, то на пышные деревья, то, смущаясь, украдкой на Фирузу.

А Фируза радостно улыбалась.

— Как это вы решились? — не без задора спросила она.

— Как видите, не только решился, но и сразу разыскал вас!

— Пожалуйте сюда, садитесь, сейчас закипит самовар, будем чай пить.

— А где же ваши старики?

— В саду работают. Может, подойдем к ним? Познакомлю вас с ними!

Фируза спустилась со ступенек террасы и шутиливо протянула руку Шерали:

— Смелее, не бойтесь, я поддержу вас!

С некоторым сожалением, что сейчас они уже будут не одни, он пошел следом за ней.

Миновав яблоневые деревья, они вышли к винограднику.

Чулбобо, взмахивая кетменем, отбрасывал землю с закопанных виноградных кустов, за ним Ханифа осторожно расчищала землю, чтобы не повредить кусты. Увидев Фирузу с незнакомым человеком, Таштемир прищурил глаза и, облокотившись на рукоятку кетменя, разогнулся, разглядывая незнакомца, словно стараясь припомнить его.

Шерали, приложив руки к груди, сказал с почтением:

— Ассалям алейкум! Не уставать вам!

— Ваалейкум ассалям! Добро пожаловать! Это ты на мотоцикле приехал?

— Да, я!

— Очень хорошо. Откуда же ты?

— Из Янгиера, отец. Из совхоза.

Старик протянул ему руку:

— Э... Ты тот Шерали, да?

Ханифа, увидев джигита, о котором много рассказывала ей Фируза, внимательно его разглядывала.

Шерали подошел к ней с протянутой рукой.

Она, задержав его руку, затараторила:

— Как ты поживаешь, сынок? Будь очастлив. Молодец, что приехал!

Затем, обращаясь к Фирузе, продолжала:

— Давно бы надо было пригласить Шерали к нам! Что же ты, доченька, раньше не догадалась?

— Приглашала,— ответила она, исподтишка поглядывая на Шерали, видимо понравившегося старику.— Но он откладывал: наверное, ему было не до нас!

— Вот приехал,— засмеялся Шерали, сверкнув ровными яркими зубами, и протянул руку Чулбобо: — Кетмень дайте мне!

Взяв кетмень, он принялся дальше раскапывать лозы. Он так умело работал, словно сам закопал их осенью и знал, где глубже подхватить землю, а где нужна осторожность. Старик едва успевал за ним дочищать. Чулбобо радостно воскликнул:

— Оказывается, ты сын земледельца! Раз ты попал ко мне, поработаешь!

— Вы хотите поступить по поговорке: «Если пришел молодой, то на помощь, а если старик, то к беде!» — отшучивался Шерали. — Приказывайте, я готов!

Когда Шерали дошел до конца первой полосы, старик, разогнувшись, сказал:

— Ну, успеешь здесь поработать, а теперь ступай отдыхать. Фируза напоит тебя чаем; веди его, Фируза, домой, ставь самовар. Мы тут управимся и тоже придем завтракать. Мы виноваты, сынок, нарушили всякое гостеприимство: ты небось устал после дороги, а мы вместо отдыха дали тебе кетмень!

Когда они вышли из сада, огромный солнечный диск уже поднялся из-за дома и алый свет мерцал на каждом бело-розовом лепестке цветов яблони, на пунцовых листьях граната, на причудливо-нежных ветках черешен. А солнце поднималось все выше и выше, щедро озаряя степной сад. Земля жадно поглотила влагу, словно дождь не лил всю ночь, но, напоминая о нем, сверкали, переливались бриллиантовые капли, оставшиеся на листе.

С земли, туманясь, поднимался пар и таял где-то среди деревьев. А соловей продолжал свою дивную песню.

Фируза принялась накрывать на стол. Достала свежие лепешки, принесла сушеные фрукты, орехи, сладости.

Она не садилась, может быть, оттягивала разговор, но, переходя с места на место, приглядывалась, присматривалась к гостю. И он, не говоря ей ни слова, молча помогая ей расставлять на скатерти тарелки, тоже разглядывал ее, улавливая перемены и замечая все, что было ему в ней мило.

Вскоре пришли из сада старики. Они уговорили гостя сесть на почетное место, рядом сел Таштемир и усмехнулся:

— Разбаловала нас доченька наша, ни один чай-

ханщик, ни одна хозяйка так не умеет заваривать чай, как она.

Действительно, в доме стариков чаем занималась Фируза, она каждый раз сама ходила в сельпо, выбирала сорта чая, смешивала их и по-особому заваривала. В кишлаке все хвалили ее заварку, и каждый рад был попробовать ее чай. Многие женщины, раньше редко бывавшие у Ханифы, стали навещать ее.

Как всегда, Фируза села у самовара и маленькую, узорчатую зеленую пиалушечку протянула гостю.

Чулбобо по своей привычке начал с толкна и предложил его Шерали. Когда гость взял ложку толкна, старик, хитро прищурив глаза, спросил:

— Не мешают вам дожди?

Шерали не мог ответить: он с большим трудом проглотил толкно и, покраснев от смущения, промолчал. Наконец он сказал:

— Мешают, но я же на экскаваторе, а этому стальному чуду все равно, дождь ли, снег ли — он делает свое дело.

— Что вы сейчас делаете?

— Роем каналы.

— А доченька говорила, что вы вместе учились. Как же из тебя получился экскаваторщик?

— Она изучала агрономию, а я механизацию. Она стала агрономом, я — инженером-механизатором. По совету Ивана Андреевича пока работаю экскаваторщиком. Когда я приехал, он мне сказал: «Самое важное в Голодной степи — ирригация. Только при помощи ее мы подчиним себе землю». Иван Андреевич сравнивает солончаки с пьяными буянами. Недаром тех, кто выпьет лишнего и буянит, обливают холодной водой, чтобы остудить дурь в голове. Так надо, говорит он, поступать и с солончаками, чтобы выгнать из них соль: обливать водой и гнать соль прочь в канавы.

Старик расхохотался:

— Иван скажет!

Дед помолчал, занявшись чаем, и, словно спохватившись, вдруг торопливо спросил:

— А что там было такое? Я слышал, будто бы исчезла вода?

— Поговоривали об этом, но когда проверили, оказалось, что просто проект был неправильный. В

новом проекте эти ошибки учтены, мы работаем уже по новому проекту.

— Недаром вас учили. Наша доченька тоже много добра делает колхозу. Но и устает очень.

Шерали приглядывался к Фирузе.

Он видел большую разницу между студенткой Фирузой и Фирузой агрономом. Лицо ее побледнело, осунулось. Огрубели тонкие, длинные пальцы. Взгляд стал серьезнее, но лучистые черные глаза, тонкие брови, густые ресницы остались прежними.

Шерали охватило волнение.

— Мы тоже всю зиму копали канавы,— сказала Фируза, словно отчитываясь перед глядевшим на нее Шерали.— Три раза, а кое-где и четыре промыли почву. От промытых земель по канавам потекла соль. Соленую воду проверили в лаборатории. По моим подсчетам с гектара земли нам удалось выгнать примерно десять тонн соли. Подумать только, как это на таком солончаке росли хлеба, деревья!

— Растениям была бы только зацепка. Они, подобно человеку, терпят все! — поддержал Фирузу старик.— За все твои усилия и труды земля тебя наградит, доченька!

— В этом году неблагоприятная погода, дождливая,— продолжала Фируза.— Запоздываем с севом.

— Не огорчайся, доченька, ты сделала все положенное, смыла соль. Твой хлопчатник не задуют солончаки. Соберешь богатый урожай. Поверь, у меня опытный глаз.

— О, если бы сбылись ваши пророчества!

Завтрак подходил к концу. Старик обратился к Шерали:

— Поживешь денька три-четыре?

— Нет, отец! Я бы и рад пожить, но сами знаете, что творит дождь. Всюду наводнения...

— Что-нибудь угрожающее?

— Вчера весь день копали отводные канавы: вода идет с Уратепе.

— Где горы близко, везде нужны заслоны от наводнений. Не в этом, так в другом году они выручат. Во многих местах существовали они и раньше, но по недомыслию некоторых людей их засыпали, засеяли хлопком. Раз есть хоть маленькая опасность наводне-

ния, надо создавать укрепления, и беречь их, и строить не на один сезон! Вы, молодежь, намотайте это на ус.

— Я уверен, впредь их будут беречь. Государство доверило нам отличную технику! Мы обязаны строить хорошо, крепко.

После завтрака Шерали, полагая, что и Фируза пойдет со стариками, собрался в сад, но она возразила:

— С садом они сами управятся, а мы с вами посмотрим колхозные поля. Согласны?

— Правильно,— одобрил Чулбобо,— пойдите на наши поля. Взгляните, Шерали, на ее труды. Но не опаздывайте к обеду.

— Слушаюсь, отец!

Шерали вывел «Яву» на улицу, подкатил к арыку и, пока Фируза чем-то занималась в доме, вымыл машину. Вскоре девушка удобно устроилась в коляске.

— Поезжайте потише, очень грязно.

Шерали повел мотоцикл осторожно. Миновав размокшую дорожку, выехали на ровный большак.

Возле огромных желтых ворот стояла Зулука, может быть, в ожидании своей «Волги». Увидев агронома на мотоцикле с незнакомым мужчиной, она вытаращила глаза и, глядя на них с осуждением, грубо крикнула:

— Разбрызгались! Пачкаете всех!

Шерали и Фируза не обратили на нее внимания, и Зулука принялась отряхивать пальто, хотя до нее не долетело ни одной капли.

Проехали правление, клуб. Справа от дороги, за стройными тополями, начались дома колхозников. Вот дом Наркузи. В настежь открытые ворота Фируза увидела, как тетушка Зумрад-биби доит корову. Мотоцикл мчался дальше.

Через некоторое время Шерали, слегка повернув голову, крикнул:

— Куда ехать?

— Прямо. В бригаду Наркузи! — ответила девушка.

Про Наркузи она писала ему, да и от других Шерали слышал о прославленном бригадире. Фируза в своих письмах называла его степным орлом, непревзойденным мастером хлопководства, хорошим товарищем и талантливым организатором. Вспомнив эти теплые отзывы о Наркузи, Шерали почувствовал, как в его

сердце закралось подозрение: «Почему она едет именно в его бригаду?»

Несмотря на холодный ветер, он расстегнул ворот гимнастерки.

После дождя все сверкало чистотой. Только что раскрывшиеся листья казались сделанными из нейлона.

Фируза похлопала Шерали по плечу и кивнула головой, давая знать, что пора остановить мотоцикл.

Трескучая «Ява» остановилась.

Слева от дороги посреди поля высился полевой стан. Издали увидев Фирузу с гостем, колхозники замахали руками, приветствуя их и приглашая к себе.

Шерали шагал с мотоциклом за Фирузой навстречу солнцу. Яркие лучи слепили глаза. Он не мог разглядеть, кто находился на полевом стане.

— Наркузи не по себе, — сказала Фируза, обернувшись к Шерали. — При новом распределении рабочей силы его бригада уменьшилась на двадцать человек. Мы их перевели в другие бригады. Помните, в одном из писем я вам писала о Турсуной? В ее бригаду перешло десять человек.

Шерали заинтересовался:

— Выходит, у степного орла не очень хороши дела?

— Наоборот, хороши. Он своевременно закончил зяблевую пахоту, справился с зимним поливом. Ни одного зимнего дня не просидел без дела. Он, как говорят, зубами схватился за хлопкоуборочные машины. Всех молодых научил управлять трактором. Но продолжает хмуриться. Перестал приходить к нам. Словно во всем виновата я. На днях он при встрече с Турсуной сказал ей: «Вы наверняка довольны новыми членами вашей бригады. Теперь попросите агронома дать вам часть земли из нашей бригады!» Несправедливый упрек! Разве я одна решаю эти вопросы? Это решение правления, а не мое личное.

— Нехорошо, что между вами пробежала черная кошка, — подкузьмил Шерали, в сердце которого разгоралась искорка ревности.

Озадаченная Фируза, молча взглянув на собеседника, с обидой в голосе заметила:

— Неужели вы мыслите так узко! Не ожидала от вас!

— Вы сами сужаете мои мысли,— усмехнулся Шерали.— Обиделись на мой безобидный вопрос.

Фируза хотела что-то сказать, но, увидев идущего к ним Наркузи, умолкла.

— Я восхищен вами,— сказал Наркузи, как-то слишком весело пожимая руку Фирузе.— Если бы каждая девушка сдерживала свои обещания, как вы!

Шерали, не понимая значения этих слов, пытливо посмотрел на Фирузу.

Она поспешила объяснить:

— Наркузи-ака взял с меня обещание, что я непременно познакомлю вас с ним. Вот видите, он сразу узнал вас.

Несмотря на искренность слов девушки и ее сердечную улыбку, джигиты, протянув друг другу руки, сверкнули глазами.

— Сегодня заканчиваем посев,— произнес Наркузи, косясь на новый красный мотоцикл.— Буду очень рад видеть вас вечером у себя! Прошу на чашку чая.

Шерали ответил:

— Мы уже обещали Чулбобо. К вам придем в другой мой приезд!

— Воля ваша,— ответил Наркузи и обратился к колхозникам: — Приступайте, пора!

Все направились к тракторам.

— Решили навестить? — сказал Наркузи, стараясь скрыть свое состояние.— Давно мы вас ждем. Правда, Фирузахон?

Девушка, поняв взаимную антипатию двух джигитов, не зная, что ей делать дальше, умолкла в раздумье.

— Да, решил,— ответил Шерали, не глядя на Наркузи, который с нарочитым интересом разглядывал мотоцикл.

— Прекрасная машина!

— Да, хорошая, но чужая!

— Постарайтесь поскорей приобрести свою, тогда сможете приезжать сюда чаще!

— Мечтаю!

Фирузе надоела эта перепалка, похожая на петушинный бой. Чтобы отвлечь их, она перевела разговор на другую тему:

— Наркузи-ака, мы хотим посмотреть ваши поля.

После работы приходите к нам и тогда мы продолжим беседу.

— Благодарю вас. Если не будет дождя, мы собираемся работать допоздна. Неудобно поздно беспокоить стариков.

— Вам виднее, — с обидой сказала Фируза и обратилась к Шерали: — Поехали?

Шерали протянул руку Наркузи:

— Прощайте, бригадир!

— До свидания, гость!

Шерали вывел мотоцикл на ровную дорогу, Фируза села, и они тронулись.

Наркузи долго смотрел им вслед, пока где-то вддали, в тумане, не исчезла «Ява».

Фируза чувствовала взгляд Наркузи, но не обернулась. Тяжелое чувство все больше и больше заполняло сердце девушки. Ей было досадно и горько, что эти близкие ей люди, знавшие друг друга по ее рассказам, так неприветливо встретились.

Они до вечера пробыли на полях. На полевом стане в бригаде Турсуной отдохнули, выпили чаю. Долго бродили по бережкам канав и ручейков, между участков, расположенных, словно шахматная доска, любуясь посадками яблонь, айвы, граната, инжира, выращенных Чулбобо, на которых уже появились почки. Они заехали в лабораторию, там Фируза показала Шерали обработанные для посева семена хлопчатника. Рассказала ему о своих опытах.

Фируза подошла к окну, открыла его, и теплый весенний воздух ворвался в маленькую, уютную лабораторию. Включила радиоприемник, и зазвучала знакомая с детства песня на слова Мукими: «Где б не был я, сердце мое с тобой!»

Они оба слушали молча, и каждому казалось, что он понимает по-новому смысл этой душевной песни.

Шерали, стоявший у приемника, подошел ближе к креслу.

— Фируза, нам бы надо поговорить!

Не оборачиваясь к нему, не отрывая взгляда от журнала, лежавшего на столе, она спросила:

— О чем?

— Я приехал за вами, хочу вас увезти в Янгиер!

Фирузу удивило решение Шерали.

— Без моего согласия? Что я буду делать в Янгире?

— Нам тоже нужны агрономы. Будете работать у нас. Будем работать вместе!

— Я здесь привыкла. Мне нравится наш колхоз, люди. Я привязалась к старикам. Лучше вы будете приезжать, а я буду к вам ездить.

— Хотите сказать, что вы не можете оставить Наркузи?

Фируза с досадой выключила приемник, подошла к открытому окну. Задумалась. Она не собиралась обижать своего друга, но ей хотелось воспользоваться удобным случаем и рассказать ему о своем отношении к Наркузи.

— Зачем так говорите, Шерали-ака? — медленно повернулась она от окна к собеседнику. — Я отношусь к Наркузи так же дружески, как и к вам. Дело не в нем. Дело не в клочке степи, где я сейчас тружусь. В замечательных людях, которые окружают меня. Дело в старике... Не скрою от вас, и в Наркузи. Я не могу оставить их, дорогих моему сердцу людей. Я вас очень прошу, пусть вас не раздражает моя дружба с Наркузи. Не надо ревновать меня!

— У меня нет основания ревновать вас? Так можно вас понять?

— Не знаю. Сейчас я не смогу вам ответить. Время покажет. А сейчас пойдемте. Вероятно, старики уже ждут нас.

Вернувшись домой, они застали Ханифу за очагом, возле дымящегося котла. Старик еще возился в саду.

Пока женщины накрывали на стол, Шерали побыл с садовником.

За обедом Шерали вел себя не так, как за утренним чаем. Он казался усталым и печальным. Несколько раз пытался о чем-то заговорить, но рассказа у него не получилось. Он только смущенно поглядывал на стариков. После обеда, за чаем, он тоже не разговорился.

От опытного взгляда Чулбобо не ускользнуло состояние гостя, он сказал ему:

— Сынок, вы не стесняйтесь нас, стариков, говорите, о чем думаете!

Шерали, откашливаясь, смущаясь, словно школьник, отвечающий трудный урок, сказал:

— Я приехал сюда с намерением увезти Фирузу в Янгиер... А она не желает ехать. Вот о чем я хотел сказать. Вот что мучает меня.

— Вот оно что...— Старик потерябил редкую бородку узловатыми пальцами.— Говоришь, не желает ехать? Умница, дочь моя. Дерево растет и цветет на одном месте.

— В Янгиере тоже нужны агрономы; если бы она поехала со мной, не проиграла бы. Мы ведь учились вместе. Хорошо знаем и уважаем друг друга.

— Фируза никуда не поедет! — воскликнул старик.— Она здесь в степи взрастит сад! Наконец-то к нам приехал настоящий агроном, мы ее не отпустим!

Шерали хотел было сказать старику о своей большой любви, но промолчал, увидев его огорчение.

Фируза молчала, думая: «Я сегодня показала тебе свою большую мечту — хлопковые поля. Свою надежду. Радость свою — цветущие сады. Замечательных людей, которые понимают мои замыслы, ценят меня, мой труд, людей, которых я полюбила и которые полюбили меня. Но ты всего этого не понял!»

— Поезжайте к себе в Янгиер,— с грустью глядя на Шерали, сказала она.— Я останусь здесь.

Шерали, попрощавшись со стариками, встревоженный и растерянный вышел во двор. До самой дороги шли молча. Шерали, печально глядя на нее, сказал:

— Значит...

— Приезжайте почаще, Шерали-ака!

Через некоторое время где-то далеко мелькнул красный фонарик «Явы», мчавшейся по ровной степной дороге.

Прошло три дня.

Рано утром возле ворот дома Чулбобо затрещал мотоцикл.

Фируза со стариками завтракала.

— Вернулся Шерали, встречай его, доченька!

Фируза выбежала на улицу. Возле новенькой сверкающей «Явы» стоял Наркузи.

— Садитесь, поедем!

Фируза села рядом с Наркузи в коляску.

По безоблачному небу, под ровный гул мотора «Явы», словно поддерживая сердечную песню машины, сопровождал их журавлиный караван.

Глава двенадцатая

Ильхамча, перекинув яркое махровое полотенце через плечо, стоял возле водоема в ожидании Мирхасила. Он уже в третий раз сменил горячую воду в кувшине, вот и сейчас вода остывает, а хозяин не выходит из гостиной.

Вечером к председателю приехали из города друзья. В честь горожан устроили банкет. На глазах у гостей, возле самой террасы, горбун мастерски зарезал черного барана, привезенного с фермы. За обильным столом, где недоставало только «птичьего молока», происходила беседа между председателем и дорогими гостями.

Ильхамча с большим усердием и по всем правилам гостеприимства помогал хозяину, поэтому он не слышал всего разговора, но все же понял, что хозяин жалуется на вновь назначенных районных руководителей, которые, вместо того чтобы всюду поддерживать знатного председателя и ставить его в пример, требуют, чтобы он отчитывался в своей работе наравне с обыкновенными руководителями колхозов и совхозов. Мало того, они его обвиняют в незнании агротехники, в хищническом истреблении земельных участков, в нарушении сельхозустава. Нападки на такого прославленного председателя нарастают с каждым днем. Если не предотвратить это, они, пожалуй, у себя в районе на собрании партийного актива поставят вопрос о Мирхасиле.

Один из приехавших толстяков, который, кажется, был главным из гостей, сморщив лоб, сосредоточенно и внимательно слушал Мирхасила, а другие занимались коньяком и закусками, не придавая большого значения беседе.

Наконец, выслушав председателя, нервно затягиваясь сигаретой, толстяк, многозначительно глядя на Мирхасила, сказал:

— Будь осторожен, братец, не давай им крючков для зацепки!

Он швырнул сигарету и призадумался.

Ильхамче и раньше доводилось видеть этого ответственного горожанина, но таким озабоченным он видел его впервые. Выйдя на минутку в кухню за чаем, он

шепнул Халмату о настроении гостя. Тот, не долго думая, объяснил:

— У самого небось мокрый зад, а рыльце в пушку.

Когда Ильхамча вернулся к гостям, толстяк, сложив руки на груди, говорил:

— Прошли те времена, когда мы с тобой цвели, как розы... Но ты мне верь, как аллаху. Пока я жив, не запятнаю нашу дружбу. Делай все... но чтоб не знали об этом враги!

Услышав такие слова, Мирхасил засиял искомандовал Ильхамче:

— Иди, привези!

Ильхамча тут же разыскал прославленных на свадьбах музыкантов и танцовщицу. На террасу вошли музыкант, худощавый, косой на один глаз бубнист и ярко накрашенная, крикливо одетая танцовщица. Музыкант начал с порога играть веселую мелодию, танцовщица, не смущаясь, выпила поднесенную рюмку и стала танцевать, подпевая музыканту:

Черные глаза сердце мне обожгли,
Твой горячий поцелуй мои губы опалил.

От восторженных выкриков захмелевших гостей всполошились воробьи, дремавшие на ветках.

В разгар веселья Мирхасил крикнул Ильхамче:

— Тащи из эн-зе!

Ильхамча, спустившись в погреб, принес сортовые армянские коньяки, грузинские вина. Пир становился все пышней. Зазвучали новые головокружительные тосты. Танцовщица, то порхая, как бабочка, то ступая, как куропаточка, не уставала маняще, двусмысленно жестикулируя, подходить то к одному, то к другому из гостей.

Мирхасил опьянел. Когда танцовщица приблизилась к нему, он, обняв ее полные ноги, воскликнул:

— Ты честно зарабатываешь трудодни! — и, вытащив из бокового кармана своего кителя пачку десятирублевых, осыпал ими ее голову.

Танцовщица, встав на колени, изгибаясь в разные стороны, принялась собирать их.

Ильхамча и Халмат, устроившись на берегу водоема, крошили морковь, лук, нанизывали на шампуры маринованное для шашлыка мясо.

Халмат, завернув тушу барана в мешковину, понес ее куда-то в глубь сада.

Когда Ильхамча принес гостям жаркое, Мирхасил, уткнувшись в подушку, плакал.

Ильхамча принялся жарить шашлык, не спуская глаз с закрытых на все запоры ворот. В любую минуту могла возвратиться Зулукхан, уехавшая вчера на зеленой «Волге» в Ташкент. Конечно, она много раз видела такие банкеты. Не раз довелось ей бывать и тамадой за столом. Но Ильхамча опасался за Мирхасила. Если Зулукхан застанет его у ног танцовщицы, узнает о деньгах, брошенных к ее ногам, Мирхасил к утру может потерять остатки волос.

За последнее время Зулукхан зачастила в город. Она была занята перестройкой на свой лад дома, купленного в эту зиму. Не довольствуясь четырьмя комнатами, она пристроила еще две, веранду и гараж. Накануне Ильхамча по приказу Мирхасила отсчитал из колхозной кассы десять тысяч рублей для Зулукхан. Покрышки, предназначенные для машины колхозной больницы, он поставил на зеленую «Волгу» хозяйки, а изношенные отдал в больницу. Зулукхан, положив деньги в черную лаковую сумочку, помчалась в Ташкент, чтобы обставить городскую квартиру. А Ильхамча «узаконил» отданные хозяйке деньги. Он составил «ведомость», в которой значилось, что он раздал аванс по сто рублей ста двадцати членам колхоза. Подписи их он скопировал со старых ведомостей. А оставшиеся двести рублей — чаевые.

Ильхамча уже приготовил ответ на случай, если появится Зулукхан. Он сумеет огородить председателя!

За полночь гости, поддерживая друг друга, обнимаясь, целуясь, вывалились с террасы во двор, затем направились к поджидающей их машине.

Толстяк, прижимаясь к танцовщице, твердил ей заплетающимся языком:

— Дорогая, ваше место не в кишлаке, а в столице! Поедемте сейчас со мной, я вас устрою в театр, в Большой театр!

Танцовщица, освобождаясь из его цепких рук, бормотала:

— Я вас умоляю, оставьте мне ваш адрес, я приеду, я разыщу вас!

— Назовите мою фамилию, и вас любой школьник приведет ко мне!..

Наконец его втолкнули в машину, а он все лепетал:

— Звезда! Яркий талант...

Машина тронулась.

Музыкант с бубнистом сели в бежевую «Волгу» колхозного правления. Танцовщица, протягивая музыканту деньги, шепнула:

— Поезжайте!— И громко добавила:— Мне необходимо поговорить с председателем.

Бежевая «Волга» тронулась. Танцовщица, заботливо поправляя прическу, близко подошла к пьяному Мирхасилу.

— Мне остаться?

— Куропаточка моя!— пробормотал Мирхасил, пошатываясь.

После того, как танцовщица повела Мирхасила в дом, тревога Ильхамчи возросла: не приведи аллах вернется Зулукхан, тогда наступит конец всему и всем!

Халмат, угадав тревогу Ильхамчи, прищурился хитрыми глазами, уставился на него.

— Брось ребячиться, Ильхам! Разве тебе не доводилось слышать пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе!»? Пользуйся моментом, полно тебе ломать голову за других.

Ильхамча, чуть повеселев, улыбнулся:

— Пословицу я слышал.

— Давай за дело!

Несмотря на то, что Халмат успел спрятать половину барана, он и остальное разделил поровну, не обидев своего верного ученика.

После дележа они быстро убрали террасу, двор, погасили свет и ушли в глубь сада к припрятанным трофеям.

Когда второй раз прокричал петух, Ильхамча вернулся домой, но на душе у него было тревожно. Хотя он и согласился с Халматом, что «своя рубашка ближе к телу», его все же тянуло к председателю.

Ильхамча вернулся. За это время успела приехать бежевая «Волга». В гараже, в машине спал шофер. Зеленая «Волга» не вернулась, а это, слава аллаху, значит, что хозяйка осталась в Ташкенте ночевать.

Ильхамча зашел на террасу, подошел к спальне.

Там все еще горел свет. Он не удержался, пригнулся и прильнул к замочной скважине.

Мирхасил валялся на полу возле кровати. Одета танцовщица лежала на застеленной кровати.

Ильхамча, осторожно открыв дверь, вошел в спальню. На цыпочках подошел к кровати и потормошил танцовщицу. Она открыла глаза. Лицо ее напоминало карнавальную маску: тушь, сурьма и помада разрисовали его довольно живописно.

— Вставай скорее, иначе застанет тебя Зулукхан!

— Кто такая?

— Хозяйка!

Или она его не поняла, или же умышленно сделала вид, что не понимает. Спрятав грязное лицо в подушку, пробормотала:

— Иди отсюда, не трогай меня!

— Иди скорее, мотай удочки, пока не поздно!

Танцовщица, приподняв голову, нагло уставилась на Ильхамчу.

— Может, ты шутишь?

— Не болтай! Пошевеливайся!

— Еще даже не рассвело, как рано! — ворчала она, надевая туфли. Затем, опасливо поглядывая на Ильхамчу, она подошла к столу, взяла отрез пестрого атласа и, прижав его к груди, подмигнула: — Подарочек! Преподнес сам председатель.

— Возьми!

Во дворе, зевая и потягиваясь, она спросила Ильхамчу:

— Где машина?

— Нет машины. Уже светло, доберешься пешком.

Танцовщица легкой, походкой горной куропатки засемила к воротам.

Ильхамча поспешно вернулся в спальню, разобрал постель, раздел председателя и, с трудом уложив его на кровать, принялся чистить ковер. Чтобы проветрить комнату, открыл окна и двери.

Когда он вышел к водоему, издали послышался знакомый гул мотора. Вскоре машина засигналила. Ильхамча, направляясь к воротам, бормотал про себя: «Если великому аллаху угодно, он не даст раба своего в обиду: все обошлось гладко!»

У самых ворот притормозила зеленая «Волга», и из

нее, словно огромный колобок, в ярко-малиновом панбархатном платье выкатилась Зулука. Искося глядя на Ильхамчу густо насурмленными глазами, она буркнула:

— Могли бы помочь своей хозяйке сойти с машины.

Ильхамча, кинувшись к ней, взял из ее рук узел.

— Где хозяин?

— Отдыхают.

— Были гости?

— Да, друзья хозяина!..

Зулука утиной походкой, вразвалочку направилась по ровной асфальтированной дорожке к террасе. Ильхамча поплелся за ней.

В спальне она, окинув небрежным взглядом спящего мужа, с усмешкой произнесла:

— Хозяин спит как будто не на земле, а на седьмом небе.— Выйдя на террасу, приказала:— Приготовь мне теплую воду!

— Сейчас.

Скрипя лаковыми туфельками, направилась во внутренний двор, там вошла в одну из своих многочисленных комнат. Сняв малиновое платье, надела легкий калат.

Не задаром далась Ильхамче его доля. Хозяйка, оголив шею и руки, принялась натираться пеной душистого мыла. Ильхамча из медного кувшина поливал ей воду. Она то и дело раздраженно покрикивала:

— Довольно! Заснул, что ли? Сильнее!

Зулука вытерлась белым мохнатым полотенцем, села на атласное одеяло, постеленное поверх алого туркменского ковра. Облокотившись на гору подушек, вытащила из сумки зеркало и принялась наводить красоту.

— Надеюсь, не забыли хозяйку, оставили ее долю? Я что-то проголодалась.

— А как же, обязательно!

Ильхамча, подчеркивая свое особое уважение к ней, положив руку на грудь, в поклоне попятился назад.

Оставленный на завтрак Мирхасилу кусок обжаренного мяса, лепешки, пирожки, маринованные овощи, бутылочку армянского коньячку он аккуратно уложил на огромный пестрый поднос, накрыл белоснежной

салфеткой и засеменял к хозяйке. Рюмочки, положенные в карман, позвякивали.

«Вот теперь начнется допрос,— подумал он не без боязни.— О аллах, пощади безвинного раба твоего!»

Пока Ильхамча принес поднос, Зулука успела нарядиться, сменить халат на яркое атласное платье, а комната наполнилась резким ароматом духов.

Ильхамча, расстелив перед ней салфетку, раскупорил коньяк и, вытащив одну рюмочку из кармана, наполнил ее золотистой влагой.

Зулука, лукаво прищурив глаза, глянула на него.

— А сами?

— Мы находимся на службе, дорогая хозяйюшка!

— Хитришь, дорогой! Можно подумать, ты один из тех, которые пьют молоко!

Ильхамча вытащил из кармана вторую рюмку и налил в нее коньяк.

— Доброта и щедрость ваша всегда украшали вас! Выпьем за ваш новый городской дом!

Зазвенели рюмочки. Зулука не сразу закусила. Закрыв глаза, причмокнула от удовольствия.

Ильхамча поспешил снова наполнить рюмку.

— Сколько их приехало? Сколько человек было на этом банкете?

Ильхамча не помнил, чтобы она раньше интересовалась количеством гостей. Такого не было. Она всегда интересовалась только тем, сколько ушло продуктов и напитков.

— Семеро,— сказал он, считая себя и Халмата.

— Наверное, барана резали?

— Да!

— Где остатки?

— Хозяин распорядился сделать гостям свертки и положить в машину.

— Сколько бутылок коньяку ушло?

— Ящик.

— На семь человек ящик?— Глаза Зулукхан заблестели от гнева, мясистые румяные щеки обвисли.— Врешь!

— Милая хозяйюшка, закуска была на славу. Если хорошо закусывать, можно пить сколько угодно...

— По всему видно, такая пирушка не обошлась без музыкантов?

— Да, был таркст и бубнист.

— А танцовщица?

— Нет.

Зулука, опасавшаяся опустошения председательского кармана, облегченно вздохнула и с ехидством посочувствовала:

— Без танцовщицы было, наверное, скучно?

Ильхамча молча наполнил свою рюмку.

— Да не иссякнут богатства нашей покровительницы!

— Богатство вашей хозяйки зависит от вас! — ответила Зулука, осушив рюмку и лукаво прищуриглаза. — Вчерашних денег не хватило на обстановку. Придется тебе поломать голову, достать еще.

Ильхамча, вздрогнув, выпрямился и хихикнул:

— На свете из всех затруднений, кроме смерти, есть выход. Одно слово председателя — и деньги будут!

— Не надо хозяина впутывать во все мелочи, — забеспокоилась Зулука, близко подвинувшись к нему. Положив свои пухлые руки к нему на колени, проворковала: — Деньги нужны не хозяину, а мне!

— Пожалуйста!

Ильхамча, наполнив ее рюмку, поднялся.

— Пойду взгляну на хозяина.

— Возвращайся скорее, мне без тебя скучно!

— Слушаюсь!

Словно ошпаренный, выскочил от хозяйки Ильхамча и опомнился только возле раскидистой яблони у водоема. Он весь дрожал. Ему приходилось делать всякие сделки с самим председателем, но он не представлял себе союз с хозяйкой. Если бы она приказала ему сейчас же ехать в город и там сбыть урожай всего колхозного сада, он бы справился с этой задачей; если бы она приказала от имени председателя засадить какой-то участок рисом, тоже сообразил бы. В таких вопросах он понимал ее, как говорится, с полуслова. Но ее просьба: «Возвращайся быстрее! Мне скучно без тебя!..» Он мучился, словно она его ударила. Это не умещалось у него в голове. От волнения зашумело в ушах. Но надежда на будущие прибыли, деньги, всевозможные махинации и соблазны помогла погасить тайный страх в душе Ильхамчи. Он опьянел от предвкушения предстоящих благ...

Горизонт засверкал алыми лучами. Послышалась перекличка петухов, чирикание воробьев. Где-то неподалеку запел соловей. Ильхамча замер. Глядя в спокойную гладь водоема, он вспомнил прошлое, когда в Ташкенте работал продавцом в продуктовом магазине. Вспомнил маленькую комнатку за магазином, где веселился завмаг со своими дружками. Частенько приходил туда и Мирхасил, работавший тогда председателем какой-то артели.

Ильхамча получил извещение из военкомата. Его призвали в армию. С этим извещением он прибежал на работу.

В маленькой комнатке завмага собрались его друзья: устраивались проводы Мирхасилу, уезжавшему в Голодную степь. За столом заговорили об Ильхамче. «Не ходи в военкомат,— сказал изрядно захмелевший Мирхасил, положив руку ему на плечо.— Поедем со мной в Голодную степь. Понял, братец?»

Ильхамча, прижав руку к груди, поклонился ему в знак благодарности. С тех пор Ильхамча работает в колхозе «Радостный труд».

После женитьбы Мирхасила чего только не приходилось ему делать по приказу Зулуки! Но он не в обиде, потому что с тех пор, как стал доверенным лицом Мирхасила и Зулуки, он накопил тридцать тысяч рублей золотого займа, не говоря уже об огромном приусадебном участке с фруктовым садом и четырехкомнатным домом, выстроенным за счет колхоза. Он давно уже собирается жениться, приглядывается к девушкам, но пока еще не нашлось достойной, пока у всех он находил недостатки. Разве легко найти лунолицую красавицу, такую смышленную во всех отношениях, как его хозяйка?

После долгих размышлений одна девушка — Асальхан — показалась было ему подходящей. В прошлом году в клубе на вечере, посвященном празднованию 8 Марта, он сидел рядом с ней, потом проводил домой. Когда по дороге он открыл ей свое сердце, она внимательно выслушала его и вместо ответа молча перешла на другую сторону улицы, ускорила шаги и вошла в дом.

Как ни ломал себе голову Ильхамча после этого случая, так и не мог понять, почему Асальхан отвергла

его любовь? Ему показалось тогда, что она чуть было не расхохоталась на всю улицу. Отчего бы?

Соловей продолжал свою песню.

Ильхамча тихо побрел к террасе и включил радиоприёмник. Послышалась песня:

Расцветшая роза в саду моем,
Чистая любовь моя!

На террасе появился с распухшими глазами, с красным распухшим носом заспанный Мирхасил.

— Все в порядке? — спросил он размечтавшегося Ильхамчу. — Хозяйка вернулась?

— Да, недавно приехала и пошла к себе.

— Повезло...

Мирхасил присел на корточки возле водоема.

Плеснув себе на лицо свежей водой, закашлялся. Вытирая лицо и руки полотенцем, поданным Ильхамчой, буркнул:

— Скажи шоферу, пусть выводит машину.

— Слушаюсь, хозяин, а как насчет закутить, опохмелиться?

— Позавтракаю в поле.

Голубая «Волга» ждала председателя за воротами. Ильхамче, открывшему перед ним дверцу машины, приказал:

— Ты покорми завтраком хозяйку!

— Слушаюсь!

После того как исчезла голубая «Волга», Ильхамча закрыл на все запоры ворота и опять вернулся к раскидистой яблоне у водоема. Соловей замолк. С террасы доносилась речь диктора.

Вдруг он вспомнил вчерашние слова Халмата: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе!»

Ильхамча улыбнулся и в надежде на новую добычу поспешил к Зулукке.

Глава тринадцатая

Когда разомлевшая от жары и усталости Гульсум вошла во двор, там стояла тишина, только возле арыка кипел самовар, поставленный на два кирпича. Гульсум, оставив возле террасы свою черную дерматиновую

сумку, набитую письмами, газетами, журналами, и ящик с посылкой, кинулась к перекипающему самовару, чтобы снять трубу. Она чуть было не обожгла руки и отшвырнула в сторону накалившуюся трубу.

На шум из комнаты вышла Райхан.

— Это ты тут тарахтишь, доченька? — похлопала она по плечу молодую крепкую женщину. — Любишь ты шуметь!

— Вы забыли про ваш самовар, вот я и напомнила вам! — рассмеялась Гульсум. — Принесла я вам сегодня письмо, деньги и посылку, милая тетушка!

— Спасибо, доченька. Ох и ленива на письма твоя подружка Фируза!

Гульсум протянула письмо.

После того как Райхан бегло прочитала его, почтальон попросила ее расписаться и вручила посылку и деньги.

— Тетушка, вы скорей откройте посылку, давайте попробуем голодностепские гостинчики!

Пока Гульсум открывала плоскогубцами фанерную крышку, Райхан опять принялась за письмо.

Почтальон жила недалеко от них, они росли вместе с Фирузой, дружили. Гульсум в десятом классе лишилась отца. Больная мать и два младших братишки остались на ее попечении. Она поступила работать на строительство, там полюбила крановщика и вышла за него замуж. Его заработка хватало на жизнь, и она пошла учиться на строительный факультет. Но бедную Гульсум преследовали несчастья: ее муж заболел и умер. Теперь она перешла на заочное отделение и устроилась работать почтальоном.

Гульсум всегда с радостью приносила переводы и письма от Фирузы.

Давно тетушка Райхан не получала от дочери писем. Еще ранней весной была коротенькая писулька, где дочь ограничивалась только приветами и не сообщала ни слова о себе. Умудренная годами женщина почувствовала материнским чутьем неладное и решила съездить в Голодную степь, навестить Фирузу. Но это намерение не осуществилось по двум причинам: во-первых, ее назначили в школе председателем экзаменационной комиссии, во-вторых, заболела пятилетняя Махфуза, которую она взяла на воспитание из детско-

го дома. Сорок дней Райхан носила передачи в инфекционную больницу. А теперь девочка все еще очень слабенькая.

— Тетушка! — воскликнула Гульсум, открыв фанерный ящик. — Фируза прислала кишмиш и толокно.

— Очень хорошо, знает, что сестренка любит толокно, — сказала Райхан, отвернувшись, чтобы скрыть волнение. — Пойди занеси в комнату, я сейчас заварю чай.

Гульсум быстро уловила настроение тетушки Райхан и, оставив посылку, подошла к ней.

— Как там Фируза? Здорова ли?

— Здорова. Но озадачила меня своим письмом. Вот прочти, сама узнаешь.

Гульсум принялась читать.

«Дорогая мама! Не сердитесь за долгое молчание. Я здорова. Дела идут хорошо, только мешает далекое расстояние — мне не хватает вас. Очень часто хочется прибежать и рассказать вам о многом, поделиться, посоветоваться. Хорошие у меня старики, иногда я делюсь с ними. Чулбобо и тетушка Ханифа со мной очень ласковы. Относятся ко мне, как к дочери.

Если вы помните, дорогая мама, я писала о Наркузи... Он недавно объяснился мне в любви. Все это так неожиданно. Мучаюсь. Не знаю, что ему ответить. На днях из Янгиера приезжал Шерали. Он по-прежнему неразговорчив, серьезен.

Дорогая мама, свое намерение остаться в этом колхозе я не изменила — наоборот. Здесь я подружилась с такими замечательными людьми, как Аширали-ака, Турсуной и Асальхан. Это настоящие люди! Всех их я познакомила с Шерали. Я ему показала наши поля, свою лабораторию. Разве я могу свою жизнь мыслить без всего этого? Шерали не понял этого или же не пожелал понять. Я ему сказала о своем намерении остаться в этом кишлаке навсегда. Кажется, это ему не понравилось. Как вы сами знаете, мы с ним в годы ученья дружили, легко понимали друг друга. Мы были только друзьями и, по-видимому, в дальнейшем у нас останутся те же отношения.

Я бы очень хотела, чтобы вы приехали к нам в колхоз, познакомила бы я вас с Наркузи, вы бы поговорили с ним. Сами бы убедились, что он хороший человек.

Он любит меня и хочет жениться. Но я не тороплюсь с ответом, сама не знаю почему. Вероятно, не хватает вашего совета. Без вас я не скажу ему ничего. Часто я не сплю ночами, мысли уносят меня к вам... Жду вас с нетерпением. Привезите обязательно Махфузу. Фируза».

— Поздравляю вас, тетушка,— воскликнула Гульсум, прижимая письмо Фирузы к груди,— подруга нашла свое счастье в Голодной степи!

Но эта весть не обрадовала Райхан. Забыв о стоявшей рядом Гульсум, она задумалась: словно не год тому назад, а только вчера Фируза и Шерали за столом под яблоней готовились к экзаменам. Потом она их обоих собирала в Голодную степь. Уехали они в одном вагоне. Фируза сообщала, что Шерали ей пишет, и матери казалось, что дочь рада этому.

Потому ли, что Фируза долго дружила с Шерали и тетушка Райхан привыкла к нему и изучила его характер, оттого ли, что он относился к ней почтительно, и ласково, но она хотела бы не кого-то другого, а его видеть своим зятем. Сегодняшнее письмо поразило ее: незнакомый человек подбирался к сердцу дочери.

Райхан, словно подкошенная, опустилась на диван и прислонилась к стене. Увидев ее состояние, Гульсум присела рядом.

— Дорогая тетушка, вам надо радоваться, а вы загрустили. Радуйтесь, радуйтесь!

— Чужая душа — потемки, милая моя,— продолжала сетовать Райхан.— Вот, оказывается, в чем причина ее молчания. Не хотела беспокоить. А я догадывалась, что с ней что-то неладное творится. Бедная моя голубка, металась между двух огней, а посоветоваться, открыть сердце не могла — не было рядом матери.

У Райхан навернулись на глаза слезы, кончиком косынки она вытерла их.

— Пойдем, милая, в комнату, там поговорим, выпьем чаю!

Гульсум продолжала успокаивать ее:

— Что ни делается — все к лучшему. Начались в школе каникулы, а у вас отпуск. Поезжайте к Фирузе, вы ей сейчас нужны, как никогда. Вы ее единственная

советчица. Сами своими глазами все увидите, счастлива ли она там. На верном ли пути.

— Ох, оказывается, ты плохо знаешь Фирузу. Раз она что решила, все равно сделает по-своему, что бы ей ни посоветовала. Она и не подумает, чем это кончится,— ответила Райхан, присаживаясь возле Махфузы.

— Я еще по школе знаю упрямство Фирузы,— улыбнулась Гульсум.— Даже мальчишки ее побаивались.

— Она характером вся в отца,— сказала Райхан, глядя на портрет своего мужа в офицерской форме.— Весь род у них такой: сказано — сделано!

Гульсум не решилась оставить Райхан одну в таком состоянии. Занесла самовар в комнату, заварила чай.

Райхан долго держала пиалу в руке и, не прикоснувшись к чаю, с тяжелым вздохом поставила ее на стол.

— Ох, если бы в эти дни был тут дядя Насим,— угадав причину тяжелого вздоха тетушки, сказала Гульсум.

Райхан, словно только и ждала этих слов, заплакала.

— Простите меня,— смутилась Гульсум.— Я не хотела причинить вам боль; задела я рану вашей души...

— Я понимаю, доченька, тебя. Понимаю. Тебе, как и мне, хочется, чтобы, когда решается судьба Фирузы, был с нами и ее отец...

Гульсум поднялась, собираясь уходить. Райхан проводила ее за ворота.

— Спасибо тебе за все.

— Не забудьте, дорогая тетушка, пригласить меня на свадьбу!

— Обязательно, милая!

Гульсум быстро и легко пошла по улице.

Райхан закрыла калитку. Ей не хотелось возвращаться в комнату. Она села за столик под яблоней. В арычной запруде кружились два крупных яблска. Райхан, словно зачарованная этим зрелищем, не отводила глаз от водоворота. Два красных, волшебных шарика, мужественно сопротивляясь течению, не уплывали в арык.

Мысли Райхан унесли ее в далекое прошлое. В молодости, как эти два яблока, были они не разлучны с Каримовым. Вместе поступили в педагогический институт, вместе закончили его. Работали в одной школе... Разлука... Ядовитая тля, безжалостно грызущая молодые годы. Ливень, беспощадно ломающий нерасцветшие ветки.

Разлука... Ранняя осень... Ранний листопад...

Разлука... она отняла у Райхан молодые годы. Ей казалось — горе и тоска по потерянному мужу никогда не покинут ее, даже в самые светлые и радостные дни.

Разлука состарила ее раньше времени. Помутнели некогда веселые карие глаза. Поблек румянец на щеках, поседели волосы...

«А что, если в выборе спутника жизни Фируза ошибается? Потеряет такого достойного человека, как Шерали?»

Райхан встрепенулась, словно на нее плеснули ледяной водой. Она торопливо пошла к террасе, подняла с узорчатого паласа письмо и принялась его перечитывать.

Выбор Фирузы был ясен. Наркузи.

«Удивительно, чем это он увлек ее? Интересно, в чем его преимущество перед Шерали? Почему она не написала мне подробнее?»

Не знала мать, что спроси сейчас у Фирузы, она, пожалуй, и сама не смогла бы ответить на эти вопросы...

«Почему я здесь? Почему я до сих пор не с дочкой? Я сегодня же, нет, вот сейчас же, должна ехать в Голодную степь, быть рядом с нею. Почему я, единственная ее опора, оставила ее одну? Давно мне надо было поехать к ней!»

Эти мысли словно окрылили ее, придали ей решимости, энергии. Она решила собрать девочку и — в путь!

Когда Райхан вбежала в комнату, возле стола сидела сонная Махфуза. Ее розовые щечки и губы были обмазаны толочком. Увидев Райхан, девочка хотела было что-то сказать, но поперхнулась. Райхан быстро подбежала к голубоглазой, светловолосой девочке и, похлопав ее по спине, помогла ей откашляться.

Девочка прижалась к матери, положив головку ей на плечо. Райхан поцеловала девочку, умыла ее и, посадив на колени, покормила, размешав толокно с молоком.

— Сейчас мы поедем к сестре. Далеко в степь.

Девочка вопросительно таращила голубые глазенки. Она не знала, кто ее сестра, что такое степь...

Райхан говорила с девочкой по-узбекски. За три месяца Махфуза начала понимать и отвечать ей.

— Мамочка, сестра меня любит? — пролепетала она.

— Любит, любит. Как же не любить тебя, ты же наша родная!

— Я ее тоже люблю, тебя тоже люблю! Пойдем скорее в степь!

— Мы поедем сначала трамваем, потом поездом!

Посыпались десятки вопросов.

Райхан, причесывая и одевая дочку, терпеливо отвечала на ее расспросы, потом достала из шифоньера какие-то коробочки, сверточки — подарки для дочери; аккуратно сложила их в хозяйственную сумку, закрыла комнату, калитку и пошла к трамвайной остановке.

Когда они миновали узкий переулок и вышли на большую улицу, им встретилась Гульсум с пустой сумкой.

— Далеко ли собрались?

— К Фирузе!

— Счастливого пути! Переждали бы жару!

Действительно было очень жарко. Солнце палило над самой головой, нагретые камни и сама земля излучали тепло.

— Вам не будет трудно с малышкой? Может, оставите ее мне?

— Она едет знакомиться с сестрой!

Гульсум проводила их до остановки. Помогая Райхан сесть в вагон, Гульсум попросила:

— Передайте Фирузе привет и поздравления. Съезжу и я к ней, как только получу приглашение!

Гульсум долго махала рукой вслед уходящему трамваю, желая доброго пути и озабоченной Райхан и беспечно радостной Махфузе!

Глава четырнадцатая

Чулбобо и тетушка Ханифа удивились и даже растерялись от неожиданности, увидев Фирузу, спозаранку собравшуюся в дорогу.

— Добрый путь, доченька. Далеко ли?

— В райцентр. В производственное управление.

— Ах, это в то самое управление, куда избрали Аширالي?

— Да,— ответила Фируза, рассматривая какие-то записи,— Аширالي избрали секретарем партийного комитета колхозно-совхозного производственного управления. Мне надо там посоветоваться о заболоченных землях. Предложу выжечь кустарники, осушить болота.

— Молодец, доченька!

Наскоро позавтракали. Старик еще раз напутствовал Фирузу:

— Умница! Как говорится, «куй железо, пока горячо». Пользуйся моментом, возьми Аширали за бока, пока он не остыл на новой работе.

Фируза рассмеялась.

— Не бойтесь ли вы, что позже он обюрократится? Нет, не из таких. Думаю, с ним всегда можно будет сговориться, дело полезное.

— Верно, золото не ржавеет,— подтвердил Чулбобо.— Аширали толковый, разбирается что к чему. Но ты спеши, осуществляй свою затею. Осуществляй!

Фируза положила свои записки в сумку и пошла к калитке.

Тетушка Ханифа крикнула ей вдогонку:

— Где тебя искать, если приедет мама?

— Буду в управлении!

— Иди, иди, доченька, где бы ты ни была, разыщем! — подбодрил ее Чулбобо.

Ханифа проводила ее до дороги.

— А что сказать, если подъедет Наркузи?

— Нет, он не приедет,— уверенно сказала девушка.— Он занят на своем участке. Всю ночь у них шел полив, а сейчас начнут удобрять хлопчатник.

«Каждый шаг Наркузи ей известен,— подумала Ханифа,— любят друг друга».

Фируза так же хорошо была осведомлена о делах

других бригад, но что делается в бригаде Наркузи, знала более подробно. Как свою ладонь, она видела карты всех бригад. В любой момент могла ответить, где сейчас идет полив, где удобряют землю, где идет подкормка посевов. А если где-то что-то не ладилось, знала причину, била тревогу, спешила на помощь.

На полях все шло хорошо. Она была спокойна. Иначе в самый разгар полевых работ не занялась бы болотами, не шла бы сейчас в управление.

Тугай...

Со дня приезда в колхоз «Радостный труд» мысли ее заняты тугаями. Огромный кусок народного богатства — семьсот гектаров земли — захвачен камышом и чахлыми кустарниками. Каждый год с этих семисот гектаров земли можно было бы получать миллион рублей чистого дохода. Хлопчатник, собранный на этой земле, мог бы на целый год обеспечить фабрику сырьем. А готовая продукция фабрики доставила бы радость десяткам тысяч людей...

Канавы, прорытые за осень и зиму, унесли соли с этих земель. Теперь необходимо сжечь камыши и обильно полить землю. Вчера по этому поводу Фирузе пришлось выдержать бой с Мирхасилом. Председатель, ссылаясь на полевые работы, опять отодвинул решение вопроса на будущее.

Фируза доложила ему о готовности «Мирзачульводстроя» дать колхозу в помощь экскаваторы, дизели, тракторы. Но ей не удалось убедить упрямого председателя. Он продолжал твердить свое: «Горячие и ответственные дни сейчас, нельзя отрывать рабочую силу с полей».

Фируза достала из сумки свою докладную о мерах повышения экономики колхоза «Радостный труд» и положила на стол председателя.

В докладной записке была подробно изложена причина заболоченности колхозных земель, подсчитан ежегодный убыток, указано, как избавиться от этой беды.

Мирхасил, опустив со лба очки, долго и подробно читал докладную записку, аккуратно отпечатанную на машинке.

Неопровержимые факты и цифры заставили призадуматься даже его. Он то и дело доставал из коробки

«Казбек» папиросу и нервно прикуривал новую от недокуренной.

Фируза радовалась, что наконец председатель стал вникать в суть дела и отнесется к этому внимательнее.

Со дня приезда в колхоз «Радостный труд» она впервые увидела председателя сосредоточенным, пытающимся понять заявление, тогда как прежде он обрывал собеседника, даже не выслушав его.

Мирхасил подчеркнул последнюю строчку с цифрами и некоторое время молчал, глядя на агронома. Затем, сморщив лоб, спросил:

— Верно подсчитали?

— Верно!

— Выходит, за год мы понесли убытки два миллиона рублей?

— Да, часть убытка из-за тугаев, другая — оттого, что на самотек пущены зимние и осенние дела в колхозе. Весной и летом аврал, а в остальное время — затишье!

Мирхасил, откинувшись на спинку кресла, не отрывая взгляда от докладной записки, спросил:

— Что вы хотите делать с этой докладной?

— Хочу отвезти в райцентр на рассмотрение производственного управления.

— Почему в производственное управление?

Фируза после небольшой паузы ответила:

— Производственное управление поможет нам.— Зная, что ее слова не по душе председателю, она все же продолжала: — Вы способны только давать указания. Не прислушиваетесь к словам рядовых колхозников. С агротехникой вы тоже не считаетесь. Кто бы ни заговорил о тугаях и солончаках, вы тут же заставляете его замолчать. Поэтому трудно этот вопрос решить на правлении колхоза.

— К чему паниковать? Разве случился что-нибудь непонравимое!

— По-вашему, убыток в два миллиона — ничего? А по-моему, есть причина для тревоги,— ответила Фируза, пряча докладную записку в сумку.— Если вы согласны со всем, что изложено в моей записке, поедем вместе в управление, посоветуемся там. Попросим у них помощи.

— Нет, поезжайте сами. Просите помощи. Обивайте пороги.

Фируза, выходя из кабинета, повторила:

— Вам бы следовало поехать, дело для колхоза очень важное.

Но Мирхасил вместо ответа поднял белую телефонную трубку и буркнул что-то телефонистке...

Фируза подъехала к управлению почти одновременно с Аширالي.

Он очень обрадовался, увидев ее среди других посетителей. Поздоровавшись со всеми, он обратился к ней:

— Пожалуйста, заходите! Вы первая навестили меня на новом месте.

— Пришла поздравить вас!

— Спасибо, сестричка!

Аширали предложил ей сесть и сам сел напротив.

— Хорошо, что приехали. Сегодня я сам собирался поехать к вам. Как там поживают старики? Что нового?

— Чулбобо и тетушка Ханифа передали вам поклон. Особых новостей и перемен в колхозе нет. Я привезла целый «мешок забот и хлопот».

— Давайте, вытряхивайте ваш «мешок», — улыбнулся Аширали.

Фируза вынула из сумки свое письмо и, протягивая Аширали, сказала:

— Я очень просила председателя приехать вместе со мной, но он не согласился. Трудный человек. Не поймешь, о чем он думает, что намеревается предпринять.

— Нет узлов, которые не развязываются. Как говорится, найдем конец моточка, размотаем.

Аширали с большим вниманием принялся изучать записи, подсчеты и выкладки агронома. Цифры убытков, по-видимому, были давно ему знакомы: краем глаза взглянув на них, он все понял. А графы с подсчетами средств, необходимых для освоения заболоченных земель, он посмотрел более тщательно.

Фируза подсчитала все необходимое: сколько нужно рабочей силы, техники, денег. Выяснила, что на это дело понадобится почти половина неделимого фонда колхоза.

И теперь Фируза опасалась, что производственное управление не позволит колхозу отпустить такую большую сумму на борьбу с тугаями. Всю неделю этот вопрос не давал ей покоя.

— Вы сделали большую работу. Завтра ваш план обсудим на собрании управления. Пусть и другие хозяйства подумают о своих земельных участках, это всем послужит примером. Мы вашу инициативу поднимем до всенародной задачи: пусть, глядя на вас, и другие бережливо относятся к освоенным землям, пусть дорожат каждым клочком земли. Пора покончить с бесхозяйственностью и расточительством. Ради бахвальства и ложного авторитета нельзя разбрасываться освоенными землями, надо за ними ухаживать, подкармливать их, беречь!

От этих слов на душе у Фирузы стало светло и радостно, появилась надежда на осуществление ее мечты.

Аширالي поднял телефонную трубку и попросил телефонистку соединить его с председателем колхоза «Радостный труд». Послышался вежливый голос Мирхасила.

Аширали сказал ему:

— Завтра утром прошу вас приехать в производственное управление. Будем обсуждать план освоения заболоченных земель в вашем колхозе. С этим вас вчера ознакомила Фируза. Пригласите ее и привезите с собой колхозных активистов. Да... да... к десяти часам. Камыш продайте Мирзачульскому промышленному комбинату. Остальные вопросы завтра в управлении.

На каждое предложение Аширали председатель отвечал покорно: «Слушаюсь. Обязательно. Будет выполнено!»

Затем Аширали позвонил директору промышленного комбината. Директор охотно согласился купить в колхозе «Радостный труд» камыш для строящихся домов.

Фируза от радости, что все так быстро и разумно решилось, пошутила:

— Давно нужно было вас избрать в производственное управление, Аширали-ака...

Аширали, долго не отпуская руку Фирузы, просто и смущенно ответил:

— Без вашей помощи мы, руководители, бессильны. Вы — наша опора.

От радости Фируза растерялась. Ей хотелось скорее бежать к себе и рассказать о своей беседе Чулбобо. Но Аширали не отпускал ее. Он ласково положил свою ладонь на ее хрупкие плечики и снова усадил в кресло.

— Присядьте, дорогая сестричка. Разрешите теперь мне попросить вас кое о чем!

Он сел напротив Фирузы.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь,— сказал он, виновато поглядывая на девушку.— Я к вам отношусь, как к родной сестре. Верю вам. Болею за вашу судьбу. Поэтому позволю себе говорить с вами откровенно. Турсуной рассказала мне о ваших отношениях с Наркузи. Поговаривают, что собираетесь в скором времени сыграть свадьбу. Это правда?

Фируза смутилась. Она дорожила дружбой с Аширали, но никогда не проронила ему ни словечка о признании Наркузи. Правда, недавно приходила Турсуной и сообщила, что в доме Наркузи идет подготовка к свадьбе: тетушка Зумрад-биби сделала большие покупки, собрала всех старушек соседок и усадила их стегать одеяла.

Вероятно, об этом и знал Аширали; знал он и о приезде Шерали.

— Не стесняйтесь меня, скажите правду, кто вам милее? — спросил он.

Фируза, чувствуя на себе вопросительный взгляд Аширали, растерянно теребила кончик суконной скатерти, не зная, с чего начать.

— Считайте меня своим родным братом или отцом. Семейная жизнь — сложная вещь. Человек не должен ошибиться в выборе. Потом трудно исправлять ошибку.

У Фирузы невольно вырвалось:

— Разве вы не верите в Наркузи?

Этими словами Фируза разоблачила себя. Аширали понял ее и, чтобы не смутить и не спугнуть, начал издалека:

— Счастье не приходит само. Каждый ищет и находит. Я верю Наркузи. Мне кажется, вы созданы друг для друга. Верю и в то, что у вас будет отличная

семья, интересная, насыщенная жизнь. Но я хочу вас спросить: хорошо ли вы изучили друг друга? Знаете ли вы, какие плюсы и минусы есть у каждого из вас? Позже не будете сожалеть, раскаиваться, что не успели присмотреться друг к другу? Говорят, Шерали тоже любит вас? Выяснили ли вы свои отношения с ним? Говорят, вы пять лет дружили. Бывали ли в доме у Наркузи после того, как мы с вами были там вместе? Случалось ли вам говорить еще с тетушкой Зумрад-биби? Оттого, что мы с Турсуной уважаем вас, мы решили спросить вас об этом. Если вас что-то мучает или же трудно решить что-либо одной, не смущайтесь, мы всегда готовы помочь вам. Посоветоваться, поразмыслить. Как вы смотрите на мои слова? Нужна ли вам наша помощь?

Искренняя забота друзей тронула Фирузу. Волна теплых чувств захлестнула девушку. Ей было трудно ответить на все эти вопросы двумя-тремя словами. Сперва следовало подробно рассказать обо всех своих переживаниях. После долгих рассуждений она уже установила выбор на Наркузи, но все равно так захотелось облегчить душу откровенным разговором. И все же Фируза не решилась пересказывать сложную повесть своей души. Она сказала:

— Жду маму, она должна скоро приехать из Ташкента.

Аширали понял, что девушка хочет уйти от прямого разговора. Если бы на месте его был человек, равнодушный к ее судьбе, он поставил бы на этом точку. Но Аширали не сделал этого. Он посчитал нужным продолжить разговор.

— Что вы ждете свою маму, это хорошо, — сказал он, нажимая на кнопку звонка. — Очень хорошо.

В дверях появилась круглолицая, со множеством мелких косичек секретарша.

Аширали, взглянув на нее, ласково попросил:

— Дильбарой, доченька, организуйте, пожалуйста, чайничек чая и пару лепешек.

— Хорошо! — Девушка вышла.

Аширали намеревался было что-то сказать Фирузе, но зазвонел телефон. По голосу узнав собеседника, он заулыбался.

— Спасибо. Загружен до предела. Правильно, пра-

вильно, нельзя забывать о подкормке, почва любит заботу. Земля Мирзачуля требует ухода. Мы изо дня в день обсуждаем эти дела. Вот и сегодня начали день с вопроса о голодностепской земле.

«С кем это разговаривает Аширали?» — подумала Фируза.

— Возьмем на учет все заболоченные участки, какие только найдутся по нашему управлению. Уточним, где их сколько. Составим план восстановления. Это — один из первоочередных вопросов на ближайшее время. Но это сложная проблема. Самая сложная. Решать ее будет молодежь. На эти участки пошлем самых отважных. Например, Фирузу. Да, приехала. Сейчас здесь, у меня в кабинете. Хорошо, передам. — Закрыв ладонью трубку, он посмотрел на Фирузу: — Иван Андреевич передает вам привет.

— Передайте и ему от меня и скажите, что мы ждем его в колхозе.

Аширали передал приглашение Фирузы.

— Когда вас ждать, Иван Андреевич? Нам не справиться без вашей помощи, без ваших советов. Помогите нам составить план освоения заболоченных земель, пересмотреть систему гидромелиорации. Да, согласен с вами. Нет, не оставим ни одного болота. Начнем наступление. «Мирзачульводстройскую» технику бросим на тугай, — рассмеялся Аширали, прощаясь с Иваном Андреевичем.

Слушая беседу двух уважаемых ею людей, Фируза почувствовала, как сердце наполнилось радостью. Она была счастлива, что такие люди, как Аширали, руководят теперь вновь созданным производственным управлением.

В кабинет вошла Дильбарой с чайником в руках и с двумя лепешками на подносе. Она было направилась к дверям, но Аширали остановил ее:

— Все ли уже собрались? — и взглянул на часы.

— Нет еще.

— Как только все соберутся, пригласите их ко мне в кабинет.

Аширали разломил лепешки, налил в пиалу чай и протянул Фирузе.

— Так просто не отделаетесь от меня. Очень хорошо, что вы ждете мать и ее добрых советов, но не

забудьте и то, что мы с вами коммунисты; мы должны помогать товарищам не только в работе, но и в личной жизни. Я желаю вам только счастья.

Фируза отпила глоток ароматного зеленого чая, дрожащими руками поставила пиалу на стол и ответила:

— Я тоже мечтаю о счастливой жизни. Еще в первые дни после приезда в колхоз я вам рассказала о судьбе своей одинокой матери, о ее неутешном горе. Если у меня не сложится личная жизнь, едва ли мама перенесет это. А если у меня все будет хорошо, мое счастье заглушит ее скорбь, скрасит ее одиночество. Но что такое счастье? Я много раз задумывалась над этим. Конечно, в семье должно быть взаимоуважение, мир, согласие. Но семейное счастье я представляю шире. Я не мыслю его запертым в сундук, оторванным от коллектива. Я хочу свою молодость, свой труд, всю свою жизнь посвятить степным делам, трудолюбивому степному народу. Но, к сожалению, не все так понимают эти чувства. Не всем джигитам понять...

— Верно, — улыбнулся из-под усов Аширали, — у нас, у мужчин, отрицательное всегда преобладает над положительным.

— Возьмем, к примеру, Шерали, о котором вы слышали, — продолжала Фируза. — Не считаясь с моими желаниями и моими намерениями, он приехал, чтобы забрать меня в Янгиер. Даже когда идет речь о переводе какого-либо специалиста с одной работы на другую, и то согласуют с ним, а потом выносят решение. Я, Аширали-ака, привязалась к нашему кишлаку, к людям. Я никогда и никуда не хочу отсюда уезжать. Хочу жить и работать здесь. Вот моя мечта, цель моей жизни! Шерали не поинтересовался моими мыслями, не позаботился понять их.

— А Наркузи интересуется? Понимает?

— Да, понимает, — убежденно ответила Фируза. — У него такие же мысли. Я ему гозорила о своих планах. Он любит степь, понимает степную землю, поэтому он с такой любовью относится к ней. Конечно, и у него есть недостатки, — улыбнулась Фируза, — любит похвастать, кажется, ревнив...

— Вот так да! Ха... ха... ревнив! Выходит, вы хорошо его изучили, знаете все его плюсы и минусы?

Фируза, почувствовав искреннюю теплоту в словах Аширали, решила открыться ему свое сердце.

— Наркузи правдивый джигит,— продолжала она, задумчиво глядя на собеседника.— Он не любит хитрить: что у него на уме, то и на языке. Мне он раскрыл свое сердце. Но я медлю с ответом. Хочу получше его узнать. С тех пор, как он мне объяснился, прошла зима, прошла весна. Потеряв терпение, он мне написал письмо, требует ответа. Недавно оставил мне еще одно письмо, где написал: «Если вы считаете, что у меня недостаточно образования, я поступлю учиться, стану агрономом». Короче говоря, он согласен на все мои условия. Еще мне нравится его упорство в труде. Он трудолюбив.

— Значит, в принципе решили, но ждете маму, чтобы она дала свое согласие, да? Задержка за мамой?

— Да...

— Отлично, сестричка, отлично! — радостно произнес Аширали и, поправляя широкий ремень, перехватывающий гимнастерку, одобрительно улыбнулся и взглянул в глаза Фирузы.— Посоветуйтесь с мамой, мне кажется, она одобрит ваш выбор. А мы с Турсуной готовы быть вам помощниками на свадьбе. Я люблю Наркузи, отношусь к нему, как к родному брату. Было время, когда он, правда, недопонимал кое-чего, бывал неосознателен, спорил со мной, защищал ошибки Мирхасила, слепо следовал за ним. Но теперь он прозрел. После вашего приезда он стал разбираться во всем значительно глубже. Ведет себя скромнее, перестал бахвалиться. Он, наконец, понял, что уважение заслужил упорством, трудом, а не председательской поддержкой, не личной симпатией председателя. Он заинтересовался экономикой колхоза, техникой. Как вы помните, дорогая Фируза, он первый в начале года объявил свою бригаду комплексно-механизированной. У него есть чувство нового. Все это хорошо, но семейная жизнь держится не только на этом. В древнее время говорили: «Муж и жена — пара волов в одной упряжке». Это изречение надо нам понимать по-новому: два молодых сердца накрепко сплетают свои судьбы воедино. Можно себе представить весь наш народ как огромное зеркало, а каждую семью как осколочек этого зеркала, и в этом осколочке должно

отражаться все, что отражено в большом зеркале — великое, и малое. Личная жизнь каждого неотделима от общественной жизни. Желаю я вашей будущей семье успехов и радости во всех добрых делах. Пусть сверкают ваши дела в этом зеркале, пусть отражает оно ваше счастье в труде, в учебе, в семейной жизни.

Глаза Фирузы засияли радостью от этих искренних пожеланий Аширали. Сердце ее переполнилось невывалой до сих пор силой. Протягивая руку Аширали, она взглянула ему в лицо.

— Спасибо! Рассеяли мои сомнения!

Выйдя из управления, Фируза немного постояла в раздумье и, не отдавая себе отчета, направилась к железнодорожной станции. Она все ускоряла шаги; ей казалось, что опоздает, что вот сейчас из Ташкента придет ее мать. Сердце билось тревожно.

Асфальтированная дорога к станции была страшно пыльной. Когда проходили машины, пыль тяжелыми облаками застилала все вокруг и, подобно густому туману, медленно опускалась, оседая на деревьях, отягощая листву.

«Неужели нельзя в районном центре иметь хотя бы пару поливомоечных машин?» — удивилась Фируза.

Фируза пошла обочиной дороги, вдоль прохладного арыка.

Когда она подошла к станции, выкрашенный черными и белыми полосками, похожий на зебру шлагбаум был высоко поднят, путь открыт. Синеватые железнодорожные рельсы уходили далеко за горизонт.

Тишина.

Она направилась к приземистому белому зданию вокзала посмотреть расписание.

Перед ее глазами все еще стоял Аширали, в ушах звучали его слова: «Два молодых сердца накрепко сплетают свои судьбы воедино. Семья — зеркало...»

Простую скромную девушку каждый раз волновало, радовало заботливое, родительское отношение к ней колхозников. С первых ее шагов в кишлаке всюду и везде, начиная с Чулбобо, Аширали, Турсуной, Асальхан, все относятся к ней, словно к родной, заботятся о ней. Первое время ее удивляло, если с ней вдруг заговаривали о ее личной жизни. Теперь она уже не может обойтись без участия и советов этих сердечных, забот-

ливых людей. Вчера еще посторонние люди теперь стали родными. Они легко нашли дорогу к ее сердцу искренним отношением, доброжелательством. Особенно сегодняшняя беседа с Аширالي помогла ей рассеять все сомнения. Сердце словно бы озарилось новым светом. Стало спокойно на душе.

Она еще не успела войти в здание вокзала, как со стороны железнодорожного полотна услышала знакомый голос и повернулась в ту сторону.

Прыгая со шпалы на шпалу, к ней бежал Наркузи. Вероятно, он увидел ее еще издалека; бежал, задыхался, заикался, и трудно было понять его слова:

— В... в... вы...

— Отдышитесь, потом скажете! — улыбнулась Фируза.

Наркузи напоминал мукомола — так он был запылен. Смущенно из-под запорошенных ресниц смотрели лучистые темно-карие глаза.

— Вижу, сами занялись удобрением? — спросила Фируза.

— Ильхамча... провались он пропадом... — подавляя досаду, сказал Наркузи. — Складом заведует, а не может в самый разгар работы обеспечить бригаду удобрением. Дали бы его в мое распоряжение...

Дальше он не договорил, но по его сжатым кулакам можно было догадаться об остальном.

— Обратились бы к председателю!

— Председателю нужны высокие проценты, а не дело. В самый разгар работ, вместо того чтобы быть в поле, грузу машину.

Наркузи, отойдя от девушки на несколько шагов, по мере возможности стряхнул с себя белую пыль. Вернувшись к ней, он спросил:

— Какой ветер забросил вас на станцию? Все ли в порядке?

— Хочу узнать расписание поездов.

— Неужели только из-за этого вы проделали такой путь? — испытующе глядя на девушку, улыбнулся Наркузи. — Обратились бы ко мне, я — расписание. Что вам угодно, Мирзачуль — Москва?

— Жаль, раньше не знала ваших способностей в этой области! — расхохоталась девушка. — Мне нужно Ташкент — Мирзачуль!

— Дачный? Понятно. Будем встречать нашу маму? Дачный приходит вечером. Встретим ее вместе.

— Спасибо, Наркузи-ака! Но я думаю, она будет не раньше, чем завтра.

— Тогда, если у вас нет других дел, — сказал Наркузи, взяв ее за руку, — поедem вместе. Я на машине. Осталось погрузить мешков двадцать.

— Согласна, поедem вместе.

Когда они подошли к товарной станции, рабочие ушли на обед, на мешках с удобрениями дремал сторож, сжав ружье в руках. Недалеко от него стоял недогруженный ЗИЛ. При появлении Наркузи и Фирузы сторож даже не шелохнулся. Едва приоткрыв сонные глаза, он буркнул:

— Тебе велено взять еще тридцать мешков!

— Ладно!

Фируза догадалась, что Наркузи сам пригнал машину и один ее нагружает. Девушке стало так его жаль, что даже сердце защемило. Наркузи, уловив на себе ее сочувственный взгляд, ужасно смутился и сказал неестественно бодро:

— Шофера я посадил на трактор. Он занялся культивацией. А остальные заняты окуркой. Поехал сюда сам...

Фируза принялась засучивать рукава пестрого атласного платья.

— Я помогу вам!

Наркузи, бережно взяв ее под руку, подвел к сторожу.

— Байзак-ата, поговорите с вашей дочкой, а то, я вижу, вы заскучили...

— Садись, девочка. Садись вот на этот мешок. Поговорим.

Наркузи принялся нагружать машину. Из-под навеса он выволакивал на спине мешки и лихо кидал их в машину. Затем перелезал через борт, чтобы аккуратно сложить их в кузове.

Фируза от вопросов старика — «Сколько лет? Замужем ли? Давно ли в этом колхозе?» — отделялась короткими ответами. Ее мысли были заняты Наркузи. Она и гордилась им, и досада брала, что приходится ему вот так работать под палящими лучами солнца.

Через полчаса они выехали со станции.

Наркузи уверенно вел машину по большаку. Фируза сидела рядом с ним в кабине и пересказывала ему сегодняшнюю беседу с Аширали.

— Камыш из тугаев вырубит и заберет себе на строительство районное промышленное управление, а с техникой нам поможет «Мирзачульводстрой».

Проехала встречная машина. Фируза продолжала:

— Аширали-ака пригласил на завтра к себе председателя. Собирает также колхозный актив. Надеюсь, и вы поедете? Все, кажется, получается хорошо, но меня беспокоит одно обстоятельство.

Наркузи озабоченно взглянул на Фирузу.

— Какое обстоятельство?

— Мне кажется, Аширали-ака кому-нибудь из актива поручит возглавить это дело. Затем наверняка тот, кому будет поручено освоение болот, останется бригадиром на новом участке. Вот чем у меня занята сейчас голова. Новый участок составит около семисот гектаров. Этой земли может хватить на несколько бригад. Сумеем ли мы подобрать достойного бригадира? Есть ли у нас в колхозе такие люди?

— Есть!

Уверенный тон Наркузи удивил Фирузу. Подумав, что кого-то упустила из виду, она поспешно спросила:

— Кто же это?

Наркузи многозначительно улыбнулся:

— Если доверят, то — я. Позвольте мне испробовать свою силу в тугаях!

Фируза не поверила собственным ушам. Взглянув на веселое лицо Наркузи, она засомневалась:

— Шутите?

— Не люблю шутить, когда речь идет о важном деле, — серьезно сказал Наркузи. — О чем бы я вам ни говорил, о чем бы ни писал, — все сущая правда. Вам, может быть, кажется, что я меньше вас болею душой за тугай, за заболоченные земли. Можете положиться на мою совесть и довериться мне.

— А ваша бригада?

— Бригада моя, какая есть сейчас, такая и останется. Разве там мало моих помощников и единомышленников? Много. Например, Асальхан. Разве она не

сможет заменить меня! У нее упорства, энергии хоть отбавляй.

— Вы верно говорите! — одобрила Фируза. — Я тоже думаю, Асальхан сумеет управлять бригадой. Жаль, что я об этом не подумала раньше, тогда я бы все это сказала Аширали.

— Одна голова — хорошо, а две — лучше, — засмеялся Наркузи. — Правда, Фирузахон, две лучше?

— Да...

Фируза произнесла это «да» и только потом поняла значение слов Наркузи. Она залилась алой краской и, отведя глаза в сторону, принялась рассматривать подстриженные тутовые деревья, хлопковые поля.

Машина свернула к зданию колхозного правления. Помогая Фирузе сойти с машины, Наркузи спросил:

— Вместе пойдем встречать маму?

— Если поеду, дам вам знать.

— Хорошо.

Фируза вышла из кабины.

Машина с шумом и грохотом помчалась по каменистой дороге, а девушка все стояла в раздумье под тенистым деревом. Она не могла понять, как это Наркузи бросит свою налаженную бригаду, возделанные поля, выращенные сады и уедет корчевать кустарники, осушать болота.

Но девичье сердце ее продолжало стучать сильнее, огонек любви к Наркузи разгорался жарче и, как бы перескакивая с хворостинки на хворостинку, постепенно охватывал ее всю. Сегодняшняя беседа подняла Наркузи в ее глазах выше еще на одну ступень. Решение связать с ним свою судьбу укреплялось.

Глава пятнадцатая

Весь следующий день Фируза провела в правлении. Они там разработали план освоения заболоченных земель и зарослей по карте колхозных угодий. Тщательно подсчитали рабочую силу и технику, которая понадобится, и точно установили объем работ.

Под вечер Фируза пешком отправилась на станцию. Стало уже темно, и она пошла через поля, вдоль тугаев, сокращая дорогу и опасаясь опоздать к приходу вечернего поезда.

Возле здания станции, рядом, почти бок о бок, стояли «газик» Аширали и мотоцикл «Ява» Наркузи, а хозяев не было видно.

Издали слышалось тяжелое сердцебиение тепловоза. Засверкали яркие глаза прожектора, ослепляя всех находящихся на перроне.

Когда Фируза приблизилась к встречающим, навстречу ей кинулась Турсуной.

— Где вы пропадали, мы искали вас повсюду! — затараторила она, протягивая руку.

К ним подошли Аширали и Наркузи.

— Я была в правлении, — удивленно ответила Фируза. — Что же вы не позвонили в правление?

— Как же, звонил и не раз, — сказал Аширали. — Мирхасил ответил, что вас нет в правлении.

— Удивительно! Он знал, что я там, потому что собственными глазами видел, как я у себя в лаборатории занималась составлением плана, — еще больше удивилась Фируза.

Наркузи с сочувствием посмотрел на усталое лицо девушки.

— Не удивляйтесь, последнее время никто не может понять, когда Мирхасил лжет, когда говорит правду.

Пыхтя и кряхтя, мимо них проследовал тепловоз, и вслед за ним одно за другим замелькали вагонные окна. Фируза пристально глядела на окна; в одном из них она увидела женщину с ребенком на руках и, крикнув: «Мама!», побежала рядом с вагоном.

Когда состав остановился, в дверях появилась Райхан.

— Мама, мамочка!

— Доченька, милая моя! — со слезами на глазах ваговорила Райхан. — Помаша ручкой сестре, — сказала она, помогая Махфузе махать ручкой.

Наркузи, увидев на ступеньках вагона высокую, худощавую женщину в скромном платье, обрадовался, словно встречал родную мать. Он подбежал и взял девочку из ее рук.

Турсуной и Фируза протянули тетушке Райхан руки, чтобы помочь сойти с вагонных ступенек.

Как ни крепилась Фируза, она не смогла сдержать слез и принялась, плача, обнимать мать.

Растерянная Махфуза разглядывала незнакомых людей. Увидев слезы на глазах матери, она готова была и сама расплакаться.

Фируза представила матери своих друзей:

— Наш партийный секретарь и брат мой,— сказала она, представляя Аширали.— А это моя сестра, наша Турсуной, лучший бригадир.— Когда очередь дошла до Наркузи, Фируза покраснела и с трудом выдавила из себя: — Бригадир...— и собралась было еще что-то сказать, но мать опередила ее. Она сразу узнала Наркузи и ласково похлопала его по плечу.

Заглушая радость встречи, промелькнула в голове матери мысль: «Это ты у меня отнимаешь дочь!» И невольно каким-то особенным взглядом посмотрела еще раз на Наркузи. От него не ускользнул этот взгляд.

Все сели в машину. Возле «Явы» остался один Наркузи.

Говорят, что птицы понимают друг друга, так и Аширали понял состояние Наркузи. Нажимая на стартер, крикнул ему:

— Не отставай!

Сердечная теплота, уважение и гостеприимство были не только на вокзале, но и в доме Чулбобо. Терраса полна гостей. То и дело тетушка подливала огромный медный самовар и подкладывала угли. Кое-кто уходил, прощаясь, новые гости подходили, садились в круг, беседа не прерывалась.

Почти все жители кишлака побывали, чтобы приветствовать гостью. Все, кроме Наркузи.

Фируза под предлогом проводить гостей несколько раз выходила на улицу, взглянуть, не идет ли Наркузи. Она сидела возле дверей на террасе в кругу женщин. За чаем они вели разговоры на разные темы: то о кормлении грудных детей, то о свадебных обрядах в их кишлаке.

Иногда в сердце девушки закрадывалось подозрение: «Неужели женщины говорят с намеком? Может быть, здесь так принято и Наркузи подослал кого-либо из женщин, чтобы разъяснить мне свадебные обряды? Неужели обо всем мы будем говорить через посредников? Может, он думает послать к маме сватов?..»

Несмотря на жару, от этих мыслей Фирузе стало зябко. «Не прислушиваться же мне к их намекам и

советам. Надо поговорить с Наркузи,— успокаивала себя девушка.— Мы построим себе новую жизнь, новое счастье, поэтому все должно быть по-новому!»

Наконец женщины, ссылаясь на поздний час и на то, что гостье надо отдохнуть с дороги, поднялись, пожелав Фирузе счастья, а матери хорошего отдыха. Увидев это, поднялись и Чулбобо с Аширали, которые сидели на тахте под раскидистой яблоней.

После ухода гостей Фируза постелила на террасе постели старикам, а сама с одеялом и подушкой в руках ушла на ту тахту под яблоней, где любил сидеть старик.

— Там очень хорошо, прохладно. Идите, дорогая, отдохните,— обратилась тетушка Ханифа к Райхан.

— Спасибо, родная!

Когда Райхан с заснувшей Махфузой на руках и тетушка Ханифа подошли к тахте, постель была расстелена, а Фируза натягивала марлевый полог.

— Вы еще не познакомились с нашими комарами, мама,— засмеялась Фируза.— Они любят гостей!

— Не пугай маму, они ее пощадят,— пообещала тетушка Ханифа.— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Фируза натянула марлю над Махфузой.

— Ну рассказывай, как ты тут поживаешь?— спросила Райхан, поудобнее устраиваясь на постели.— Никак не могли выбраться к тебе раньше, доченька.

— Столько забот свалилось на ваши плечи, мамочка, вам простительно, а вот мне стыдно, что я не смогла выбраться на пару дней поведать вас.

Они умолкли. Фируза, не зная, что ей сказать, с чего начать, в раздумье опустила голову. Райхан тоже растерялась. Фируза не знала, как перевести разговор на сердечные дела, и в то же время боялась: «А что, если мама заговорит сейчас о Наркузи?»

— Узнала я его сразу...— произнесла наконец Райхан и, понизив голос, спросила:— Ты уже что-нибудь ему пообещала?

— Вас, может быть, удивило мое письмо, мамочка,— волнуясь от смущения, начала Фируза.— Сначала я не придавала большого значения его словам, поэтому и не писала вам. Он со дня приезда пытался ухаживать за мной. Скоро будет год, как я здесь. Мы с

ним встречаемся часто и по работе, и так просто... Он много раз мне объяснялся. Рассказала я ему о наших отношениях с Шерали, но, кажется, он их понял не совсем верно. Подозревает, что они гораздо глубже, чем на самом деле, ревнует. Я еще не давала ему никаких твердых обещаний. Он ждет. Самой пришлось долго думать, взвешивать все «за» и «против». — Затем, немного повеселев, Фируза добавила: — Увидев у Шерали мотоцикл, на второй же день Наркузи тоже приобрел «Яву». Чулбобо до сих пор донимает его этим. — После небольшой паузы она продолжала: — Мне кажется, он целеустремленный, думающий человек. Если он задумает что-либо, обязательно доведет дело до конца. А как любит землю! Вы себе не представляете. Он трудится день и ночь с увлечением, не ради показухи. Всегда верит в свою силу и правоту. Мне кажется, у него есть все качества, необходимые современному человеку. Я сравнивала его с другими и нашла в нем много положительных черт, поэтому и решила принять его предложение.

— Выходит, у тебя ответ давно созрел. Приняла решение, а потом написала матери, — не удержалась Райхан от упрёка.

— Нет, мамочка, не вполне. Я вас ждала. Теперь вдвоем будем решать, что мне сказать: «да» или «нет»? Я ведь знала, что вы, как получите письмо, в тот же день поедете ко мне.

— По твоим словам чувствую: сказать ему «нет» не позволит тебе сердечко. «Да» прочно укоренилось в нем.

Фируза виновато улыбнулась, глядя прямо в глаза матери:

— Не так просто созрел во мне ответ. На это потребовалось много дней, много бессонных ночей, мамочка дорогая! За это время я повзрослела, изменилась и по-иному взглянула на себя. С того дня, как я здесь, Наркузи тоже изменился. За это время я успела узнать, что такое степь, что такое кишлак. Научилась различать людей, ценить настоящих тружеников. Я ценю трудолюбие Наркузи, его увлеченность. Я в нем вижу молодость нашего старика садовода. Он любит землю. И я почему-то верю в его большую любовь ко мне, в его верность. — Но незаметно с рассказа о любви Фируза

перешла на рассказ о своей работе. — Последнее время я занята, мамочка, вопросом о тугаях,— это сложное дело. Он и в этом вопросе понял меня, поддержал. Вчера сказал: «Поручите это дело довести до конца мне!» Не каждый согласится, моя родная, взять на себя такую ответственность — сжигать тугаи, высушивать болота, превращать их в посевные поля. Ведь на все это потребуется целая человеческая жизнь. Наркузи понял мою мечту и хочет быть рядом со мной в выполнении этого большого дела. А за большое дело мы боремся во имя народа, во имя будущего. То, что он понимает меня, разве это не главное?

— Конечно, это очень важно, когда люди понимают и поддерживают друг друга.

Сомнения матери, не поверхностное ли это увлечение, не «слепая» ли любовь, рассеялись. Она почувствовала, что это обдуманый шаг, проверенные отношения. В словах дочери были и горячее чувство, и контроль разума.

Рассказ Фирузы об избраннике ее сердца успокоил мать. Райхан мечтала именно о таком друге жизни для своей единственной дочери. К тому же они и работать будут вместе, а ей всегда казалось это очень важным.

Теперь Райхан охватило новое беспокойство. Она поняла неизбежность свадьбы. Как всякая мать, Райхан издавна мечтала достойно проводить дочь в новую жизнь. В каждую зарплату она умудрялась отложить хоть немного денег, чтоб приобрести все необходимое для будущей семьи: посуду, белье, занавески...

Но ведь легко сказать — свадьба, а справить ее не так-то просто. Особенно теперь, когда дочь ее стала агрономом. Она теперь знаменита не только в одном кишлаке, а на весь район. Свадьбу надо справить достойную ее звания и положения...

Райхан, наконец почувствовав усталость, положила голову на подушку и полупшепотом сказала:

— Прежде чем дать ответ Наркузи, мы с тобой должны хорошенько подумать об одном деле.

Фируза вопросительно посмотрела на мать.

— О каком, мама?

— О свадьбе! Я вижу, здесь у вас в кишлаке и тебя, и Наркузи очень уважают. Все уже догадываются, ждут день торжества. Ты же слышала, неспроста ведь

женщины затеяли разговор о свадьбе. Выходит, весь кишлак ждет эту свадьбу...— И вдруг заблестели слезы на глазах у Райхан.— Если бы был отец! Не мне бы довелось решать эту задачу...

Фирузе и в голову не приходил вопрос о свадьбе. Она думала обо всем, что связано с именем Наркузи, но только не о свадьбе.

Слова матери озадачили девушку.

— Необходимо время, чтобы подготовиться, нужны деньги. Ты подумала об этом?— принялась объяснять дочери Райхан.

— Не думала, мамочка, но о деньгах не беспокоюсь,— ответила Фируза.

Чтобы замять этот разговор, она встала и направилась к клумбе, немного постояла там, вернулась к матери и погасила свет.

Свет погас, но в саду не стало темней, наоборот, все осветилось розовато-голубоватым сиянием. Восточный небосклон засветился: утро спешило к людям.

Летний рассвет имеет свое неповторимое очарование. Сад наполнился прохладой, ароматом. Начали просыпаться птицы. Фируза подошла и села возле матери.

— Слышите, мама, как поет?

— Соловей?

— Нет, майна,— ответила Фируза, внимательно прислушиваясь к песне.— Черная майна. Подражает соловью. Гнездится вон на той орешине.

Действительно майна умело подражала. Но в это время возле самой постели, где-то в гуще ветвей урючны запел соловей.

— А вот это соловей, слушайте, мама. Я хорошо знаю его, он второй год прилетает сюда. Мы с Чулбобо прозвали его Фархадом. Скоро ему ответит Ширин,— засмеялась Фируза.

Действительно, через некоторое время послышались ответные свисты, и начался дуэт Фархада и Ширин.

— Ну что же ты мне не скажешь, как быть со свадьбой?— спросила Райхан у дочери.

— Мама, вы лучше расскажите, какая свадьба была у вас с моим отцом.

— Ну, какая там свадьба! Мы с ним были бедными студентами. Была студенческая свадьба.

— Тогда для вас не имело значения, какая свадьба — пышная или бедная?

— Мы были рады, что вместе! — ответила Райхан.

— Теперь, мама, вашими устами глаголет истина! — шепнула Фируза и легла рядом с ней. — Разве мы с вами, мама, сейчас разбогатели? Справим и мне скромную свадьбу, такую же, какой была ваша. Разве дело в свадьбе? Вы ведь, родная, хотите моего счастья? Наркузи тоже не нужна пышная свадьба, ему нужно счастье. Вот мы и воспользуемся вашим приездом. Справим небольшой вечер, пригласим близких друзей и закрепим, если так уж положено, наш союз. Если бы счастье зависело от пышных, богатых свадеб, мир полон был бы несчастными. Неправда ли, мама?

Райхан, поглаживая шелковистые волосы Фирузы, шепнула:

— Верно, доченька, верно!

Фируза, как в детстве, прижалась к матери, крепко обняла ее.

А соловьи продолжали свои песни-гимны, воспевающие доброе утро и приветствующие светлые мечты людей.

Глава шестнадцатая

Чулбобо лег позже всех и встал раньше всех.

Так каждый день: встает с птицами, а ложится после того, как все уйдут спать.

Однажды Фируза спросила:

— Почему вы так мало спите?

— Хочу долго жить!

Фирузу удивляло: несмотря на короткий отдых, он не уставал: наверное, его беспокойный характер и суетливость давали ему новую силу и энергию. Он постоянно жил в труде и хлопотах.

Казалось бы, Чулбобо за свою долгую жизнь потрудился на славу, ему бы отдыхать теперь без всяких забот, но он не таков. Наоборот, если у него не было своих забот, он брался за дела других. И поэтому хлопот у него всегда было хоть отбавляй.

Если вы решите подшутить над ним и скажете, что корова какого-нибудь колхозника дает красное моло-

ко, он не поленится пойти узнать, правда ли это. Любопытность и пытливость никогда не оставляли его.

Вчерашний разговор женщин, который он слышал краем уха и о котором ему рассказала тетушка Ханифа, сократил и без того короткий сон старика. Всю ночь он думал о предстоящей свадьбе.

Во-первых, где должна быть эта свадьба? Не в ташкентском же доме Фирузы — далеко! Если в доме у жениха, невеста может обидеться. Поэтому свадьба должна быть в доме у него. «Об этом даже незачем советоваться с кем-либо, вопрос ясный», — решил Чулбобо.

Он поднялся, едва только зарозовело небо. Направляясь к лошадям, увидел выходящую из ворот Фирузу.

Она подошла к старику.

— На работу спешу, — сказала Фируза и, вытащив из сумки голубой конверт, протянула его старику.

— Пожалуйста, если зайдет Наркузи, передайте ему.

Бережно, стараясь не смять конверт, старик положил письмо в карман, потом вывел коней и повел их к каналу, протекающему за его садом, чтобы искупать и напоить.

Он посмотрел в поле, и ему показалось, что кто-то там мелькнул и исчез. «Вроде на Наркузи похож, но что ему делать на чужом участке, да еще в такой час?» — подумал старик.

Искупав коней, Чулбобо привязал их и, взяв кетмень, принялся ровнять землю возле ворот. Увлечшись, он не заметил человека, подошедшего к дому. А тот, увидев старика, спрятался за угол. Через несколько минут он появился из-за другого угла дома.

Чулбобо на сей раз разглядел его, но продолжал работать, не желая смущать бедного парня. Это был, конечно, Наркузи. Видя, что старик не собирается уходить, он вышел из-за угла дома, подошел близко к старику и, сложив руки на груди, робко поздоровался:

— Ассалам алейкум!

— Валлейкум ассалам! — без особой радости ответил старик.

— Так рано... — начал было Наркузи, но старик,

облокотившись на рукоятку кетменя, посмотрел на него испытующе.

— А ты сам почему спозаранку бродишь? Ни я, ни мой дом не свеча, чтобы ты, вроде бабочки, кружился вокруг нас! Эх-хе... — весело подмигнул Чулбобо, разглядывая Наркузи, его новый серый военного образца костюм, широкий лощеный коричневый ремень, блестящие черные сапоги, новую тюбетейку.

— Эх-хе... вижу, у тебя сегодня праздник, сынок!

— Вы говорите о свече, — сняв тюбетейку и хлопывая ею о ладонь, начал Наркузи... — В вашем доме находится не свеча, а солнце. Понимаете, солнце!

— Опоздал, сынок, — сказал старик, вытаскивая из кармана конверт. — Солнце, поручив вам передать это письмо, отправилось на работу.

— Мне письмо! — радостно воскликнул Наркузи. — Давайте, — протянул он руку.

— Не торопись, дорогой, — отступил Чулбобо. — Придется выкупить тебе письмо. — Старик продолжал пятиться. — Выкупай!

— Выкупом меня не испугаете, — покраснел Наркузи. — Ваши условия? Я готов на все!

— Вот мои условия... — лукаво прищурил глаза старик, — будем читать письмо вместе!

— Э нет! Лучше требуйте у меня лошадь, верблюда или что хотите еще.

— Мне не нужно ни лошади, ни верблюда, сынок. Зачем они мне сейчас, на тот свет, что ли, я их с собой возьму? Мне нужно ваше счастье! Идем, зайдём ко мне, прочтем письмо и посоветуемся насчет свадьбы. Подумаем, прикинем!

— Мне неловко, там ее мать...

— Вот тебе на, какой стеснительный жених! Говоришь, неловко? Ну раз так, то найдем другое подходящее местечко.

Чулбобо протянул ему письмо и направился к старому каналу, к тутовникам. Выбрав подходящее место, старик присел, облокотившись о ствол. Наркузи опустился рядом.

С большой осторожностью, словно ларец с драгоценностями, открыл он конверт. Вытащив вчетверо сложенный листок бумаги, обе стороны которого были

исписаны мелкими буквами, он принялся было читать про себя, но старик запротестовал:

— Читай громче!

Наркузи, с нетерпением ждавшему это дорогое послание от любимой, хотелось читать одному, хотелось быть наедине с самим собой. Он сердился на Чулбобо, но где-то в глубине сердца понимал старика, понимал, что тот интересуется не из любопытства, а хочет помочь молодым.

Наркузи, покраснев от волнения, запинаясь, принялся читать:

— «Уважаемый Наркузи-ака! Помните, осенью, когда вы настаивали на ответе на ваше предложение, я сказала вам, что как только я решу этот вопрос, немедленно отвечу. И вот сегодня, после долгих размышлений, раздумий, проверив свои чувства к вам, решила написать. Извините, что долго заставила вас ждать. Это зависело не от меня, зависело от времени, от сердца.

Сегодня до самого рассвета проговорила с мамой, а когда она заснула, я пишу вам, надеюсь, что утром вы обязательно зайдете к нам и получите это письмо.

Буду с вами откровенна: вы мне всегда нравились. Меня всегда радовали ваши успехи, огорчали неудачи. Мне нравится ваше упорство и мужество. Вы любите землю и привязаны к ней. Вы заботитесь и думаете о будущем Голодной степи. В первое время мне представилось все это немного наигранным, как говорится, для показухи. Но постепенно подозрения мои рассеялись.

Еще меня настораживали некоторые факты вашей прошлой жизни.

По-видимому, и для вас есть некоторые неясности в моей биографии — мои отношения с Шерали. Я уверена, что мою многолетнюю дружбу с ним вы поняли немного по-иному. (Вы настороженно и раздраженно вели себя при встрече с ним). Впредь знайте: он мой искренний доброжелатель и большой друг, поэтому прошу вас относиться к нему, как к настоящему другу.

Было достаточно времени нам приглядеться друг к другу. Были у нас и споры и стычки, но все это не отдалило нас друг от друга, а, наоборот, сблизило. По-могло раскрыть нам наш внутренний мир.

О наших отношениях я подробно рассказала маме. Даже вчерашний разговор об освоении заболоченных земель и о том, как вы поняли меня. Я описала ей вас как самого близкого друга.

Я понимаю жизнь как отражение любви. Если любовь наша будет красивой, содержательной и вместе с тем свободной, то и жизнь наша будет красивой и содержательной. А все вышесказанное основывается на доверии. Если потеряется доверие, красота превратится в безобразия, радость — в печаль. Я пишу так, чтобы на нашем сложном жизненном пути мы могли бы достигнуть счастья. Мы должны верить друг другу. Самое страшное, если мы потеряем доверие друг к другу. Мы с вами встретились на поле боя, называемом Голодной степью! И здесь у нас много друзей, работающих с нами бок о бок. Но есть и недруги, вроде Мирхасила, Зулукхан и прочих «комаров»... Возможно, найдутся желающие омрачить наше счастье, посеять раздор. Поэтому я хочу спросить, не попадете ли вы в их сети? Сможете ли оградить от них себя и защитить меня?

Я полюбила вас, полюбила навсегда! Проверила свои чувства. Отдаю свою судьбу в ваши руки. Мечтаю быть не только женой, но и верным вашим другом.

Любящая вас Фируза».

— Молодец, доченька! Вот это я понимаю! Сказала все, что на душе. Что ни слово, то золото! Иначе и не могло быть. Умненькая моя дочка! Рассудительная!— восхитился Чулбобо.— Поздравляю тебя, Наркузи!

— Благодарю, отец, благодарю,— ответил Наркузи и принялся перечитывать письмо.

— Ты что? Сомневаешься, не веришь глазам? Читай не читай, понятно одно: она тебя любит! Наркузи, ты запомни это на всю жизнь и будь достоин ее. Тебе повезло, сынок! Ты в рубашке родился!— засмеялся старик.

— Выходит, в рубашке,— ответил Наркузи.

Аккуратно сложив письмо, он положил его в карман, потом на радостях принялся обнимать старика.

— Эй ты, потише, слышишь, как хрустят мои старые косточки?— кричал Чулбобо, осеобождаясь из объятий Наркузи.— Ты иди скорей домсй, обрадуй

мать. Сообщи ей о согласии Фирузы. Надо подумать о свадьбе!

Услышав слова старика, опьяненный счастьем Наркузи пришел в себя.

— Как посоветуете, дорогой отец, как быть со свадьбой? Когда?

— Нет, голубчик, ты сейчас иди домой. Это не делается на ходу, — словно ребенку, принялся объяснять старик, отчеканивая каждое слово. — Поди, расскажи обо всем матери. Вечером приходите с ней ко мне домой. Я приглашу Аширала, вот и посоветуемся. Но запомни одно: свадьба должна быть по-новому, по-колхозному. Детали уточним на семейном совете. Понял?

— Понял, да еще как понял!

Наркузи, словно окрыленный, рванулся было к себе домой, но старик, усмехнувшись, крикнул ему:

— Что же ты пешком? Где твоя тарыхтелка?

— Вечером обязательно прибуду на тарыхтелке!

— Смотри, не разочаруй нас, — засмеялся старик.

Глава семнадцатая

Последнее время Мирхасил стал часто жаловаться на сердце. Он говорил: «Хоть земля еще не перевернулась и небо не свалилось на мою голову, очень беспокойно на душе, нехорошо на сердце».

Предчувствуя неприятности, он потерял покой, лишился сна.

Вот и сегодняшняя ночь оказалась тягостной. Стоило ему закрыть глаза, как сердце сжималось от страха. Так называемые мелочи, которым он раньше не придавал значения, теперь вставали перед ним во весь свой рост. Особенно его угнетал отчет Фирузы об экономике колхоза.

В комнате было душно. Запах коньяка и духов вызывал тошноту.

Мирхасил тихонько встал с кровати и подошел к окну. Распахнул его, и свежий ветер, благоухающий медом и цветами, наполнил комнату. Подставив оголенную грудь ветру, жадно глотал свежий воздух. Дышать стало легче, но не исчезли страшные мысли, их не могли бы разогнать даже степные бураны.

Мирхасил долго стоял, глядя на звездное небо. Каждая звезда мерцала, посылая на землю зеленоватые лучи. Лучи казались Мирхасилу чистыми, а мерцание звезд ясным и холодным.

«Если есть жизнь на других далеких планетах,— подумал Мирхасил,— наверняка там не ломают голову над вопросами о заболоченных землях, о новейшей технике, не заботятся об исправлении дурного настроения жены...»

Как бы хотел он сейчас перебраться в эти далекие спокойные миры и оттуда, сверху, взирать на эту бренную землю.

Мечты его были немощны, как легкое дунсвение ветерка.

Много у Мирхасила причин для бессонницы. Председателя мучил вопрос: «Что изменилось — я или время?» Ответ кратко не формулировался.

Конечно, он не изменился, остался таким же, каким был и двадцать лет назад. Как говорят, «истертый та? в старой бане». Он руководит колхозом так же, как и двадцать лет назад. Он в течение этих двадцати лет считал себя единственным хозяином в колхозе и сегодня не отрекся от этого. Он считает всех своими подчиненными. Все до единого, начиная от рядового колхозника и кончая агрономом и бригадирами, должны беспрекословно подчиняться ему. Следовать по линии, которую он им начертал. Пусть только попробуют не подчиниться! О, тогда им не сдобровать. Собрания правления собираются лишь для того, чтобы утвердить то, что он решил. Не может быть никаких поправок или выступлений против его мнения.

А у него, председателя, одна лишь задача: любыми путями, любым способом выполнить план, спущенный ему сверху.

Категорически воспрещается пересматривать, обсуждать или вносить изменения в заданный колхозу план. Во что бы то ни стало его надо выполнять.

Мирхасила не трогало, что его поговорка «продай лошадь, продай арбу, а выполни план!» набила оскомину колхозникам, раздражала людей. Он продолжал твердить эту любимую пословицу изо дня в день. Если кто-нибудь из бригадиров осмеливался предложить обсудить план и обязательства, Мирхасил тут же обру-

шивался на смельчака: «Вам не известно, что план утвержден и подписан в верхах?»

Понятия Мирхасила о планировании были своеобразны. Если даже план не соответствовал возможностям колхоза, вместо того, чтобы пересмотреть его и отказаться от непосильных для колхоза заданий, председатель цеплялся за него безоговорочно, пренебрегая правами на мнение других членов правления. Но зато понятия о своих правах он имел слишком уж преувеличенные. По его мнению, никто не был властен ограничить председательские права. Он считал, что председатель может пользоваться колхозным фондом, брать все, что ему потребуется. Например, для председателя колхозники должны посеять и собрать два-три гектара рису, на колхозных фермах должны быть его личные бараны и коровы. А фрукты из колхозного сада он может продавать на столько денег, сколько вместят его карманы.

Личные гости председателя принимаются за счет колхоза. Личные шофер и повар получают в колхозе трудодни. Он разъезжает по курортам тоже за счет колхоза.

Мирхасил, может быть, где-то в глубине души понимал свою неправоту, а действовал так, словно колхозный устав написан для колхозников, но не для председателя. Этим убеждением он руководствовался долгие годы. Поэтому последнее время его начала преследовать мысль и до боли сверлила мозг: «Я изменился или время?»

Вчерашние два события окончательно сбили его с толку и заставили призадуматься.

Вчера на совхозно-колхозном собрании в присутствии колхозного актива обсуждался перспективный производственный план, составленный Фирузой. В нем были поставлены следующие задачи: расширить посевные площади за счет заболоченных участков и залежных земель, на освоенных участках увеличить посев хлопчатника, развивать животноводство, разводить сады, виноградники, огороды, рисовые поля.

Освоение заболоченных земель и тугаев должно производиться за счет неделимого фонда колхоза в течение трех лет.

По подсчету Фирузы на освоение потребуется полто-

ра миллиона рублей. Но хлопчатник, посаженный на освоенных участках, за эти три года даст около двух миллионов рублей дохода.

Мирхасил, привыкший думать только о ежегодном плане, который давали ему сверху, не мог осмыслить план на будущее. Он решительно восстал против расходования неделимого фонда на уничтожение тугаев.

Но обсуждение в управлении дало неожиданные результаты. Фируза сумела убедительно доказать рентабельность каждого пункта перспективного плана. Она обвинила председателя в косности, отсталости. Она прямо сказала:

— Председатель недопонимает решение пленумов партии. А если, как он говорит, понимает, значит, сознательно пренебрегает ими!

Наркузи поддержал Фирузу и сообщил, что передает свою бригаду Асальхан и уезжает осваивать заболоченные земли. Он взял на себя обязательство к концу третьего года с каждого гектара освоенной земли собрать по двадцать пять центнеров хлопка.

После Наркузи взял слово Чулбобо.

— Пусть лучше сатана сломает себе голову, чем опозорится джигит, — обратился он к Наркузи, подзадоривая его. Он изъявил желание вместе с Наркузи уехать на освоение заброшенных и заболоченных земель.

Аширали поддержал их выступления и отметил достоинства перспективного плана Фирузы, похвалил ее за доскональное изучение экономики колхоза, за знание структуры голодностепских почв, за предложенные ею научные методы обновления хищнически истребленных земель.

Аширали сказал, что сроки сельскохозяйственных работ выбраны правильно. Он подробно остановился на том, какую помощь может оказать правление, и проанализировал метод работы Мирхасила. Он обвинил председателя в том, что в поисках личной выгоды тот откололся от колхозников, от народа. Аширали предложил в каждой бригаде создать народный контроль, чтобы положить конец председательскому своеволию и пренебрежению колхозным уставом.

Это окончательно вывело Мирхасила из строя. Его мучило сознание, что впредь он не будет полномост-

ным хозяином в колхозе: его права отныне ограничены. Теперь все его дела будут визироваться народным контролем. Он сможет остаться на своем посту лишь при условии, если будет подчиняться колхозному уставу, решениям правления, желаниям всего коллектива колхоза...

У Мирхасила озябла грудь, он накинул на себя халат и на цыпочках, чтобы не разбудить Зулуку, побрел в сад. Вокруг водоема горели огромные шарообразные фонари, надетые на белые гипсовые тумбочки. Ильхамча забыл погасить их. Мирхасил подошел к водоему и облокотился на одну из тумбочек. При ярком электрическом свете в водоеме плавали рыбки. Мирхасил долго следил за одной большой рыбой и вдруг сравнил себя с ней. Разве он до сегодняшнего дня не плавал, подобно этой рыбке, не резвился за счет колхозных богатств!? А теперь? А теперь в любую минуту он мог попасть на удочку... Перед глазами мелькнуло заглавие газетной статьи: «Посты народного контроля». Он прочел только заглавие, а статью прочесть не удосужился. «Надо было прочесть. Сейчас пригодилось бы», — подумал Мирхасил. С досадой он резко повернул выключатель и погасил свет. Над водоемом повис густой мрак. «Вот так же должен я поступить и с постами народного контроля», — решил Мирхасил. — «Надо на их пути погасить свет, пускай они путаются впотьмах!»

Второе событие, приведшее Мирхасила в смятение, показалось ему даже важнее первого. С этим он столкнулся после заседания правления, когда направился в областной центр. Он оказался свидетелем того, как один из начальников, который часто по телефону давал ему указания и часто приезжал к нему в гости, на которого председатель опирался, как на могучую скалу, свалился с шумом и треском со своего высокого кресла.

Когда Мирхасил появился в областном центре, секретарь бывшего руководителя не замедлил доложить новому о его приезде. Неспроста же из Голодной степи, в самый разгар полевых работ, приехал прославленный председатель. Безусловно, у него какое-то важное дело.

Мирхасил, приехавший в Ташкент к своему покровителю с жалобой на новый перспективный план, был

вынужден незнакомому человеку, робея и запинаясь, изложить этот план.

Возможно, прежний руководитель принял бы меры, чтобы затормозить дело, или тянул бы время под разными предложениями. Но новый посоветовал обратиться в колхозно-совхозное производственное управление, утвердившее перспективный план колхоза «Радостный труд», чтобы ускорить его осуществление. Он объяснил к тому же Мирхасилу права и значение управления в осуществлении перспективного плана колхоза. Предупредил, что, если Мирхасил не будет выполнять этот план, вмешается областной партийный комитет.

Возвращаясь в Голодную степь, Мирхасил после долгих раздумий пришел к выводу: «Изменилось время, изменились люди. Изменилось их сознание».

Опять завертелась в голове мысль о народных контрольных постах... Обвинения, брошенные ему Фирузой и так ярко поддержанные Аширали...

По словам Аширали, посты народных контролеров должны все отрасли колхозного производства взять под свой надзор, истребить очковтирательство и подделки. Под надзор будет взята деятельность правления, поля, сады, животноводческие фермы, культурные учреждения кишлака. Все это ладно...

Но с каждым часом все больше и больше председателя расстраивали слова, сказанные Аширали: «Посты народных контролеров должны стать бсевым помощником колхозного правления, партийной организации и самого председателя!»

Мирхасил засунул руки в рукава халата и, запахнувшись, оставив возле террасы калоши, босиком поднялся по ступенькам. Включил свет. Ярко засверкала многоярусная люстра. На полу, среди множества бархатных и атласных одеял, похрапывали Халмат и Ильхамча.

Мирхасил, толкнув их ногой, буркнул:

— Вставайте!

Ильхамча, вскочив на ноги, тут же принялся убирать за собой постель. Халмат, облакачиваясь на подушки, кричал, пытаясь последовать примеру Ильхамчи.

— Вставайте,— повторил машинально Мирхасил, хотя они уже встали.— Есть важный разговор!

Ильхамча и Халмат в знак уважения и покорности, скрестив на груди руки, опустив головы, замерли перед хозяином.

— Садитесь!— скомандовал он.

Присели.

— Вот что, братья,— озабоченно нахмутив брови, начал Мирхасил.— Мне кажется, что назревает скандал.

— Не может быть!— воскликнул хитрый Ильхамча, словно ничего не понимая.

— О аллах всемогущий!— с испугом прошептал горбун.

— Меньше надо болтать,— оборвал его Мирхасил. Стараясь подавить волнение, он то и дело хлопал дрожащими руками по коленям.— Вы, Халмат-ака, сейчас же оседлайте вороного иноходца и поезжайте на ферму. Передайте Салиму, пусть приведет в порядок учетную книжку. Если нагрянет комиссия, как говорится, чтобы комар...

— Понял, понял, хозяин,— многозначительно перебил Халмат, не дав Мирхасилу закончить.

— Ты, Ильхамбай, сейчас же пойди в правление. Открой сейф, приведи в порядок все документы. Я скоро приду к тебе. Вместе просмотрим, проверим...

— Слушаюсь, хозяин!

Мирхасил не успокоился после ухода Ильхамчи и Халмата. Наоборот, озноб усилился. За последнее время он растратил много денег. Особенно на дом, который строила жена в Ташкенте. Трудно покрыть такую большую сумму поддельными документами. «А что, если народные контролеры поднимут все документы и тщательно примутся проверять?— похолодел он от страха.— Двадцатилетний стаж, большой авторитет превратятся в жалкий пепел»,— безжалостно ответил он себе. словно ледяной ком, засели эти мысли в голове.

«Подобно вон той последней звезде на небе, померкнет звезда на груди моей! Неужели я должен жертвовать своим авторитетом, состоянием, славой ради Зулуки? Не она ли толкает меня в пропасть?— думал он.— В свое время ради нее я оставил жену с двумя малолетними сынишками». Теперь они выросли, но не признают отца. А почему? Из-за Зулуки. Она не раз-

решала ему бывать у детей, когда он им был нужен, когда им требовались совет и поддержка отца. Она не любит детей, считает их обузой. Ее девиз: «Надо жить для себя!»

Действительно, Зулука была верна своим принципам, приняла все меры, чтобы не было в доме детей — ни своих, ни Мирхасиловых. «По сей день Зулука не отказалась от своих взглядов на жизнь, а я? — продолжал думать Мирхасил. — Я, рискуя своим положением, авторитетом, воруя деньги!.. Когда я вернулся из Ташкента, она вот на этом месте, на террасе, с Ильхамчой пила коньяк, веселилась, а Халмат жарил шашлык. И разве это один раз?..» — вспоминал председатель.

Она не поинтересовалась делами мужа, хотя и видела его подавленное настроение. Покормив его ужином, пошла спать. Вот и теперь продолжает храпеть.

«А ты, вроде зверя, изворачивайся, чтобы не попасть в капкан. Что ей? Если погонят из кишлака, поедет в город — там у нее дом, машина, в кассе деньги... Примет ли она меня там?» — спрашивал себя Мирхасил и затруднялся ответить.

Последнее время не по душе ему было отношение жены к Ильхамче. Он часто заставлял их то на террасе за коньяком, то в ее комнате.

«Вот так тебе и надо, Мирхасил! — укорял он себя. — Зулукхан, Зулукхан, а распутывайся за всех Мирхасил!.. Зулукхан... Разве она вышла из игры? — спросил он у себя. — Нет!»

Он вспомнил отношения Зулуки с Наркузи в те далекие годы.

«Старая, погасшая любовь жены может теперь засверкать и сыграть большую роль. Подобно ядовитой стреле, поможет сразить моих врагов. Одной стрелой можно уложить не одного, а сразу трех». Если свалить Наркузи, значит, можно будет повременить с освоением заболоченных земель, все силы бросить на новые земли, собрать грандиозный урожай и блеснуть в списках передовиков. Во-вторых, если свалится Наркузи, свалится и Фируза. Тогда опять будет Мирхасил командовать, пока они не оправятся. А там подойдет осень, начнется сбор хлопка, людям будет не до тугаев.

В-третьих, провал Наркузи ляжет позорным пятном и на Аширали, который поддержал его кандидатуру в

освоении тугаев. Пока Аширали разберется в этом вопросе и установит истину, пройдет время, а время решит все. Председатель успеет замазать бывшие грехи, может, даже, по-своему используя план Фирузы, останется в колхозе. «Зулука сбила меня с пути, пусть она же поможет мне встать на путь. Пусть она загородит меня от позора. Решено!»

Мирхасил, решив превратить любимую жену в ядовитую стрелу против своих врагов, побрел к ней в спальню.

Глава восемнадцатая

Наркузи, едва начало рассветать, приехал на полевой стан. Еще издали он увидел девушек своей бригады за чаем. Он подошел к ним и, поздоровавшись, пригласил Асальхан пройтись по участкам.

За эти годы Наркузи вложил в свои поля немало труда и жара души, поэтому все здесь было ему мило и дорого. Он любил эту землю, которой отдал свои молодые силы, и земля оценила его труды и щедро отвечала ему, давая такие урожаи, о каких можно только мечтать. Земля прославила его на всю республику, дала имя Степного сокола.

Более пяти часов ходили они вдвоем по участкам.

Сегодня он видел здесь и такое, чего не замечал прежде. Что-то радовало его, что-то огорчало. Каждый кустик, каждый межрядный ручеек были милы ему. Спящую землю разбудили. И сделали это люди его бригады. Сами они рыли канавы, пахали, сеяли. Как свое дитя, изучили они эту землю, узнали все ее склонности, лечили от капризов и болезней. И эта двухсотметровая площадь земли, которую он сегодня оставляет, и тугаи, которые он поедет осваивать, расположены неподалеку друг от друга, но Наркузи чувствует себя так, словно уходит на фронт, и ему, может быть, суждено никогда не вернуться на земли первой бригады. То и дело он останавливался, озирался вокруг, смотрел на поля. Ему хотелось многое сказать, но, едва заговорив, сразу же умолкал: ему казалось, что он говорит не те слова, что чего-то очень нужного он никак не может высказать.

Асальхан, почувствовав состояние Наркузи, остановилась возле тахты под тенистым, раскидистым карагачем, на берегу канала.

— Устала. Присядем. Отдохнем немного. Вы не против, Наркузи-ака?

Он кивнул в знак согласия. Несмотря на самый жаркий час дня, здесь было прохладно, ласково освещал свежий ветерок.

Асальхан украдкой взглянула на печальное лицо Наркузи и мягким, успокаивающим голосом сказала:

— Не забывайте бригаду, навещайте нас почаще, Наркузи-ака!

Наркузи, окинув взглядом пышные кроны платанов, посаженных им шесть лет назад, ответил:

— Конечно, не забуду. Разве можно забыть? Я буду часто приходить к вам. Я вас прошу, Асальхан, не упускайте время. Из-за погоды мы запаздывали с севом, теперь надо наверстать упущенное. Все карты культивируйте одну за другой, щедрее давайте подкормку. Не медлите с поливом. Ночи сейчас лунные, пусть не дремлют поливальщики.

— Не беспокойтесь, Наркузи-ака,— ответила Асальхан, любясь серебристой веточкой джиды, опустившейся до воды и закрутившейся в водовороте течения,— приложу все усилия.

— На днях мы создадим бригаду для освоения тугаев.— Наркузи заговорил о том, что в равной степени волновало и его, и Асальхан.— Из каждой бригады надо будет взять по несколько человек. Вы сможете в своей бригаде управиться без них?

— Конечно, на работе это скажется, будет трудно,— вздохнула она,— но что же делать?

Он попытался ободрить ее:

— Возможно, придумаем что-нибудь другое. «Мирзачульводстрой» обещает бригаду механизаторов. Конечно, постараемся использовать побольше техники, чтобы понадобится поменьше людей. Нужно прорыть новые дренажные каналы. Если не управимся, пригласим вас на субботник. Надеюсь, выручите нас? А, Асальхан?

Она, звонко рассмеявшись, встала.

— Будет зависеть от формы приглашения. А теперь пора на полевой стан: нас, верно, уже заждались.

Подходя к полевому стану, Наркузи увидел там множество людей. Он взглянул на Асальхан.

— Что это такое?

— Бригада решила устроить вам проводы,— улыбнулась Асальхан.— Пospешим. Вон и Чулбобо. Все, как говорится, в полном составе.

Возле полевого стана стоял «газик» Аширали, рабочая «Волга» председателя, мотоцикл, несколько велосипедов. Возле арыка играли дети. Из огромного рупора лилась музыка.

Колхозный радист крутил пластинки по заказам первой бригады.

Наркузи, догадавшись, кто затеял все это, сказал своей спутнице:

— Благодарю вас, милая Асальхан, за внимание.

Она слегка смутилась:

— Не я одна это устраивала. Меня будете благодарить после вашей свадьбы, там я постараюсь отличиться.

— Смеетесь надо мной!

Наркузи подошел к собравшимся и смущенно сказал:

— Спасибо, друзья, что пришли на наш полевой стан!

Он подошел к старикам, уютно пристроившимся в дальнем углу, и почтительно поздоровался с ними.

Аширали усадил Наркузи и Асальхан между собой и председателем.

Наркузи искал глазами Фирузу. Сердцем он чувствовал ее присутствие, но глаза, так желавшие увидеть любимую, не находили ее; Асальхан поняла его и, подтолкнув локтем, краем глаза указала на группу девушек, сидящих на другом конце скамейки. Фируза была среди них. Она смотрела на Наркузи.

Ловкие девушки расстелили перед гостями скатерти и принялись расставлять угощение, появились чайники с ароматным зеленым чаем. От очага, устроенного среди деревьев, запахло жареным луком, мясом,— затевался плов.

Друзья налили чай в пестрые пиалы, наломали горячих лепешек.

Аширали встал. Асальхан выключила радио. Аширали обратился к сидящим:

— Дорогие друзья, сегодня наш передовой бригадир передает свою бригаду нашей уважаемой Асальхан, а сам отправляется осваивать тугай. И другие богатыри, подобно нашему Наркузи, сегодня разъедутся по Голодной степи осваивать новые земли. Об этом легко говорить, но каждому здешнему жителю понятно, сколько надо терпения и мужества для этого, какая нужна самоотверженность, чтобы оставить бригаду, с которой сжился, сработался, оставить обработанные поля, вычищенные каналы, густые сады, бахчи, где уже зреют овощи и вместо всего этого поселиться среди болот и солончаков! Заброшенные болота и солончаки превратятся в золотую долину. Наркузи вместе с такими же упорными людьми, как он сам, создаст новый коллектив.

По подсчетам нашего агронома, новая земля, которая возникнет на месте болот, через три года будет уже вполне освоена и даст урожай: и хлопка, и риса можно будет собирать там столько же, сколько сегодня выращивают передовые бригады нашего колхоза. Будем надеяться, что подсчеты нашей Фирузы осуществляются, потому что осуществлять план будут богатырские руки, жаркие сердца, пламенные души, могучая техника.

Мы желаем Наркузи и его будущей бригаде больших, больших успехов. Желаем ему счастливого пути. Мы гордимся нашим колхозом, вырастившим таких богатырей, как он.

Пусть цветущие сады поднимаются вместо солончаков!

Сердечные слова Аширали заставили членов бригады призадуматься. Они все были огорчены и обеспокоены уходом своего бригадира, даже осуждали его, что он согласился в самый разгар полевых работ оставить их. Считали, что превыше всего он должен ставить интересы своей бригады. Но после слов Аширали они поняли, за какую трудную и славную работу взялся их бригадир. Каждый из них теперь и гордился своим бригадиром, и досадовал, что расстаётся с ним.

Аширали, переговорив о чем-то с председателем, предложил:

— Товарищи, кто из вас пожелает работать с Нар-

кузи, осваивать тугай? Желающих прошу поднять руку!

Все джигиты один за другим начали поднимать руки. Девушки, переглядываясь и смущаясь, подталкивая друг друга, тоже подняли руки.

Асальхан пробежала глазами по поднятым рукам, спохватилась, что осталась одна, и тоже подняла руку.

Чулбобо, увидев эту картину, на весь полевой стан крикнул:

— Bravo, bravo! — и зааплодировал. Его поддержали и остальные.

На глаза Наркузи навернулись слезы, он ничего не видел. Еолнуясь, он с трудом разыскал в кармане платок и долго вытирал глаза, прежде чем сказать что-нибудь.

Чулбобо крикнул:

— Говори, Наркузи, говори!

— Товарищ председатель, — начал Наркузи, стараясь изо всех сил подавить волнение. — Сейчас здесь не время говорить о допущенных ошибках, но и замалчивать их нельзя. В течение многих лет мы с вами спорим о тугаях. Много раз предлагали мы осушить болота, обработать, поднять и засеять эту брошенную землю. Вы не прислушивались к нам, не хотели прислушаться. Нам по сию пору непонятно, почему вы мешали нам уничтожить болота, солончаки, черные провалы, где разводятся комары, откуда летит всякая мошкара. Бойтесь вы, что ли, что на это понадобится много рабочих рук? Бойтесь, что на случай аврала у вас людей не хватит? А зачем они нужны, эти авралы? Для пользы дела? Ничуть! Только для бахвальства, только чтобы первыми подать рапорт, только чтобы на верхах говорили о вас как о передовиках. Вы любите напоминать о себе как о председателе передового хозяйства. Хорошо, что теперь создано совхозно-колхозное управление, что ныне дана возможность судьбу урожая решать самим хозяйствам. Постараемся не за три года, а раньше не оставить и следа от болот и солончаков. Прибавим колхозу плодородных земель, умножим урожай!

Всех друзей, кто вызвался поехать со мной, от всей души благодарю! Кто останется здесь получать высокий урожай, пусть считает, что тем самым помог нам

уничтожать болота. Я вас очень прошу, берегите освоенные земли! Берегите их как зеницу ока. Везде и всюду соблюдайте агротехнику. Как говорится, болезнь вселяется пудами, а выходит граммами. Земля любит заботу, испортить ее легко, а вылечить трудно! Где бы я ни был, сердцем я буду с вами, друзья!

Эта речь Наркузи, слово за словом, как стрела за стрелой, вонзалась в сердце Мирхасила. Он понял все это как попытку растоптать его авторитет перед народом. Он колебался, выступить или нет? Если выступить, присутствующие подумают, что он обиделся, если нет, то, значит, признать за собой вину. Больше всего он боялся остаться виноватым.

Он встал, откашлялся, но его уже никто не слушал: все поднялись, обступили своего бригадира, обнимали его, пожимали руки. Все хотели высказать на прощание свои добрые чувства к Наркузи, добрые пожелания.

Мирхасил стоял, ожидая, пока люди успокоятся и сядут на свои места. Тут появились девушки с блюдами плова.

Мирхасил, не обращая на это внимания, еще раз откашлялся и начал:

— Товарищи, друзья! За то, что Наркузи едет осваивать тугаи, большое ему спасибо! Но пусть у вас не создается впечатления, якобы ваш председатель враг освоения. Надеюсь, вы поймете правильно, что это ошибочное мнение. Мы с вами подняли целину и перевыполнили планы, сотни тысяч тонн хлопка дали государству. Наконец, вот Золотая Звезда...— ткнул председатель в грудь пальцем и вынужден был замолчать: кто-то из девушек включил радиоприемник, и на весь полевой стан зазвучала песня на слова Зебиниссо, может быть, заранее выбранная и приуроченная к этому прощальному вечеру.

Мирхасил громким басом пробовал было перекричать песню, но его слова ни на кого не подействовали, каждый был занят угощением и беседой с соседями.

После плова Чулбобо от имени всех напутствовал Наркузи:

— Пусть твоя дорога будет светла, дела твои — удачливы, народ — твоей опорой, мечты твои — крыльями! Да сбудутся твои мечты! Скорее сыграть

нам твою свадьбу! А мне еще прожить столько лет, чтобы понянчить не только твоих детей, но и внуков на новой земле!!!

Вся бригада проводила Наркузи до самого большака. Все шутили, смеялись, острословили, только Мирхасилу было не по себе: он простился с Наркузи возле полевого стана и уехал на своей служебной «Волге».

Наркузи посадил в коляску «Явы» Чулбобо. Он обнимался и целовался со всеми, но не упускал из поля зрения Фирузу.

Наконец она отделилась от толпы девушек, подошла к нему и протянула руку:

— Счастливого пути, Наркузи-ака, и больших удач!

Он осторожно, словно хрупкий цветок, сжал ее руку и, печально глядя ей в глаза, ответил:

— Все мои удачи теперь принадлежат вам! Не забывайте!

Под возгласы провожающих, под взмахи рук и платочков сверкающая красная «Ява» тронулась в путь, к северу, на тугаи.

По неровной каменистой дороге Наркузи вел мотоцикл осторожно, чтобы не растрясти Чулбобо, сидевшего рядом в коляске.

Минут через двадцать справа от дренажной канавы встали густые заросли камыша, слева — тут же от самой дороги — начинались и простирались до горизонта плодородные хлопковые поля и зеленые сады, где зрели обильные урожаи.

Проехав километра два вдоль непроглядных камышовых зарослей, Наркузи искусно пересек канаву по мостику, который он сам вчера соорудил на скорую руку, и по узкой тропинке, с обеих сторон обросшей высокими камышами, углубился в заросли. По растоптанному мху, по примятым болотным травам нетрудно было догадаться, что сюда часто заходят охотники.

Перепуганные треском мотоцикла утки вспорхнули вверх.

Чулбобо, повернувшись к Наркузи, спросил:

— Захватил ружье?

Наркузи кивнул головой в сторону узла, привьюченного за сиденьем.

Проехав еще с полчаса, они оказались на просторной поляне, и Наркузи остановил мотоцикл под единственным деревом, раскинувшим здесь кривые изломанные сучья, поросшие чахлыми ветками.

Чулбобо выбрался из коляски, подошел к могучему, в целый обхват, стволу дерева.

— Бедное, осталось одно! — покачал головой Чулбобо. Затем, вернувшись к Наркузи, добавил: — Шалаш поставим здесь.

Наркузи, отвязав мешок, поволок его на поляну, где лежала груда досок. Старик побрел за ним.

— Шалаш шалашом, но я вчера привез эти доски, — сказал Наркузи, развязывая мешок. — Сколотим временный полевой стан. Ведь мы с вами приехали сюда с большими планами.

— Слава тебе, сынок, слава!

Наркузи вытащил из мешка кетмень, топор, молоток, гвозди, патроны, ружье в кожаном чехле.

— Вот отцовская двустволка!

Чулбобо вынул ружье из чехла. Как бы взвешивая, подержал в руках, осмотрел затвор.

— Неплоха! — похвалил старик. — Отец твой был хорошим человеком. Здесь мы с ним когда-то посадили сотни деревьев. Уцелело одно. — Он повесил ружье на ветку и сказал: — Сохрани это дерево как память о своем отце. Не разрешай рубить. Если жив буду, осенью мы здесь с тобой разведем сад. У меня есть несколько тысяч саженцев, все отдам новой бригаде!

— Вы отдохните, отец, — сказал Наркузи, принявшись выравнивать землю под деревом, — я приготовлю место для шалаша.

— Успеется, — ответил старик, грустно разглядывая гнилые пни всюду вокруг. — Я пойду похожу, посмотрю.

Он пошел по поляне вдоль зарослей, и вскоре камыши заслонили его.

Наркузи, увлеченно выравнивая площадку, не заметил, сколько прошло времени. Он уже застилал площадку досками, когда где-то поблизости послышался сигнал легковой машины.

Наркузи выпрямился и, опершись на рукоятку кетменя, прислушался: кто бы мог приехать? В колхозе, кроме председателя, ни у кого нет машин. Но предсе-

датель едва ли снизошел бы до посещения заброшенных участков. Может быть, из районного промышленного комбината насчет камыша? Может, охотники?

Вскоре послышались шаги. Перед Наркузи появилась в нарядном атласном платье председательская жена — Зулукхан.

Она, оступаясь на высоких каблуках лаковых туфель, шла к ошеломленному Наркузи и капризным, обиженным голосом упрекала его:

— Ой, что же это вы удрали на самый край света! Держите же, я упаду. Ой, скорее!..

Наркузи пришлось подойти к ней и поддержать ее. Она тотчас же повисла у него на шее, словно не прошло много лет с того дня, когда совсем еще юный Наркузи сватался к ней. Будто не она с насмешкой растоптала тогда его светлые чувства, заставила пережить горе и боль.

От резкого запаха ее духов у бригадира закружилась голова. Он попытался высвободить свою руку из ее руки, прижатой к груди. Но она сжала ее еще крепче.

— Бросьте вы свой кетмень! — шепнула она, трагически приподняв густо начерненную бровь.

Но он все же вырвал руку из ее цепких пальцев.

— Садитесь! — предложил он, показывая на доски.

Она присела и, сняв туфли, швырнула их на зеленую траву.

— Хоть вы и забыли меня, — сказала она, глядя прямо в глаза бригадира, — я вас не могу забыть! Я думаю только о вас. Вы не искали со мной встреч, а я их искала; вот и нашла, вот и пришла.

Наркузи, сдерживаясь, презрительно взглянул на ее подсурмленные большие глаза, на пухлые карминовые губы, на дорогой жемчуг, украшавший ее шею.

— Зачем пришла? Что тебе здесь надо?

Вместо ответа, приподняв выше колен подол атласного платья, она простонала:

— Вай-вай, как я ушиблась! — и принялась гладить свои тяжелые упругие икры. Повздыхав, постовав, с нарочитой обидой в голосе прошептала: — Слышала, вы собираетесь жениться, вот и пришла. Вы правда женитесь?

— Да, женюсь! А что?

Наркузи почувствовал, что Зулукхан ищет удобный повод сказать ему о чем-то другом, открыть действительную причину своего появления.

Он строго, не выпуская кетменя из рук, спросил:

— Муж послал?

Зулукхан, поняв, что зря теряет время, крикнула, вскочив:

— Да, муж послал. Я пришла с тобой говорить с глазу на глаз. Хочу сказать, чтобы ты со своей возлюбленной убирался вон из колхоза! И как можно скорее!

Наркузи опешил было от столь прямых слов, но, понимая, что она говорит по наущению председателя, твердо ответил:

— Пойди скажи мужу, не на того он нарвался. Я никогда никуда не уйду из своего колхоза. Я никуда и никогда не уйду. Он уйдет. Вместе с ним и ты уберешься отсюда. Колхоз «Радостный труд» должен очиститься от вас, избавиться от таких пиявок. Поняла?

— Не кричи, Наркузи. Лучше сам, по-хорошему, уезжай. — И вдруг, взглянув на него с горячей ненавистью, заговорила так зло, что слова заклокотали у нее в горле: — Иначе заставим тебя! Разладим твою свадьбу, опозорим тебя!.. Если ты и твоя агрономша останетесь в колхозе, вы не дадите нам покоя. Нам от вас житья не будет. Тут останемся либо мы, либо вы...

— Конечно, мы! — уверенно сказал Наркузи.

Он знал, что это ему и его друзьям придется заново осваивать земли, безжалостно погубленные во имя ложного авторитета, славы, денег, алчности.

И уверенно повторил:

— Да, мы останемся здесь. Ты когда-то осквернила мою первую любовь. А теперь я выращу здесь сад в знак своей другой — верной, вечной любви. Будем растить сад вместе с моей любимой, а ты убирайся отсюда, доложи своему мужу, чтобы он тоже убирался вон, пока не поздно, пока мы его не опозорили и пока не испытал он гнева народного. Но он его испытает. Скоро испытает. Вот тогда мы и поговорим с вами.

— Не уйдешь из степи? — повторяла Зулукхан, с яростью в глазах наступая на него. — Не уйдешь?

Чувствуя что-то неладное, Наркузи попятился:

— Нет, не уйду!

— Вот тебе, если не уйдешь! — Зулукхан принялась

рвать на себе платье.— Вот, если не уйдешь! Помогите, спасите от позора!— и принялась царапать ему лицо и руки.— Спасите, мусульмане, защитите от негодяя!

Растерявшийся Наркузи, словно отбиваясь от роя пчел, отталкивал руки разъяренной жены председателя.

Но она кричала громче и громче, призывая на помощь. На ее крик с поляны, запыхавшись, прибежал Чулбобо, а из камышовых зарослей — колхозный кассир Ильхамча и сторож Халмат. Старик стоял, испуганно глядя на Зулукхан, на ее изорванное платье. Халмат с Ильхамчой кинулись на Наркузи. Но он легким пинком свалил Ильхамчу, а Халмата не тронул.

— Если б не твоя седая борода, знал бы я, как управиться с тобой,— сказал он, хмуро глядя на горбатого Халмата,— отойдите подальше от греха!

Увидев растерянных своих соучастников, Зулукхан накинулась на них:

— Бабы вы или мужчины? Вы смотрите, как подлец покушается на честь женщины, да? Свяжите этого негодяя!

Халмат с Ильхамчой собирались было снова кинуться на Наркузи, но им пригрозил Чулбобо.

— Стыдно!— сказал он, встав перед Зулукхан.— Что подумают люди? Бесстыжая, не могла придумать ничего другого? Садитесь, вы!

Халмат и Ильхамча, словно воры, пойманные на месте преступления, виновато присели на край доски.

— И ты садись с ними!— приказал Чулбобо растерянной Зулукхан.

Распустив волосы, она принялась причитать:

— Вот она, наша женская доля. Никто не заступится за нас... Все только и думают...

— Садись! Сейчас приведу остальных, пускай поглядят на твой спектакль,— продолжал старик.

Эти слова отрезвили ее. Она покорно села рядом со своими друзьями.

— Вот что, негодяи,— обратился к ним старик.— Сейчас же сматывайте удочки на своей «Волге». Катитесь домой, иначе я свяжу вам руки-ноги, лица намажу сажей и отвезу в правление на посмешище народу. Тогда будете знать, как позорить честного человека! Решайте, что вам больше подходит?

Ильхамча низко нагнул голову. Халмат, куда-то убрав горб, косился, как битый волк, на Чулбобо. Зулукхан, как ни в чем не бывало, вытащив из сумки веркальце, принялась прихорашиваться.

— Нам нечего бояться вас! Это еще только цветочки, ягодки впереди.

Наркузи, погрозив ей, с ненавистью сказал:

— А с тобой я рассчитаюсь при народе!

Он решил, пренебрегши насмешками и всякими криволотками, вывести всю историю на чистую воду.

— Верно говорите,— обратился он к Чулбобо,— давайте повезем их в правление. Надо ошпарить кипятком гнездо этих крыс.

Халмата и Ильхамчу охватил страх.

— Зачем ссору выносить из избы?— взмолился, глядя на Зулукхан, Ильхамча.— Мы сами оплошали.

— Прости нас, братишка,— поддержал Ильхамчу Халмат.— И вы успокойтесь, Зулукхан.

— Стань на колени, негодница, проси прощенья у Наркузи,— приказал старик председателю.

Наркузи удивленно посмотрел на старика.

— Так нужно! Кому говорят, кланяйся в ноги!—скомандовал Чулбобо.— Иначе и тебя, и мужа опозорим на весь свет.

Зулукхан, почуввав провал всей затеи, стала на колени перед Наркузи, протянув к нему пухлые руки, и не без кокетства потупила глаза.

— Ну, извини меня, Наркузи. Ну, виновата...

— Вставай, грязная девка, убирайся!— сплюнул старик.— Все убирайтесь, не поганьте эту землю.

Зулукхан, опираясь о плечо Ильхамчи, засемила мелкими шажками. Вслед за ними поковылял Халмат.

Вскоре из-за густых зарослей послышался гул мотора. «Волга» ушла.

— Почему мы отпустили этих негодяев?— сожалел Наркузи.— Надо было доставить их в правление и разобраться!

— Можно было, но...— Чулбобо, постелив на доски халат, прилег,— успеем мы их наказать. А твою свадьбу не стоит омрачать всякими толками да пересудами.

— Пожалуй, это верно...— задумчиво согласился Наркузи и отошел к дереву, чтобы разжечь огонь под закопченным чайником.

Глава девятнадцатая

Каждое сердце бьется с надеждой. Каждая душа стремится к любви. Нет ни одного человека без мечты, без сокровенных надежд.

Шерали не удалось скрыть от пытливых и внимательных друзей в Янгиере свое огорчение и разочарование от поездки в колхоз «Радостный труд». Он потерял надежду на любовь Фирузы.

Жители «красного вагона» во главе с Ахмеджаном-старшиной взяли его в оборот и заставили открыть им свое сердце. Шерали подробно рассказал о своей поездке, о том, как рано утром встретился с Фирузой, как гостил у Чулбобо, как познакомился с Наркузи, который нравится Фирузе.

Ребята не одобрили его: не так, как следовало бы, вел он себя с любимой девушкой. Не согласились с мнением Шерали, что Наркузи очаровал ее, и поэтому она была недостаточно внимательна к Шерали. Добиваться внимания красивой девушки, ухаживать за ней может не один, а десять парней. Это, конечно, не значит, что девушка увлечется первым попавшимся. Фируза не из таких, которые быстро очаровываются и быстро разочаровываются. Судя по рассказам самого Шерали, друзья представляли ее иной, поэтому они не верили его впечатлению и каждый раз снова и снова перебирали все подробности, спорили, пытались добраться до истины. А когда он особенно горячился, убежденно заявляли:

— Если она полюбила другого, забудь ее. Значит, она не любила тебя!

Однажды в разговоре с друзьями Шерали как-то вскользь упомянул о рассуждениях Фирузы, об отношении девушки к землям своего колхоза, о том, как ее волнует идея освоения заболоченных полей, рассказал, что она уже начала борьбу с хищническим отношением к голодностепской земле, о ее решении навсегда остаться в колхозе «Радостный труд». Видно было, что эти вопросы не очень-то его волнуют, вот он и не придал им никакого значения.

Вот тогда джигиты начали распутывать узелок. Им стало ясно, где оплошал Шерали. Он не разделял ее

мечтаний и планов, не вник в сущность ее стремлений. Он твердил свое: «Я приехал увезти тебя в Янгиер!»

Здорово досталось тогда Шерали.

— Птенчик желторотый! — волновался Ахмеджан-старшина. — Так легко не уступают девушку. Надо было разобраться в ее желаниях, раз она хочет остаться в том колхозе, надо и тебе туда перебраться. И Янгиеру, и колхозу в степи — ты нужен везде. Тебя бы поняли. Ты помог бы ей!

Решили, что Шерали должен срочно написать письмо Фирузе. Но сам Шерали заколебался. Вместо того, чтобы скорее исправить свою ошибку, он усугубил ее. Он боялся, что Фируза его поймет неправильно, вообразит, что он бежит к ней, чтобы уйти от трудностей, что ему просто надоед «красный вагон».

Он под разными предложениями так и не написал письмо любимой девушке, но в глубине души надеялся, что, если она действительно его любит, напишет сама и тогда ему будет легче открыть ей сердце.

Шерали злился на самого себя, укорял себя за то, что не смог договориться с Фирузой в колхозе, что не признался ей еще в Ташкенте. Он знал, что упустил свое время: ведь каждый из них догадывался об отношении другого, но каждый вместе с тем ждал, пока все само собой разрешится, без его или ее помощи.

Некоторое успокоение находил Шерали в работе. Он раньше всех забирался в кабину экскаватора и допоздна оставался там, избегая вопросов товарищей: написал ли письмо, получил ли ответ, когда едет к ней.

Так протекли три месяца после поездки в колхоз «Радостный труд». В середине августа ему наконец пришло письмо от Фирузы. Шерали не было дома. Джигиты, переместившие свои «красные вагоны» на земли семнадцатого совхоза, с нетерпением ждали возвращения Шерали. Они все, как один, были уверены, что это ответ на его письмо, и жаждали услышать от Шерали радостную для всех новость.

Шерали вернулся усталый. Он тяжело поднялся по ступенькам вагонной лесенки, поздоровался с друзьями и присел на свободную табуретку. В последнее время он перестал следить за собой, давно не стригся, редко брился.

Ахмеджан-старшина вытащил из кармана заветный

конверт и принялся размахивать им перед лицом Шерали.

У парня засверкали глаза, заиграла на губах улыбка.

— Не мучай!— воскликнул он, протягивая руку.

Старшина вручил ему письмо. Все умолкли, словно примерные ученики в классе.

Шерали подошел ближе к фонарю, открыл конверт и принялся читать. Быстро, словно его подгоняли, пробежал глазами листок. Побледнел. Ноги подкосились, задрожали руки...

Джигитам тоже стало не по себе. Они почувствовали что-то неладное.

Он молча подошел к вагонному окну и уставился на мигающие огоньки совхозного поселка.

В каждом доме, в каждом очаге горел огонек... Огоньки жилищ... Огоньки семейного уюта. Шерали, сумевший преодолеть много жизненных неурядиц, препятствий, спасовал перед последним, перед решающим. Если бы он послушал совета друзей, стоял бы сейчас на пороге дома, где пылал огонек его счастья. Мысли мелькали с быстротой молнии. Может ли он что-нибудь изменить?

Ахмеджан-старшина подошел к нему. Шерали, отвернувшись, протянул ему письмо.

Ахмеджан, бережно развернув листок бумаги, пробежал его глазами. Остальные, потеряв терпение, словно виноват во всем Старшина, заворчали:

— Читай! Что случилось?

Старшина прочитал вслух:

— «Ассалям алейкум, Шерали-ака! Удивлена вашим долгим молчанием. Почему не пишете? Как у вас идут дела, что нового? Не обиделись ли вы на меня? Вы совсем забыли о нашей многолетней дружбе!

У нас в кишлаке много новостей. Перспективный план мой утвердили. Начинаем осваивать тугай, о которых я вам говорила. Вы даже видели их. Помните? Есть перемена в личной жизни. Решила связать свою судьбу с Наркузи. Я убедилась в его большой любви ко мне. Долго проверяла себя. Поняла себя. Мечтаю быть счастливой с ним.

В следующее воскресенье празднуем нашу свадьбу. Обязательно ждем вас. Приезжайте со своими янгиер-

скими друзьями. Если не приедете в этот торжественный день, обидите меня. Ждем! Ждем!

Фируза».

В «красном вагоне» наступила тягостная тишина, словно все, кто здесь находился, получили сейчас роковые письма от своих возлюбленных.

Шерали смотрел и смотрел на мерцающие огоньки чужих очагов и ждал, когда друзья обрушатся на него со справедливыми упреками. Теперь уже он не боялся ни упреков, ни советов, — все ему стало безразлично, ничто не могло осветить опустившуюся мглу.

Но джигиты молчали. Никто не попрекнул его ни единым словом. Когда же они заговорили, слова их были приветливы, участливы, ласковы. Старшина, положив огромную руку ему на плечо, пробасил:

— И такое случается в жизни, дружок. Чего только не случается на неровной дороге жизни. Не так ли, друзья? Как вы думаете?

— В свое время мне пришлось пережить такое же горе, — начал Юлдаш, сочувствуя Шерали. — Я любил курносенькую Гульсум из нашего кишлака. Поклялись друг другу в любви. Но она не дождалась моего возвращения из армии, выскочила замуж. Как видишь, я пережил. Здесь, в степи, красавицу получше той нашел. Дело идет к свадьбе. Сами видите: и по уму, и по красоте моя Назакат никому не уступит.

— Не понять им наше мужское сердце, — вмешался долговязый Далибай, мигая своими широко расставленными, раскосыми глазами. — Верны ли они нам? Из-за Фирузы, которую никто из нас не видел, страдаем все. Хватит траура!

— Не прав ты, Далибай! — вспыхнул Бахтияр. — Не испытал ты, не знаешь, что такое любовь. Любовь может затянуть человека, как болото — и баста! У нас на глазах тонет человек. Надо его спасать! Я говорю Шерали: и сейчас не поздно! Немедленно надо ехать к ней в колхоз. До воскресенья осталось еще пять дней. Разыскать там Наркузи, поговорить с ним по-мужски. Как по-вашему?

До сих пор молча наблюдавший за всем Андрей закурил и подошел к столу.

— Подойди, Шерали, садись, — сказал он, показы-

вая на табуретку.— Слушай, дружок, мы за это время, пока живем в этом вагоне, изучили друг друга, сдружились, можно сказать, сроднились. Мы все переживаем за тебя. Хотели помочь тебе. Не обижайся, скажу тебе правду. Ты сам виноват. Упустил свое счастье. Огорчением не поправишь дело. Она не виновата. Наоборот, я считаю ее умной, целеустремленной девушкой. Она не могла поступить иначе. Она относится к тебе с уважением, как к близкому другу. Теперь береги эту ее добрую, честную дружбу. Советую тебе поехать к ней. Если не поедешь, запятнаешь вашу многолетнюю дружбу.

— Нет, не поеду!— заупрямился Шерали.— С каким лицом я покажусь там? Наверное, все догадывались, зачем я приехал.

— Не поедешь ты, значит, поедем мы,— засмеялся Андрей,— погуляем на свадьбе, познакомимся с тамошними девчонками. Полно тебе, подними голову. Не обвиняй невинного. Ты же не признавался ей в любви. Много лет носил свое чувство и излечал — «догадайся, мол, сама!» Ни она тебе, ни ты ей не давали никаких обещаний. Ты же вернулся от нее обиженным, что она решила остаться там в колхозе. А почему бы ей не остаться? Справедлив ли твой упрек ей в этом? Своей дружбой, своим великодушием искупи свою вину, береги ее дружбу!

— Верно, верно!— поддержали его друшкиты.

Ахмеджан-старшина предложение о поездке Шерали на свадьбу Фирузы поставил на голосование. Против и воздержавшихся не оказалось.

Постановили: Шерали поедет в колхоз «Радостный труд» на свадьбу. Но от этого решения ни Шерали, ни его друзьям не стало легче, хотя каждый из них прикидывался веселым и довольным. У всех на душе «кошки скребли».

Ужин остыл. Чай показался перестоявшим — не стали пить. Каждый ворочался на своей постели. Разговор не клеился. Остроты и шутки только вызывали раздражение. Окна вагона были открыты, но свисавший с потолка фонарь едва светил сквозь густой папирозный дым.

Курили все.

Рано утром приехал Иван Андреевич. Он застал

ребят уже бодрствующими. Поздоровавшись, обратился к Шерали:

— Я за тобой, собирай свои вещи. Поедешь со мной. Тебя перевели на другую работу.

Увидев замешательство и недоумение ребят, объяснил:

— Как вам известно, меня на старости лет назначили начальником «Мирзачульводстроя». Ну, а раз назначили на работу, надо работать. С юга Голодной степи перебросили на север. Вот и решил вашего дружка Шерали взять к нам.

Джигиты кинулись обнимать Шерали, пожимали ему руки.

— Поздравляем!

— Желаем успеха, инженер!

— Не оплошай там, помни наш наказ!

Шерали побежал собирать вещи.

Машина тронулась, а ребята все продолжали кричать:

— Счастливого пути, Иван Андреевич!

— Пиши нам, Шерали!

— Наведывайся, не забывай!

Шерали открыл дверцу машины, долго глядел на друзей, махал им рукой.

Опять в путь-дорожку...

Куда приведет эта дорожка Шерали? Что ждет его впереди? Счастье или новые разочарования и горести?

Глава двадцатая

Едва стало известно, что намечается свадьба Фирузы с Наркузи, подобно растревоженному улью, загудели девушки колхоза «Радостный труд».

— Милая подружка, слышала? Оказывается, свадьба будет в доме Чулбобо!

— Я получила от Фирузы пригласительный билет, а вы, дорогая?

— Я раньше вас получила, милая! В пригласительном билете написано: «Просим быть свидетельницей нашего счастья!»

Когда на собрании коммунистов колхоза вместо ушедшего Аширали избрали Турсуну секретарем пар-

тийной организации, особенно радовались девушки. Всегда кабинет Турсуной был полон подруг. Все дела, начиная от колхозных и до всяких домашних событий, обсуждались здесь. И часто, придя к Турсуной озабоченными, понурыми, хмурыми, уходили ободренными, повеселевшими. И так с избранием Турсуной в колхозе началась новая эра. Кто-то придумал и название этой эры — Матриархат.

В эти дни из уст в уста передавался слух: в колхозе открывается «Дом счастья». Асальхан подтвердила эту версию:

— При клубе у нас организуется «Дом счастья». Кто туда один раз попадет со своим любимым, считай, что на всю жизнь обеспечен счастьем!

Девушки окружили ее, засыпали вопросами:

— Что за дом? Расскажи подробнее!

— Если я найду туда, то выйду оттуда счастливой?

— Кто открывает нам этот дом?

Асальхан подробно рассказала, что «Дом счастья» организует сельский совет по инициативе Турсуной. Для этого отводят две комнаты в бездействующем колхозном клубе. В одной комнате будут регистрировать бракосочетания, и в сельсовет для этого уже не нужно будет ездить, а в другой будут выдавать метрики новорожденным и вручать паспорта совершеннолетним.

Всем девушкам не терпелось присутствовать на первом бракосочетании в колхозном «Доме счастья», бракосочетании Фирузы и Наркузи.

Им не пришлось долго ждать. Накануне Турсуной позвонила на полевой стан первой бригады и позвала к телефону Асальхан. Она сказала, что просит ее и еще нескольких девушек пожаловать в «Дом счастья». Асальхан было обрадовалась, но потом задумалась: ведь в бригаде у нее больше двадцати молодых женщин и девушек, пригласили в клуб всего нескольких. Кого же взять? Наметила сначала пять человек. Потом передумала и решила пригласить с собой только девушек, у которых вскоре ожидалась свадьба.

Во время обеденного перерыва она отпустила их домой и, прощаясь, сказала:

— Мы завтра идем в «Дом счастья». Встретимся там. Туда мы не можем пойти все вместе, а уж на свадьбе встретимся.

Девушки страшно обрадовались и тут же принялись совещаться: как принарядиться, захватить ли свои подарки сразу или одарить новобрачных вечером на свадьбе. Они спросили совета у Асальхан, и она предложила им прийти в «Дом счастья» только с цветами.

Утром на чисто подметенной, политой клубной площадке, окруженной деревьями, собрались нарядно одетые девушки и парни, все с букетами. Они шутили, смеялись в ожидании жениха и невесты, то и дело поглядывали на самодельную яркую вывеску «Дом счастья», но не решались раньше жениха и невесты переступить его порог. Все хорошо знали эти комнаты: прежде там играли в шашки, хранили в глубоком шкафу какие-то старые папки с пыльными бумагами, и теперь каждый по-своему представлял, что они увидят в этом таинственном доме.

Сарахан, жестикулируя, рассказывала опоздавшим девушкам, как Турсуной и Асальхан на новой председательской «Волге» уехали за невестой и женихом.

Загремела музыка, подхваченная веселой песней: колхозная самодеятельность была на уровне!

Сарахан, прервав рассказ, поплыла в танце под звонкие прихлопывания ожидающих...

Тем временем Турсуной и Асальхан подъехали к дому Чулбобо. Всюду царил торжественность. Двор возле дома был чисто подметен, полит и блестел, подобно фарфоровой чашке. Ни пылинки на зеленых листьях, будто каждый из них вымыли. От самой террасы и до середины сада тянулись столы и стулья. Помогавших было много. На террасе несколько пожилых людей под руководством хозяина крошили морковь и лук для плова. Вокруг огромного котла, установленного возле калитки на пустыре, хлопотали несколько мужчин: кололи дрова, раздували поставленные в ряд самовары, раздвигали баранью тушу...

Одна комната у Чулбобо была нарядно убрана по свадебному обычаю. На всех стенах сверкали ярко вышитые сюзаны, ковры, в нишах и на сундуках лежали стопки ярких шелковых одеял, развешаны наряды невесты. Турсуной с Асальхан уже с самого порога начали поздравлять всех со счастливым днем. Многословно поздравив стариков, восседавших на террасе, вошли в комнату невесты.

Здесь что-то сосредоточенно обсуждали тетушка Ханифа и мать Фирузы — Райхан. Пришедшие горячо поздравили их, обнялись, поцеловались.

— Проходите, садитесь, милая Турсуной, и вы, доченька! — приглашала Райхан.

Заметив на лицах старух беспокойство, а в голосе их волнение, Турсуной спросила:

— Вы что-то плохо выглядите, устали или по другой причине? Где Фируза?

— Пришел Наркузи, — вместо Райхан ответила тетушка Ханифа, — какое-то неотложное дело у него к Фирузе, срочно понадобилась, ушли поговорить в сад. Пора бы вернуться, да их нет. Вот мы и беспокоимся. Что это за неотложный разговор перед самой свадьбой!

— У влюбленных всегда найдется, о чем поговорить, а у наших молодых тем более, верно, раньше не успели, не хватило времени, — засмеялась Турсуной. — Пойду приведу их! В клубе все собрались, ждут молодых.

И действительно им было о чем поговорить. Наркузи не успел еще всего рассказать Фирузе. Ему казалось, если он не доскажет чего-то своей любимой до свадьбы, до торжественного скрепления их брака, то совершит непростительный грех и всю жизнь будет укорять себя, мучиться. Получив письмо от Фирузы, Наркузи неоднократно на весах своей совести взвешивал, достоин ли он любви, сумеет ли оправдать ее доверие, и теперь, когда он убедился в этом, он не мог не рассказать ей о случае с Зулукхан в тугаях. Он пожелал порог «Дома счастья» перешагнуть безупречным и чистым. Пятно на сердце, оставшееся после провокации Мирхасила, заставило Наркузи сегодня рано утром прийти сюда.

Они не спеша прошли по саду и остановились возле арыка, где густо росла ароматная мята под старой грушей. Наркузи, то бледнея, то краснея, возмущенно рассказал со всеми подробностями случай в тугаях. По мнению Наркузи, все это заранее было обдуманно, обсуждено самим председателем и его холуями.

— Мирхасилу нужно было во что бы то ни стало опозорить меня перед вами! Да и в глазах народа, — сказал Наркузи подавленно. — Он последнее время боялся разговаривать со мной. Избегал встреч. Мы с

вами мешали ему. Возможно, он чувствовал свою вину. Но он боялся потерять власть, свой дутый авторитет, поэтому и решил действовать исподтишка. Он не рассчитывал, подсылая жену, что со мной в тот день будет старик, — продолжал возмущаться Наркузи. — А если бы со мной не было его? Выходит, подосланные свидетели разыграли бы спектакль? Нет! Я бы не допустил этого. Я бы прихлопнул их обоих... — Наркузи умолк, задыхаясь от волнения.

Неизвестно, что бы мог сделать Наркузи, если бы клеветники застали его одного. Может быть, он совершил бы преступление и вместо того, чтобы сейчас стоять на пороге счастья, был бы под следствием. А председатель в роли пострадавшего разъезжал бы с жалобами. И еще бы долго после этого продолжалось его самодурство и самоуправство.

— Чулбобо, чтобы не омрачать свадьбу, — после паузы начал Наркузи, поглаживая хрупкую руку Фирузы и глядя ей в глаза, — посоветовал мне не говорить о случившемся, но я не мог утаить это. Прости меня! Как говорится, больного выдает жар, и ты обо всем этом узнала бы потом. Но зачем потом? Может, тебе кажется, что я в чем-то винсват? Но самое главное — Мирхасил не успокоится на этом. Это была одна из многих его подлых затей. Сумеешь ли ты все это понять правильно? Если есть колебания и сомнения, еще не поздно. В «Дом счастья» нам надо прийти с чистым сердцем, уверенными друг в друге. С чистой совестью, без тени сомнения. Готова ли ты идти со мной всю жизнь рука об руку?

Фируза смущенно и взволнованно, взглядом, полным любви, посмотрела в грустные глаза Наркузи и протянула ему обе руки.

— Я навек связываю свою судьбу с вашей!

Этими словами было сказано все.

Наркузи крепко прижал девушку к сердцу, осыпая ее горячими поцелуями...

— Теперь можем идти в «Дом счастья»...

Они шли, взявшись за руки, когда им встретила Турсуной.

— Нашли время гулять! — засмеялась она. — Вас ждут, а вы прохлаждаетесь. Пора, пора!

Когда машина невесты и жениха свернула к клубу,

заиграли музыканты. На весь кишлак раздавалась ритмичная дробь бубна, протяжные звуки сурная. Саракан, подражая профессиональным танцовщицам, двигала плечами, выделывала руками сложные движения.

Увидев машину, все, словно по команде, стали в ряды по обе стороны мощеной дорожки, ведущей к входу в «Дом счастья». Замерли в ожидании.

Первым вышел Наркузи и протянул руку невесте. Небольшая группа друзей окружила машину. Несколько девушек с букетами в руках взяли Фирузу под руки. Она была в белом шелковом платье, с огромной красной розой, приколотой к блестящим косам. Парни повели Наркузи. В черном костюме, в белоснежной сорочке, под звуки традиционной свадебной музыки он шел по дорожке в тесном кругу близких друзей. Вот они переступили порог. Напротив дверей, на чисто выбеленной стене просторной комнаты, висело огромное сюзана с изображением пылающего солнца. Возле полированного стола, украшенного огромным букетом цветов, в нарядном платье стояла полная женщина — заведующая загсом. Увидев входящих, она пошла им навстречу по зеленой ковровой дорожке.

Гостям она предложила сесть, а невесту с женихом пригласила к столу и усадила в нарядные кресла.

— Поздравляю вас, желаю счастья и долгих лет совместной жизни!— сказала она.— Сейчас вы счастливы, но будьте счастливы и в будущем, любите друг друга вечно.

— Благодарим за добрые пожелания!— ответил Наркузи.

Фируза, счастливо улыбаясь, кивала в знак того, что ее мечты совпадают с пожеланиями заведующей.

У девушек запылали щеки, заблестели глаза. В эту минуту каждая из них представляла себя на месте Фирузы.

Парни не без зависти посматривали на Наркузи.

— Человек рождается во имя счастья,— продолжала заведующая, устремив свои темно-карие лучистые глаза на жениха и невесту.— Но счастье не падает с неба. Как говорится, мы сами кузнецы своего счастья. Не в одиночку, а вместе со своим народом куем мы свое

счастье. Трудно представить себя в отрыве от друзей, от родных, от сверстников. Мы сегодня видим, как уважаемые дочь и сын нашего колхоза объединяют свою судьбу. В нашем колхозе загорается еще один семейный очаг. Мы надеемся — это будет добрая семья. Мы рады, что они первыми перешагнули порог нашего колхозного «Дома счастья». С их легкой руки начинаем мы свою деятельность.

Все дружно зааплодировали.

По-видимому, заведующая загсом заранее заполнила брачное свидетельство, из ящика стола она вынула его и протянула Фирузе, дав ей ручку, чтобы она расписалась. Затем расписался Наркузи.

— Получите свидетельство вашего счастья, — сказала она, протягивая красную книжечку Наркузи. — Постарайтесь не запятнать его!

Девушки осыпали цветами невесту и жениха. Всюду — на подоконниках, на столах — появились букеты, уютная комната превратилась в цветник.

Турсуной подошла к столу и обратилась к присутствующим:

— Всех просим к восьми часам прийти в дом Чулбобо, без опоздания.

Когда сияющие от счастья жених и невеста вышли на улицу, возле клуба в ожидании их стояли молодые ребята, старики и женщины. Все они при виде новобрачных зааплодировали. Музыканты заиграли веселую мелодию. Сарахан шепнула на ухо Асальхан:

— Посмотри на Наркузи, рот до ушей, не налюбуется своей белой голубкой. Жаль, не видит пиявка — Зулукхан, гордость не позволила ей прийти!

— Не гордость, а зависть! — ответила Асальхан.

Жених с невестой сели в разукрашенную «Волгу». Пока Наркузи и Фируза регистрировались, их друзья успели разукрасить машину цветами.

Турсуной села возле шофера, молодожены сзади. Машина шла медленно. Когда они проезжали мимо председательского дома, в приоткрытой калитке мелькнуло пестрое платье Зулукхан.

Фирузе стало не по себе, она вздрогнула. Наркузи, почувствовав ее состояние, взял ее маленькие, но крепкие руки и прижал их к сильно бьющемуся сердцу.

Глава двадцать первая

Асальхан разбудило отчаянное чириканье всполошившихся воробьев. Около нее сладко спала маленькая сестренка. Множество косичек устилало подушку. Асальхан открыла глаза, но встать ей еще не хотелось. Постель матери была уже убрана. Мать встает раньше всех доить корову. На широкой деревянной тахте, на одеялах, на паласе — всюду лежали попадавшие за ночь яблоки.

Асальхан сквозь густую зеленую листву раскидистых ветвей яблони, тяжело наклонившихся над ее головой, взглянула на небо, рассветало, в далеких уголках серовато-голубого небесного простора еще мигали звезды. Одна сверкала ярче — утренняя звезда.

Говорят, у каждого человека есть своя звезда. Какая же из них звезда Асальхан? О, если бы утренняя звезда была ее звездой!

Асальхан, бережно укрыв сестренку своим одеялом, встала, подошла к арыку и, присев возле молодого деревца айвы, принялась разглядывать причудливую, отражающую утреннюю зарю, арычную рябь.

Еще только вчера в этом арыке бурлила мутная вода, а сейчас словно отстоялась, спокойно текла, прозрачная и холодная — первый признак приближающейся осени.

Асальхан умылась в арыке, но уходить ей не хотелось; долго она еще сидела, разглядывая гладь воды.

Какие незнакомые до сих пор чувства, новые, непонятные мысли приковали девушку к арычной прохладе?

Асальхан мысленно вернулась к прошедшей свадьбе Фирузы, в дом к Чулбобо. Эта свадьба не была похожа на другие, где мужчины напивались, случались скандалы, шум, крик, беспорядок за столом.

На этой свадьбе все было иначе: гостей усадили за столы, поставленные в ярко освещенном саду. Турсуной и Аширالي возглавляли торжество. Сарахан с присутствием ей умением и ловкостью с полуслова, с одного взгляда понимала Турсуной и помогала ей ухаживать за гостями. Предложение Турсуной, чтобы парни и девушки сели вместе, застало молодежь врасплох. Они

привыкли сидеть порознь. Сарахан обратилась к группе парней:

— Вы ждете, когда девушки вас пригласят? В поле вы умеете острить, так покажите свою смелость здесь!

Джигиты стали подходить к девушкам, приглашая их сесть за стол. Перед Асальхан, кокетливо протягивая руку, предстал Ильхамча. Девушка быстро отвернулась от него, делая вид, что не заметила протянутой руки. Подружки захихикали. Ильхамча отскочил, словно ужаленный, а девушки пошли к столу. Между Асальхан и ее подружкой сел незнакомый молодой человек, которого подвела и усадила Сарахан. Усаживая его, Сарахан обратилась к Асальхан:

— Не давайте скучать нашему дорогому гостю, приехавшему из Янгиера. Я вас прошу, бригадир!

— Постараемся!— ответила Асальхан.

Смущенно улыбнулся рябоватый, гладко причесанный молодой человек в светлом костюме. Асальхан сразу не узнала его, а потом вспомнила: однажды он был у них в кишлаке, катал Фирузу на мотоцикле, заезжал с нею к ним в первую бригаду. И зовут его, кажется, Шерали.

Асальхан взглянула на задумчивого соседа, но Шерали ничем не отозвался ни на девичий взгляд, ни на реплики соседей,— он был занят своими мыслями. Кажалось, он ничего не видит, ничего не слышит.

— Интересно, о чем он думает?— шепнула Асальхан своей соседке.

— О любимой, которая живет в его сердце.

— А может, о безответной любви?

— Может, он придумывает тост, а может, доклад!

По просьбе Аширали, сидевшего около новобранцев, наполнялись бокалы. Ильхамча, восседая напротив Шерали, потянулся к нему и, наполнив из графинчика его бокал розовато-красным вином, обратился к Асальхан:

— Разрешите, бригадир, поухаживать за вами: вижу, скучаете!

Асальхан, притворившись, что не расслышала его слов, спросила:

— Где ваш хозяин и милая тетушка? Почему вы не с ними?

Ильхамча с деланным безразличием ответил:

— Понятия не имею, где они...

— Хитрите!..

Аширали, сказав вступительное слово о любви и о счастье, предложил тост за молодоженов.

Асальхан, отпив глоточек, взглянула на бокал соседа: он не прикоснулся к вину, а взгляд его был прикован к Фирузе. Ее газовый шарфик сполз на лоб, щеки горели, соревнуясь с пунцовой розой, приколотой к шарфу. Полные счастья глаза она смущенно прятала. Наркузи, низко наклонившись к ней, что-то шептал.

Раздались возгласы «горько!»

Наблюдавшая за Шерали Асальхан заметила, как он побледнел. Пытаясь отвлечь его внимание, заговорила:

— Шерали-ака, вы помните, как весной приезжали в нашу бригаду?

Шерали, будто стараясь вспомнить что-то далекое, призадумался, уставясь на соседку.

— Помню,— наконец произнес он, облегченно вздохнув,— вы работаете в бригаде Наркузи? Да?

— Да, но за это время произошло много перемен, как говорится, много воды утекло.

— Много, слишком много,— с отчаянием повторил Шерали.— Говорят, Наркузи оставил бригаду и уехал в тугай, верно?

— Верно. Он оставил бригаду мне и взялся осушать болота, восстанавливать заброшенные земли. Расширить целину.

— Ах, это вы — Асальхан? Слышал о вас,— уже не безразличным тоном сказал Шерали, разглядывая худенькую, бледную соседку в пестреньком атласном платье, которая своим обликом никак не походила на бригадира передовой бригады.— Не смущайтесь, мне о вас рассказывал Иван Андреевич,— продолжал он, заметив смущение Асальхан.— Я не мог вас вспомнить, когда Иван Андреевич расхваливал вас. Теперь вспомнил: видел, видел вас в прошлый мой приезд. В поле, да?

— Не знаю, сумею ли я оправдать доверие,— ответила девушка.

— Оправдаете!— уверенно кивнул Шерали, как бы ободряя ее.— В степи всюду не хватает людей. Побольше пользуйтесь техникой, машинами, вот и справитесь.

— Каждый член нашей бригады умеет управлять машиной, мы все еще при Наркузи закончили курсы механизаторов.

— Машина — великое дело, — пробормотал Шерали, прислушиваясь к тосту молодого бравого джигита, который говорил не очень складно и часто запинаясь. Он вместе с Наркузи осваивал тугай, поэтому и предложил выпить за те участки, которые скоро зазеленеют под посевами.

Шерали на этот раз опередил Ильхамчу и наполнил бокал Асальхан.

— Давайте поддержим тост, выпьем за освоение и освоителей тугаев. Завтра я тоже присоединюсь к ним.

— Будете работать вместе с Наркузи?

— Да. Буду работать вместе, — подчеркнул слово «вместе», отчеканил он. — Каждый в степи ищет свое счастье. Вашему бригадиру повезло, он нашел свое счастье. Сумеет ли он оценить сго? Мало таких девушек, как Фируза. Я очень хорошо знаю ее. Настоящий человек, большой друг.

— Мы тоже полюбили ее.

Они не заметили, как к ним подошла Райхан. Она положила руки на плечи Шерали.

— Очень приятно мне видеть тебя сегодня, сынок. Спасибо, уважил ты нас, приехал. Мечтаю теперь на твоей свадьбе погулять!

— Спасибо, тетушка.

После того как Райхан отошла, Шерали забеспокоился, стал делать какие-то знаки, глядя на Аширали. Заметив беспокойство соседа, Асальхан спросила:

— Вы хотели поздравить?

— Сперва послушаем старших, наших аксакалов, а потом, если разрешат... — ответил он, увидев поднявшегося с места Ивана Андреевича.

Асальхан заволновалась: «Что же скажет Шерали? Не выдаст ли свою обиду? Не упрекнет ли Фирузу? Не заденет ли Наркузи?»

Шерали дали слово сразу после Ивана Андреевича. Он заговорил заметно дрожащим голосом:

— Я на этом счастливым торжестве являюсь представителем наших однокашников. Всем вам известно, что мы с Фирузой вместе учились. Весь наш курс ува-

жал ее. Всех нас покоряла ее доброта, большое благородное сердце, принципиальность. Мужество и бесконечное упрямство, где это требуется. Целеустремленность. Все ее сокурсники — друзья, в том числе и я, рады и от всего сердца поздравляем ее, желаем ей счастья, больших успехов, удач в работе. Надеюсь, что Наркузи и в работе, и в личной жизни будет ее опорой, другом и заботливым, чутким мужем, который по достоинству оценит ее любовь. Пусть их жизнь будет похожа на этот волшебный сад, где мы сейчас закрепляем союз двух молодых сердец. От всех наших сокурсников передаю вам небольшой подарок.

Шерали взял маленькую зеленую коробочку и направился к новобрачным. Положив коробочку перед Фирузой, он чокнулся с ней и с Наркузи.

Когда Шерали отошел, Турсуной, сидевшая рядом с невестой, достала из коробочки часики с браслетом и надела на руку Фирузе.

Музыканты заиграли веселую мелодию, молодежь пошла танцевать.

Шерали шел, словно не по земле. Сев на свое место, он ничего не видел и не слышал. Опомнился только, когда Асальхан толкнула его локтем и сказала:

— Оказывается, вы хороший оратор, Шерали-ака!

После веселого вечера небольшая группа парней и девушек на машинах проводила невесту в дом жениха. Среди парней не было Шерали. Если бы он поехал, Асальхан непременно увидела бы его.

После полуночи Асальхан с провожающими ее подружками вернулась домой. Но даже много дней спустя в ушах у нее звучала музыка, слышались тосты, пожелания...

Сидя у арыка, Асальхан предавалась воспоминаниям, и перед ней в арычной воде вставал образ Шерали...

Наконец она поднялась, подошла к буйно цветущей мяте, сорвала веточку и заткнула за ухо. Чему-то улыбаясь, вошла в комнату. Последнее время ей редко удавалось ночевать дома. Обычно и сама она и все девушки из ее бригады ночевали на полевом стане.

Она подошла к зеркалу. Долго разглядывала свое широкое лицо с загорелыми, румяными щеками, темными глазами, обрамленными пушистыми ресницами.

Погладила черные, заплетенные в две тугие косы, волосы. Опять вспомнила Шерали...

Со двора послышался голос матери:

— Асаль, Асаль, где ты? Иди пить чай!

Девушка, быстро переодевшись, вышла во двор. Начала было о чем-то рассказывать, но вдруг умолкла, призадумалась.

— Что это ты, доченька?— забеспокоилась мать.— Головка, что ли, болит?

— Нет... Много всяких дел у меня сегодня. Пойду сейчас в правление по поводу аванса...

— Пойди, пойди,— согласилась мать, испытующе вглядываясь в грустное лицо дочери.— Говорят, многие колхозы уже перешли на зарплату. Когда наш колхоз начнет получать?

— Раз другие получают, значит, и у нас скоро будет.

После завтрака Асальхан снова зашла в комнату. Почему ей сейчас захотелось хорошо выглядеть? Переплела косы. Примерила несколько косынок и выбрала голубую. Хотела было идти в правление, но решила сначала заглянуть к себе на полевой стан.

Там все было в порядке, работа кипела.

— Продолжайте чеканку,— сказала Асальхан, обращаясь к членам бригады,— а я схожу в правление за авансом. Постараюсь управиться к обеденному перерыву.

На площадке возле колхозного правления сверкала красной полосой милицейская машина.

Незнакомый человек, стоявший у дверей, не пустил Асальхан в бухгалтерию:

— Идет обыск!

— Разрешите пройти к председателю,— попросила она и хотела было пройти в соседнюю дверь, но и та оказалась закрытой.

— Председателя нет!— сказал тот же человек.

Асальхан направилась в партком. У Турсуной в кабинете сидели несколько бригадиров. Она кивнула Асальхан, предлагая присесть. Вероятно, и другие бригадиры пришли за авансом.

Парторг объяснила им происходящее: народные контролеры сигнализировали о проделках и воровстве Ильхамчи.

Но когда приехали из милиции, Ильхамчи и след простыл. Он исчез. При свидетелях вскрыли сейф и обнаружили поддельные ведомости на авансы за трудодни, фальшивые расписки на пятьдесят тысяч рублей.

— Никуда не денется, найдут этого прохвоста, — уверенно сказала Турсуной.

— Взыщут с него краденое, заставят вернуть деньги, не смог же он их все проглотить. Закончится проверка, все вы получите авансы.

Когда бригадиры вышли от парторга, возле дверей бухгалтерии уже никого не было, в кабинете председателя тоже было пусто, нигде ни единой души.

На сейфе висело несколько сургучных печатей. Возле колхозного правления собралась толпа: люди о чем-то переговаривались, спорили.

Оказывается, исчезли Зулукхан и горбун Халмат.

Асальхан не спеша по большаку направилась к левому стану своей бригады.

Вдруг позади стал нарастать какой-то грохот и ляг. Отскочив к обочине дороги, она оглянулась.

Сотрясая воздух шумом и грохотом, по дороге шел караван длинношеих, величественных экскаваторов. Плыли приземистые бульдозеры, за ними — гусеничные тракторы и скреперы.

Над кабиной переднего экскаватора развевался красный флажок.

Когда экскаватор с флажком приблизился, Асальхан в кабине увидела знакомое лицо, ее тоже узнали, высунувшись, помахали рукой.

Асальхан, отвечая взмахом руки, крикнула:

— Счастливого пути вам, Шерали!

Асальхан долго стояла на обочине дороги, провожая взглядом удаляющийся караван и прислушиваясь к шумной симфонии мощной техники. Ей чудилось: среди мощных аккордов звучит, словно флейта, новое чувство, зародившееся на том свадебном вечере в ее девичьем сердце.

Глава двадцать вторая

Расширенное заседание в управлении оглушило Мирхасила. Никто ни единым словом не выступил в его защиту. Все выступавшие бригадиры, члены правления и колхозники критиковали и осуждали его.

Подсчитанные Фирузой потери от запущенных ту-гаев составили огромную цифру. Мирхасил опустил голову и крепко призадумался.

Колхоз действительно понес огромные убытки от хищнического истребления освоенных земель. Мирхасил, казалось, понял наконец глубину своих ошибок. С него слетела спесь, он уже не пытался отстаивать свою точку зрения: «Важно выполнить план, выполнить любым способом, любыми путями». Не бил себя в грудь, твердя: «Я прославил колхоз на весь Союз, берите пример с меня!»

Покачнулась земля под ногами председателя, ему оставалось только признать свои ошибки.

Но Мирхасил попытался вылезти из воды сухим. Решил замести следы, послав Ильхамчу и Халмата по следам преступлений, чтобы они, опередив других, успели уничтожить улики, словно он предвидел предстоящие разоблачения и обвинения. Вчера Ильхамча и Халмат доложили хозяину, якобы всюду наведен порядок.

— Комар носа не подточит! Улик нет! — заверили они.

Но председателя по-прежнему беспокоили ведомости с поддельными подписями, их нельзя было уничтожить. А если эти ведомости проверят, вся ложь всплывет на поверхность. Председатель не забывал и о том, что, кроме документов, существуют живые люди — свидетели. Поддельные фактуры, расписки можно вовремя уничтожить, но люди останутся. Разве на ферме никто не видел, как председателю увозили баранов? Не знали, что среди колхозного стада нагуливали жир собственные бараны председателя? Разве садоводы не видели, куда тоннами увозили фрукты? Разве ташкентский особняк, обставленный дорогой мебелью, не доказательство всех этих махинаций? Бригадира Наркузи не удалось оклеветать. Не смог Мирхасил очернить его, разыграв комедию, и отвлечь внимание людей на поведение бригадира, а тем временем замести следы. Наоборот, если раскроется правда, если выяснится, кто придумал опорочить передового колхозника, у людей появится новый факт, обнажающий грязную душу Мирхасила.

Все это заставило его задуматься, взвесить тяжесть своих поступков и ошибок. Председатель еще не знал,

что документы, ведомости, разоблачающие жульничества, уже изъяты органами милиции по сигналу народных контролеров. Он знал только, что сейф в бухгалтерии опечатан, но верил словам своих дружков, якобы опасных улик там нет.

Любой человек в такие тяжелые минуты, если в нем осталась хотя бы искорка совести, спросил бы себя: «Кем я был? Кем я стал?» Мирхасил пытался вспомнить, как все началось: Ташкент, скромный дом в махалле Бешагач и деятельный, неугомонный, шумный, настойчивый молодой Мирхасил. Он был еще слаб тогда, как комар, но его несмолкаемое жужжание производило впечатление, привлекало к себе внимание. Не всякий выдерживал его укусы. Какому-то чиновнику, перед которым Мирхасил выслуживался, понравился этот неутомимый, деятельный комар. Комар взлетел, дал ему дорогу. Комар превратился в муху. Из мухи — в жука. Этот «золотой жук» избрал себе пристанищем Голодную степь. Завладел раздольем садов, насладился дарами степных земель, но его комариная суть не изменилась. Многих невинных людей он ужалил, из многих высасывал кровь и здоровье.

Однако доля Мирхасила на этом поприще была ничтожна в сравнении с размахом Зулуки. Используя положение мужа, она везде ловко козыряла его именем.

Мирхасил уже не раз думал: «Что случилось со мной? Любовь ослепила меня? А что такое любовь? Зулукхан любит меня или не меня, а мое председательское звание? Может быть, мои деньги?»

Эти мысли сплетались в голове Мирхасила в какой-то клубок, и распутать их он не мог. Наоборот, клубок становился тяжелей: вспомнились подложные ведомости, составленные Ильхамчой. Пачки денег в крупных купюрах, которые каждый раз в черной лакированной сумочке Зулука увозила в Ташкент. Все это крутилось перед глазами председателя как приговор, написанный черными чернилами.

Не доезжая до кишлака, он вышел из машины и, приказав шоферу ехать в гараж, побрел пешком.

Первый раз со дня приезда в Голодную степь решил Мирхасил пойти в колхоз пешком. У него, как говорится, «душа разрывалась на мелкие части». Он решил

остаться сам с собой, поразмыслить, прикинуть, взвесить, распутать клубок.

Он шел вдоль арыка, густо обсаженного деревьями. Летняя жара спала. Вечерние сумерки принесли труженикам прохладу и отдых. Во всех дворах дымились очаги, слышался запах жареного мяса с луком, только что испеченных лепешек.

Мирхасил шел, низко опустив голову, словно потеряв что-то.

Вдруг веселый девичий смех заставил его поднять голову. Он встрепенулся. Шедшие ему навстречу молодая девушка и парень, увидев председателя, шарахнулись в сторону, причем председатель заметил, как парень что-то шепнул девушке и они засмеялись.

Мирхасил замедлил шаги, подумалось: «Почему люди избегают меня? Неужели я внушаю им страх?»

Приближаясь к правлению колхоза, Мирхасил увидел стариков, стоявших на площади, насторожился. «Что за сборище поздним вечером?» Подойдя ближе, он приостановился за толстым стволом коренастого дерева и прислушался.

Один из стариков говорил горячась, громко:

— И все это за счет народного кармана. Трудились, трудились, а для кого?

— Председатель, конечно, поплатится за это!— вставил другой.— За все рассчитается. Не мог же он не знать проделок Ильхамчи?

— Рука руку моет, вся стая грызла одну кость,— пробасил человек на костылях.

— Надо взять за шиворот Ильхамчу, это он...

— Ильхамча... Ильхамча,— рассердился кто-то.— Он не такой дурак, чтобы ждать. Ищи ветра в поле. Он теперь далеко...

— Говорят, он не один удрал, а с председательшей, нашей милой хозяйкой, да со своим верным сподвижником — Халматом!

— Куда они денутся? Далеко не уйдут...— пробасил инвалид на костылях.— Небось председатель знает, куда они скрылись: одна шайка.

— При обыске председателя не было. Он, говорят, находился в управлении.

— Как же так? А его еще не сняли?

— Не сняли, так снимут. Нам таких не надо.

У Мирхасила зазвенело в ушах, подкосились ноги, обмякло все тело. Он устало попятился назад. В темном месте пересек улицу и чуть ли не бегом кинулся в настежь открытые ворота своего дома.

В гараже возле машины суетился шофер. Мирхасил, подбегая, крикнул:

— Где хозяйка, где все?

Шофер растерянно застыл на месте, не понимая, что случилось с председателем.

Тяжело дыша, Мирхасил вошел в сад. Ни души. Вбежал на террасу — пусто. Все двери — настежь. Переходя из комнаты в комнату, он звал жену:

— Зулукхан, о Зулукхан, где ты?

Он испуганно смотрел на раскиданные по дому вещи. В спальне раскрыта крышка сундука, на полу валяются какие-то тряпки. Дрожащими руками полез он на дно сундука и извлек оттуда футлярчик. Он облегченно вздохнул. Она оставила ему пистолет. Как быть? Что предпринять? К кому обратиться, кому излить душу?.. Как пережить такой позор? Позор! Он готов был кричать на весь кишлак.

«Есть выход. Можно избавиться от позора, — вдруг промелькнула мысль. — Одна пуля...»

Мирхасил, проверив заряд, подошел к зеркалу. В зеркале отразилась его тучная фигура, облысевшая огромная голова, мертвенно-бледное лицо, потные руки с заряженным пистолетом. Ему стало жаль этого человека, отраженного в зеркале. «Так легко покинуть мир! Я уйду, а Зулукхан, которая довела меня до этого позора, останется... Останется с Ильхамчой, будут кутить на мои деньги... Халмат им прислуживать... Нет! Нет, не бывать этому... Надо их наказать! Пусть и они отвечают, наглецы; пусть и она, коварная потаскушка, расплачивается... Пусть все мы вместе понесем наказание».

Он побежал в гараж. Увидев шофера, скомандовал:

— В Ташкент, скорее... За поворотливость премирую. Давай скорее!

Шофер быстро вывел машину и нажал на стартер. Не закрыв за собой ворот, поехали.

Никогда Мирхасилу не казалась такой длинной дорога из степи в Ташкент. То и дело он поторапливал шофера, покрикивал на него.

Наконец миновали Зангиату. Засверкали огни Эркина. Позади осталась ташкентская товарная станция с отдувающимися тепловозами.

Когда председательская «Волга» въехала в город, время приближалось к двенадцати часам. На улицах было пусто и тихо.

Словно ветер, неслась машина по широким городским мостовым, нарушая правила уличного движения. То и дело вслед им раздавался милицейский свисток. Шофер не останавливался, не сбавлял скорость.

Машина резко затормозила около городского особняка Мирхасила. У самых ворот стояло такси. Мирхасил подошел к машине и заглянул внутрь. Шофер такси, облокотившись на баранку, крепко спал.

Мирхасил вошел во двор. Всюду было темно, только в крайнем окне тускло горел свет. Крадучись, он поднялся по ступенькам, но дверь оказалась закрытой. Он открыл окно и проник в темную комнату, а через нее прошел туда, где светилась лампочка. Там шел горячий спор.

— Что тебе Мирхасил? Дом — на твое имя. С тебя взятки гладки. Скажешь, построила на свое приданое, оставшееся от покойного отца, и баста!

Горбун хотел было еще что-то сказать, но увидел на пороге Мирхасила. Ильхамча по привычке вытянулся в струнку. Зулука собралась было с распростертыми руками кинуться обнимать мужа, но, увидев в его руках пистолет, закрыла глаза и присела на пол.

Мирхасил хмуро сказал:

— Проиграли мы с вами, негодяи! Наши карты биты. Собирайтесь, выходите. Объявимся. Не забудьте захватить все ценности!

Молча, как во сне, двигались они, переставляя из угла в угол какие-то мешки, чемоданы, узлы.

А лампочка, покачиваясь на длинном шнуре, горела тускло, словно готовая вот-вот погаснуть.

Глава двадцать третья

В управлении кипела работа. Если бы сутки состояли не из двадцати четырех, а из сорока восьми часов, пожалуй, и тогда Аширали не хватило бы времени.

Запоздалая, дождливая весна нынешнего года во всем давала о себе знать. Обильные ливни измотали не только тружеников полей, но загубили посевы и надедали много бед в оросительной системе. Вся надежда возлагалась на лето. Если за быстрые летние месяцы удастся наверстать упущенное, можно будет рассчитывать на урожай.

В управлении, кроме общей карты колхозно-совхозных земель, появилась новая — с посевными площадями каждого колхоза и совхоза в отдельности. Вскоды на каждом участке здесь отмечались красными флажками, напоминая фронтовую карту командира.

Конец августа — последний рывок в борьбе за урожай. В эти горячие дни выяснилось, что на многих участках не хватает людей. Не везде полностью используется техника.

Аширали и другие руководители управления часто выезжали на отстающие участки. Иногда им приходилось оставаться там неделями, пока не налаживалось дело.

Вот и сегодня после долгого отсутствия Аширали наконец вернулся домой. Турсуной сидела на террасе около настольной лампы и читала. Увидев на пороге мужа, она кинулась ему на шею и принялась целовать обросшее лицо, усталые глаза, словно не видела его год.

Аширали, обнимая жену, спросил:

— Дети спят?

— Только что уснули. Заждались тебя.

Аширали на цыпочках прошел в комнату, постоял около детских кроваток, потом вернулся и сел рядом с женой на диван.

— Почему так долго? Где был?

— С канала я тут же уехал в колхоз «Красный Восток», — начал рассказывать Аширали, положив руку на плечо Турсуной. — Посевные поля покрылись солончаком, а кое-где уже пробился камыш. Проглядели. Пришлось мобилизовать народ. Занялись очисткой. Срочно начали рыть дополнительное русло канала, чтобы отвести соли. Кажется, спасли урожай, но на тех участках надо глядеть в оба. Это все результат того, что прошляпили осеннюю вспашку, зимний полив оказался недостаточен, землю не промыли. Понадеялись

на снег, а зима выдалась бесснежной, не было талых вод... Ну, хватит об этом. Ты мне расскажи, как у тебя? Что нового в кишлаке?

— Новостей особых нет. Тройка по-прежнему находится под стражей. Кажется, еще при тебе Мирхасил уехал в город,— припоминая, она стала считать по пальцам.— Да, при тебе. Вот уже неделя. Еще не вернулся. В управлении мне помогли. В банке получила пятьдесят тысяч рублей, раздала аванс. Пришлось мне подписывать документы. Попросила тетушку Ханифу, она была за кассира. Во всем и всюду чувствуется отсутствие председателя. В самую горячую пору... Надо срочно принять меры. Нельзя так дальше...

— Знаю... Понимаю,— задумчиво сказал Аширали.— Виноваты мы сами: распустили мы его. Слишком доверчиво к нему отнеслись, а он воспользовался этим. Вместо того чтобы контролировать работу бухгалтера и кассира, он сам оказался в их сетях. Ненасытная Зулука ловко опутала их всех, втянула и его. Ильхамча признался следователю, что он с согласия председателя составил подложные ведомости, а деньги отдал Зулуке. Он трусливо сваливает все на председателя и Зулуку. Прикидывается покорным дурачком, а сам поступал по поговорке: вместо волос снимал голову, не забывая при этом и себя.

— Ну и дела!— воскликнула Турсуной.— Воры грабили нас среди бела дня, а мы считали, что все в порядке.

— Грабили, попались. Разберемся, виновных накажем,— спокойно продолжал Аширали.— Ты сама знаешь, раньше чуть что, председатель уезжал в райцентр или облцентр, там его поддерживали как выдающегося деятеля. Сигналы наши оставались без внимания. А наши колхозные собрания ты же помнишь... Разве он давал кому-нибудь открыть рот? Своевременно, очень кстати появились народные контролеры. Народ быстро выявил «амбарных крыс». И теперь председатель ищет дружков, чтобы с их помощью замести следы. Но ему никто уже не поможет. Говорят, он всюду там обивает пороги, добивается, чтобы особняк отдать государству под детский сад или ясли. Но там не торопятся: хотят сперва разобраться, откуда у него взялся этот особняк.

— Что же, очень хорошо. Многие матери пойдут работать, — засмеялась Турсуной.

— Нет, ты не права, — прервал Аширали. — Дом построен за счет нашего колхоза. Мы и возьмем его себе, своему колхозу. Правильную мысль подала Фируза: там будет общежитие нашей молодежи, которую мы посылаем на учебу в Ташкент. Мирхасил сам себя разоблачает тем, что ходит и предлагает свой дом. Теперь дело не в том, как он там разоблачается; дело в том, как он докатился до этого, — вернулся к своей первоначальной мысли Аширали. — Как мы-то все это проглядели... Его поведение — это отголосок времен культа личности. Мы раболепствовали перед его дутым авторитетом, хотя и видели, когда его сообщники-карьеристы наносили вред колхозу, хотя все его махинации были у всех на глазах. Дорого же он нам обошелся. Если бы мы вовремя его одернули, он перестал бы носиться со своей персоной, меньше бы чванился, считался бы с народным мнением. Но, к великому сожалению, мы год за годом терпели всех этих карьеристов, ухитрившихся втереться в доверие к руководству.

Аширали взял книгу «Битва в пути», которую читала Турсуной.

— Красивое название у этой книги, — заметил он, перелистывая роман. — А мы у себя в колхозе эту битву начали с опозданием, но хорошо, что все же начали. Наш народ борется с отдельными личностями, противопоставляющими себя народной массе. Эти личности пренебрегают мнением народа. Смотрят на него свысока. Выслуживаются перед своим начальством, всеми правдами и неправдами набивают себе цену, раздувают свой авторитет, а тем временем скатываются до нашего Мирхасила, исподволь расхищают государственное добро, рассчитывая на свою безнаказанность. По их мнению, они должны только приказывать, распоряжаться, а подчиненным надлежит выполнять эти распоряжения и ни в коем случае не вникать в суть того или иного приказа. Если же кто-либо осмеливался критиковать их или высказывать свое мнение, тот обвинялся в антипартийности, антинародности своих убеждений и тому подобное. Во время культа такая форма насилия превратилась в систему. Партия нанесла сокрушительный удар по бесчинству, по несправед-

ливости, по бюрократизму. Но пока кое-где еще остались пережитки тех времен. Такой и наш Мирхасил, и виновата в этом наша мягкосердечность. Многие из них, хоть и понимают, что их корабль идет ко дну, все еще надеются на некий Ноев ковчег, надеются доплыть до твердого берега. Вот и Мирхасил ищет себе пристанища. Но мы должны сделать так, чтобы он до конца почувствовал свое крушение. Дело не только в том, что он присвоил народное добро. Все, что он присвоил, все до единой копейки мы заставим его возвратить народу. И ташкентский особняк, и здешний дом вместе со всеми золотыми рыбками, и машину он вернет колхозу. Это материальная сторона. А как быть с моральной? Это трудно. В первую очередь мы должны подумать об этом. Такие Мирхасилы, разжиревшие за счет народа, затуманивали мозги людям, морочили им голову, старались восстановить давно похороненный нами строй — хозяина и слуги. В свое время мы крепко ударили по этой идеологии и теперь не должны ослаблять своей борьбы, надо быть беспощадным к остаткам прошлого. Сегодня от нас этого требует партия, это подкашивает наша совесть. Мирхасил растоптал доверие народа! — Аширالي уже не мог сидеть спокойно и быстро зашагал по террасе. — Где справедливость? — Он нервно размахивал кулаком, словно обращаясь к кому-то в темном дворе. — Где истина, где правда? Где были глаза у нас, у коммунистов? У колхозников? Близорукость! Я колхозный парторг, коммунист, прошел через всю войну, а тут почему молчал? Почему не кричал во всю глотку? Ведь я давно подозревал его в нечистых делах. Мне давно не по душе было его панибратство с Ильхамчой. Все мы от мала до велика догадывались об их темных делах, но ни у кого из нас не хватило смелости высказать ему в лицо все, что мы думали о нем. А ведь это он под видом выполнения плана толкал нас на показуху.

Турсуной, пытаясь успокоить мужа, подошла к нему, обняла.

— Давай-ка лучше попьем чайку! Мне надо кое о чем рассказать тебе.

Она подвела его к столу, усадила, принесла чайник, принялась накрывать на стол. Закончив, села напротив.

— Как вовремя организовали мы «Дом счастья», — рассмеялась Турсуной. — Теперь работы там хоть отбавляй. Вчера регистрировались две пары, завтра намечаются еще две свадьбы. Хадича из первой бригады вышла замуж за Мирфаиза из второй бригады. А хромой Махмуд из гаража женился на Гульсум. Приходили, очень просили завтра быть. А теперь очередь за Асальхан.

— Наш бригадир выходит замуж?

— Да!

— За кого?

— Не поверишь своим ушам, — засмеялась Турсуной. — Если не обмануло меня мое женское чутье, то за Шерали.

— Да что ты? За того самого Шерали...

— Да, да, за механизатора Шерали, — с гордостью подтвердила она, словно все делалось с ее помощью. — Вчера я ездила в тугай, отвозила людей Наркузи. Теперь у него в бригаде восемнадцать человек. И вот там я увидела Шерали. Все пустыри там уже перекопаны. Вчера должны были закончить канал. Шерали оказался очень энергичным парнем, всякое дело у него спорится, — неспроста Иван Андреевич забрал его к себе. Знал, кому поручить технику. Чулбобо там с ними.

— Наверное, поучает ребят, ворчит? — оживился Аширали.

— Нет, подсчитывает, сколько саженцев понадобится для будущего сада. Собирается съездить в Ташкент в Шредеровский питомник, там ему обещали черенки каких-то заморских растений.

— Значит, Наркузи с Шерали в хороших отношениях, если дела у них идут ладно и складно?

— Вежливы и почтительны друг с другом. После обеда мы там выпустили первую стенную газету, назвали ее «Цветник». Вечером со мной собрался Чулбобо, мы уехали вместе. По пути встретили Асальхан. Я удивилась, остановила машину, подозвала ее. Она смутилась, растерялась, не знала, куда деть узелок. Краснея и запинаясь, пробормотала: «Спешу в тугай, заждался, наверное...» Спрашиваю: «Кто?» — «Экскаваторщик». Говорю ей: «Там их много». — «Вы знаете, догадываетесь!» — отвечает и, словно куропаточка, засеменяет к тугаям, прижимая к груди шелковый узелок.

Аширали рассмеялся:

— Молодец, на высоте поставлена у тебя работа с молодежью. Ты начала свою деятельность секретаря партийной организации со свадеб, надеюсь, и дальше ты не снизишь темпы, всех переженишь и поведешь замуж. Вижу, оправдалась твоя затея с «Домом счастья». — После небольшой паузы Аширали задумчиво продолжал: — Хорошие люди у нас. С большим сердцем, с доброй душой. Каждый из них — богатейший клад. Но к каждому надо подобрать ключи. Человеческое сердце подобно тонкострунному рубабу. Если с любовью, бережно к нему прикоснешься пальцами, услышишь волшебную песню о большой любви, о преданности, о верности. Особенно нам, партийным работникам, нужно бережно относиться к каждому сердцу, пусть оно всегда считает нас своей опорой, пусть расцветает, пусть радуется обильным урожаем своих успехов. Ты права, моя милая, надо выслушать каждого, понять, помочь. Протяни им руку, возглавь их свадьбы. Пусть наша степь славится не только изобилием, но и личным счастьем жителей. Ты согласна с этим?

— Я не узнаю тебя, Аширали, ты, оказывается, у меня поэт!..

* * *

Когда Аширали пришел утром в управление, Мирхасил уже ждал его. Увидев Аширали, он протянул ему руку:

— Я к вам.

— Пожалуйста.

Они вошли в кабинет и сели за стол друг против друга. Аширали, уставший от событий последних дней, подумал, что Мирхасил пришел рассказать ему о своих делах в Ташкенте, или о следствии, или о сообщниках, взятых под арест. Он вопросительно посмотрел на Мирхасила. Но Мирхасил сидел спокойно. Он за эти дни побледнел, глаза ввалились, но, как всегда, он был чисто выбрит, надушен. На нем были отглаженные галифе, свежий китель, до блеска начищенные сапоги. Он сидел величественно и молча.

Наконец Аширали нетерпеливо спросил:

— Я вас слушаю! По какому вопросу вы ко мне?

— Гм... кресло изменяет людей,— пробурчал Мирхасил, ослабившись и хитро щурясь на Аширали.— Вы со мной разговариваете не как односельчанин, а как посторонний человек. Вы, дорогой мой, забыли, что мы с вами из одного колхоза, что это ведь наш колхоз вырастил и воспитал вас. Не следовало бы вам так быстро забывать об этом!

Упрек Мирхасила возмутил Аширали, и он чуть было не ответил резко и строго, но, быстро взяв себя в руки, спокойно сказал:

— Я хорошо помню, где родился и вырос. Я по сей день живу в своем родном колхозе. И кто меня растил — тоже помню, и что делается в моем родном колхозе — тоже хорошо знаю.

— Говорите, все знаете, а выходит, кое-что запамятовали,— возразил Мирхасил, поглаживая покрасневший кончик носа.— Раз уж вы запамятовали, разрешите вам напомнить: ровно через две недели, пятого сентября, вашему покорному слуге исполняется пятьдесят лет. Двадцать из них ушли, вернее, были принесены в жертву во имя процветания колхоза «Радостный труд», отданы его людям, его успехам, его славным делам. Сделаете ли вы мне достойный юбилей, пышный или поскромнее — дело ваше, решайте сами! Чистосердечно говоря, я и в Ташкент поехал по этому делу. Поставил в известность вышестоящие организации.

Аширали быстро раскусил хитроумный замысел Мирхасила — шумным юбилеем заслонить все свои проделки. Пристально и строго глядя на него, Аширали отчеканил:

— Ни пышного, ни скромного юбилея справлять не будем!

Холодные глаза Мирхасила сверкнули.

— Почему? Разве не заслужил? Или я перешел вам дорогу? Никто не дает вам права вычеркивать из моей жизни двадцать председательских лет. Народ помнит мой труд!

— У народа есть и весы. Необыкновенные весы,— перебил его Аширали, воспользовавшись его ссылкой на народ.— Весы народа — это весы самые точные. Недаром они называются весами справедливости. Если труд, потраченный вами на благо народа, положить на одну чашу весов, а на другую — ваше самодурство,

вазнайство, всякие денежные махинации и прочие грязные проделки, эта черная чаша весов перетянет.

— Какие грязные проделки?!— хрипло, задыхаясь, воскликнул Мирхасил.

— Когда вы вернулись из Ташкента?— вместо ответа спросил Аширали.

— Ночью,— несколько растерявшись, ответил Мирхасил.

— Выходит, вы многого еще не знаете! Вам, наверное, кажется: если вы привезли в милицию своих сообщников, этим искупаются ваши все грехи? Вы думаете, что с вас снята вина? Что этим вы обелили себя перед народом? А?— испытующе глядя на него, спрашивал Аширали.— Ваша жена, Ильхамча и Халмат сваливают всю вину на вас. Они говорят, что бараны, привезенные с фермы, резались на ваших банкетах. Деньги, взятые из кассы по поддельным ведомостям, ушли на постройку вашего городского дома. Деньги от продажи колхозных фруктов вы единолично тратили на угощения, пирушки, увеселительные поездки с друзьями, на курорты и на подарки начальству. Так они говорят. А коммунисты колхоза вас обвиняют в нарушении колхозной демократии, во многих злоупотреблениях. Я мог бы еще многое напомнить, но вы сами хорошо знаете свои дела. Теперь подумайте сами, стоит ли вам справлять юбилей?

У Мирхасила еще больше побагровел кончик носа. Разжав кулаки, вытирая со лба капли пота, он прохрипел:

— Так, так... Воспользовавшись моим отъездом, вы тут постарались покопаться в моих делах? Но нет! Не пройдет вам этот номер! Все ваши упреки недостоверны, бездоказательны. Свою жену, которая без моего ведома строила на свое имя дом в Ташкенте, растратчика Ильхамчу и их сообщника Халмата я сам разоблачил и собственноручно сдал в милицию. Свою собственную машину, и дом, и сад я отдал колхозу. Разве меня заставляли? Нет, я сам, своим умом дошел до этого. К ведомостям я не имею никакого отношения. Кто их составлял, пусть тот и отвечает. Не скрываю, пользовался урожаем колхозных садов, брал баранов с фермы, но для чего? Для себя лично? Нет! А другие председатели принимают гостей, думаете, не за счет

колхоза? Может, за счет своего кармана? Гости приехали в колхоз, а не ко мне. Все вы извлекаете грязь из-под ногтей. Возможно, мое место потребовалось кому-то другому! Если тебе — возьми! Если уступлю, успокойтесь?

Мирхасил соскочил со стула, нервно переминаясь с ноги на ногу. Затем, откашлявшись, продолжал:

— Нет, я не буду молчать. Поеду в Ташкент. Поеду в Москву. Буду жаловаться...

— Никуда вы не поедете, — улыбнулся Аширали. — Все, кто мог бы выслушать ваши жалобы, к кому вы могли бы апеллировать, сняты со своих постов. У нас в Союзе сейчас полностью восстановлены ленинские законы.

Мирхасил, размахивая сжатыми кулаками, захрипел:

— Я напишу жалобу на тебя! Проучу тебя! — и кинулся вон, изо всех сил хлопнув дверью.

Аширали спокойно остался сидеть за столом. Он думал о силе и могуществе народа, о недавнем самоуправстве распоясавшихся самодуров, об их ничтожестве сегодня. Он радовался торжеству правды!

Глава двадцать четвертая

События последних дней тяжелым камнем легли на сердце Фирузы. Едва-едва залатали, залечили потери, причиненные проливными дождями запоздалой весны и добились хороших всходов, как пришлось снешно готовиться к новым трудностям: синоптики сообщили, что надвигается ранняя осень.

В ушах Фирузы еще звучат слова упрека, которые сказал председатель на последнем заседании в управлении: «Вы много говорите о перспективном плане, подсчитываете убытки колхоза. Лучше подумайте о судьбе урожая этого года. Вы отвечаете за него. Как бы вы не упустили синицу из рук, ловя журавля в небе!»

Лето еще не кончилось, а небо уже хмурилось, раньше времени стали осыпаться листья с деревьев, сдуваемые холодными ветрами.

Фирузе захотелось посоветоваться с Наркузи, из-

лить перед ним душу, поделиться мыслями. Она решила дождаться его на перекрестке и вместе пойти домой, чтобы по пути рассказать все новости дня.

Она вышла из своего кабинета и отправилась в колхозный сарай, расположенный на этом перекрестке. Там она проверила отремонтированные и приготовленные к сбору двенадцать хлопкоуборочных машин, стоящих под навесом. Их высокие бункера почти соприкасались с потолком. Голубая краска блистала под лучами электрической лампы. Сторож Ахмад-бабай спросил ее:

— Когда вы их пустите на поля?

— Недельки через две, отец!

— Богатыри наши! — протянул старик, ласково глядя на машины. — Каждая из них соберет нам сотни по полторы тонн хлопка. Соберем, а? Сколько всего-то они должны собрать?

— Всего тысячу восемьсот тонн. Половину всего урожая. Может, и все две тысячи соберем, смотря по тому, как справятся механизаторы, — ответила Фируза, поглядывая на большак.

Сторож, словно ребенка по головке, поглаживал голубой буфер.

— Додумались же — одной машиной заменить тысячу рук! Вот это да!

Но помрачнев, почти шепотом спросил:

— Правда, доченька, что Халмата арестовали?

— Правда, — ответила Фируза, не отрывая взгляда от дороги. — У него нашли сорок тысяч рублей, запрятанных в стене.

— Оббо, горбун! — воскликнул сторож, размахивая рукой. — Что же это он, собирался деньги прихватить с собой на тот свет?! Два вершка от земли, а размах, как у великана... Сорок тысяч... — Старик, уловив обеспокоенный взгляд Фирузы, спросил: — Не муженька ли ждешь, доченька?

— Да!

— По-моему, он перед твоим приходом промчался на мотоцикле с незнакомым человеком.

— Ну, если так, побегу домой. Спасибо, что сказали. Вы, пожалуйста, берегите машины, не пускайте сюда посторонних, — предупредила она, выходя из-под навеса.

— Не беспокойся, доченька, не беспокойся, буду беречь, не спуская глаз!

Во дворе возле очага суетилась Зумрад-биби, Фируза подошла к ней, желая помочь.

Увидев сноху, та недружелюбно проворчала:

— Думала, сын женится, освобожусь от хлопот, а получилось наоборот. Тебе, милая сношка, пора уже понять, что у тебя есть муж. Надо его встречать дома обедом.

— Я же на работе. Сейчас горячая пора,— ответила Фируза, но Зумрад-биби перебила:

— Наркузи теперь твой муж, изволь сама принимать своих гостей.

Фируза пошла к террасе, где за столом сидели Наркузи и Шерали.

Фируза протянула руку Шерали и быстрым взглядом окинула стол: пустая бутылка из-под водки, опаннанные кисти винограда, ломти лепешки и начатая вторая бутылка водки. Пепельница с окурками...

— Очень рады видеть вас у себя,— произнесла она, подсаживаясь к Наркузи.— Не скучно в тугаях?

— Некогда скучать!— Шерали улыбнулся.— Выполняем двухсменную норму, выворачиваем сотни тысяч тонн земли. А сегодня Наркузи привез меня к вам. Так неожиданно, извините!

— Мы с Шерали разговорились по душам,— сказал Наркузи, уставившись осоловелыми глазами на жену.— Почему опоздала?

— Заходила в сарай, проверила хлопкоуборочные машины,— ответила Фируза, настораживаясь от этих вопросов и стараясь перевести разговор, спросила:— А теперь вы расскажите, как поработали сегодня?

— Готово сто гектаров...— пробормотал Наркузи, чуть было не выронив пиалушку из рук.

— Я пойду, помогу маме. Наверное, проголодались?— Фируза встала, прихватив с собой пустую бутылку.

Когда она подошла к очагу, Зумрад-биби, плотно укрыв котел с пловом, пошла в огород за помидорами. Фируза из темного уголка двора принялась наблюдать за сидевшими на террасе. У нее колотилось сердце, дрожали руки:

«Зачем Наркузи привез Шерали? О чем они говори-

ли? Почему так много пили? И еще намерены пить. Никто из них раньше не пил, а почему теперь... Что случилось?»

Вопросы возникали один за другим, а она не могла ответить ни на один.

Появилась Зумрад-биби с миской, наполненной огурцами и помидорами. Увидев Фирузу, опять не удержалась от упрека:

— Что же это ты возле очага сидишь? Пошла бы к гостям.

Фируза молча взяла из рук свекрови чашку и принялась резать салат, но всем существом своим она была на террасе, пыталась уловить каждое слово, каждое движение мужа и Шерали.

Зумрад-биби, протирая блюдо для плова, не без ехидства спросила:

— Скажи, милая сношка, наш дорогой гость — тот самый Шерали, о котором ты так восторженно говорила у нас дома до твоего замужества, да?

— Да, тот самый... Вы же это давно знаете! — Нож выскользнул, и она порезала себе палец.

С террасы донесся хохот. Фируза облегченно вздохнула и с улыбкой посмотрела на мужчин, подумав: «Не спорят... подружились». И пошла подавать салат.

Наркузи в это время как раз расхваливал плов:

— Никогда в жизни не приходилось мне пробовать такой плов, как вчерашний. Не плов, а мечта. Честь и хвала повару!

— О каком плове вы говорите? — заинтересовалась Фируза.

— О вчерашнем, — засмеялся Наркузи. — После работы мы все проголодались, собрались было пить чай, и вдруг из нашего кишлака появилась девушка... Навестить Шерали пришла. А кто она — не скажу! Пришла не с пустыми руками — в одной корзине виноград, в другой — блюдо с пловом... Да с каким пловом! Словами не скажешь! Пером не опишешь. Все мы пальчики облизывали!

— Скажите, пожалуйста, кто же так вкусно готовит? — спросила Фируза у Шерали.

Он смущенно опустил голову, исподлобья глядя на Наркузи, сказал:

— Вы начали, вы и договаривайте.

Наркузи засмеялся:

— Недогадлива ты, Фируза. Ну кто может быть? Конечно, та, которая отняла у меня бригаду.

— Полно вам, Наркузи-ака, наговаривать на хорошую девушку. Ни у кого ничего она не отняла. Достоинно заменила вас. Молодчина Асаль: управилась с посевом, добилась отличных всходов — не хуже прошлогодних, рекордных. Намерена весь урожай собрать машинами.— Чтобы вывести из неловкого положения гостя, добавила:— Достойная кандидатура. Поздравляю вас, Шерали-ака. Не упускайте случая, не теряйте времени. Мы с Наркузи поможем вам организовать свадьбу. Вы согласны со мной?— обратилась она к мужу.

— Безусловно. Сами поведем вас в «Дом счастья»,— глядя смеющимися пьяными глазами, подтвердил Наркузи.

После плова опять заговорили о тугаях.

Наркузи, насмешливо прищурив пьяные глаза, с издевкой спросил жену:

— Говоришь, у Асальхан урожай не хуже прошлогоднего — рекордного. Выходит, прошлогодний был не рекордный?

— Почему же? Он был рекордный. У нас в колхозе никто больше вашей бригады не собрал с гектара,— строго ответила Фируза, не понимая насмешки Наркузи.— Ваша ученица вырастила тоже отличный урожай.

— Ученица пере-плюнула учителя,— с трудом выговорил Наркузи и, откидываясь на спинку стула, расхохотался:— Bravo, bravo моей ученице! А вот пускай кто хочет потягается со мной, когда я начну выращивать хлопок на освоенных тугаях. Буду выращивать по пятидесяти, по пятидесяти пяти центнеров с гектара! Я! Я — Наркузи... Выращи-щи...

— Не торопитесь, друг мой, говорить гоп, пока не перепрыгнете ров,— сказал Шерали, поддерживая Наркузи, сползающего со стула.— Не хвастайтесь заранее. Тугаи вы только еще начали обрабатывать, самое главное впереди, неизвестно, как себя поведут подпочвенные воды и соли. Лучше придерживаться первоначального вашего плана— довести в течение трех лет урожай до двадцати пяти центнеров с гектара. Если вы сумеете

добиться двадцати пяти центнеров, это будет большое дело!

— Нет!— воскликнул Наркузи, ударяя кулаком об стол.— Я дам с гектара по пятьдесят центнеров, понял? Мое слово... закон! Ска-ка-за-но — сде-делано!

Шерали понимал, что спорить с опьяневшим Наркузи бесполезно, встал и обратился к Фирузе:

— Разрешите поблагодарить вас, я пойду.

Фируза впервые видела Наркузи пьяным, ей было это неприятно. Сгорая от стыда и огорчения, едва подавляя поток слез, подступивших к горлу, она сказала:

— Извините, Шерали-ака, я не ожидала от него этого...

Шерали сочувственно посмотрел на нее.

— Поздно уже, не уходите. Оставайтесь у нас. Утром поедете вместе с Наркузи,— предложила Фируза.

Услышав слова жены, Наркузи закричал:

— Шерали не останется здесь. Я сам отвезу его в тугай!

Пошатываясь, неустойчивой походкой Наркузи побрел к мотоциклу.

Прошло два часа, а Фируза все еще стояла у ворот, под деревом, с тревогой вглядываясь в дорогу, закрытую ночной тьмой.

Время от времени откуда-то издали ветер доносил незнакомый гул. Над головой таинственно шуршал ветер, трепетали листья. Стоя одиноко в ночной тишине, она думала о муже, о своей судьбе, о будущем. Сомнения, словно иглы, вонзались в душу. Где теперь спокойный сон, душевный покой, девичьи грезы о семейной жизни, где мечты? Где задушевные беседы в доме у Чулбобо. Ласка и заботы тетушки Ханифы? Рассказы и шутки Ивана Андреевича? Где тот Наркузи, который только вчера старался всюду встретить ее, чтобы хоть одним словом или вздохом показать ей свою любовь? Разве о такой любви мечтала она? Где те светлые дни, когда он обещал беречь их любовь, ничем не омрачить ее. Неужели это все так скоро забылось? Откуда взялось и это хвастовство, и эта неуместная ревность? Ведь еще совсем недавно он осуждал пьянство, а сегодня и сам напился, и настойчиво спаивал Шерали. Если так будет дальше, сложится ли их семейная жизнь? Почему он изменился? Кто виноват?

Как бы в ответ на этот вопрос вдали послышался трескучий шум и засверкали фары мотоцикла. Облегченно вздохнув, Фируза как бы стряхнула со своих плеч гнетущую тяжесть.

Наркузи с дороги резко повернул мотоцикл к дому и чуть было не перевернулся. Увидев жену, он резко затормозил.

Фируза кинулась к нему, помогла ввести мотоцикл во двор.

— Очень беспокоилась: думала, не стряслась ли какая беда.

Направляясь к дому, Наркузи вместо благодарности за заботу грубо оттолкнул жену и, пошатываясь, побрел сам.

Фируза следом за ним вошла в комнату. Он стоял, схватившись за спинку кровати и уставившись на жену красными глазами, твердил:

— Не остался возлюбленный? Нет... Ушел...

Стоя у порога, Фируза с жалостью смотрела на мужа, не зная, что предпринять. Наконец она подошла ближе и сказала:

— Вы пригласили Шерали без моего согласия, вы и должны были до конца проявить гостеприимство. Не я привела его к нам в дом.

Но Наркузи повторял:

— Не удалось тебе оставить его? Ушел... ушел...— Он сильно покачнулся и упал на кровать. Хотел было еще что-то сказать, но, повторив несколько раз «ушел... ушел...», замолчал.

Фируза, погасив свет, вышла на террасу, постояла в раздумье, затем достала из ниши какие-то журналы, полистала их, но не могла сосредоточиться. Погасив свет, долго сидела одна на террасе, окруженная ночной тишиной и тьмой, погруженная в тяжелые мысли. Она не заметила, сколько времени просидела в таком положении, ни на минуту не сомкнув глаз. Почувствовав озноб, поднялась, накинула на плечи халат.

Бесконечная вереница мыслей...

Впервые в жизни ей пришлось так много перевернуть в своей памяти, так далеко заглянуть вперед, взвесить настоящее, оглянуться на прошлое.

Только путник, вышедший в далекий путь и встретивший первые трудности, сможет понять состояние

Фирузы. Подобно такому путнику, она размышляла, как преодолеть эти препятствия на своем пути.

Светало. Вершины деревьев медленно покачивались от утреннего ветерка, словно приветствуя зарю. Проснулись птицы.

Прояснились и мысли Фирузы. Раздумье привело к неожиданному выводу: сначала она испугалась своего решения и долго колебалась. Затем какая-то большая внутренняя сила заставила ее быстрыми и уверенными шагами войти в комнату, подойти к письменному столу, достать листок бумаги и написать:

«Наркузи-ака, пока не выясню причины, заставившей вас так резко изменить свое поведение, и пока не буду убеждена, что я не права в своем мнении, сложившемся у меня сегодня, я не вернусь в ваш дом. Оставляю ваше письмо, написанное до свадьбы. Прочтите и подумайте о своих былых мечтах, планах и обещаниях. Меня сможете найти в доме Чулбобо».

Оставив письмо, Фируза переделалась и вышла на улицу. Шаловливый ветерок бессмысленно кружился по обочине дороги, поднимая пыль. Фируза некоторое время шла медленно по пустынному, каменистому большаку, пока не свернула к дому старика. Ступив на тропинку, зашагала смелее. На площадке перед правлением было пусто.

С противоположной стороны вдали показалась девушка, уходившая в поле. Со дворов слышались голоса детей, говор взрослых, торопившихся на работу, всюду дымились самовары.

Желтые ворота председательского дома были настежь открыты. «Что-то рано нынче председатель выехал из дому», — подумала Фируза, проходя мимо.

Но председатель не уехал далеко. Еще издали Фируза увидела его восседающего на деревянной тахте под раскидистой урючиной в саду Чулбобо.

«Что это он так рано явился к старику?» — подумала она.

Ханифа, разжигавшая самовар, кинулась к Фирузе, обняла ее, расцеловала.

— Пришла, голубка моя, пришла! Мы только вчера с отцом вспоминали тебя, думали, ты забыла нас. Пришла, милая! Пойди покажись отцу, он там на тах-

те в саду с Иваном Андреевичем. Иван Андреевич у нас ночевал нынче.

— Вижу, и председатель там. Что это он спозаранку?— удивилась Фируза.

— Пришел только что. Говорит, хочет посоветоваться со стариком,— объяснила тетушка Ханифа, явно недовольная этим ранним визитом.

Фируза пошла к тахте, поздоровалась с мужчинами, сидящими вокруг низкого столика. Затем поднялась по ступенькам на тахту, подошла к старику, обняла его и поцеловала. Глаза ее наполнились слезами, она едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— Родная моя, скучаем мы без тебя, забыла нас, стариков,— говорил Чулбобо, поглаживая ее тугие косы. Потом, обратившись к председателю, сказал:— Продолжай, я слушаю тебя, от Фирузы у меня нет секретов. Она мне как родная дочь.

Мирхасил, сидя рядом с Иваном Андреевичем, курил, глубоко вдыхая дым и стараясь, насколько возможно, скрыть волнение.

Фируза быстро окинула взглядом Мирхасила и заметила, что он осунулся, щеки обвисли, плечи опустились.

— Я оказался из тех, у кого не крепкий фундамент,— произнес он, выпуская колечки дыма.— Натворил бед, сам полез в болото, а теперь не знаю, как из него выкарабкаться. Оказывается, до сего дня я был слеп. Зрачки мои были затянуты бельмом, аксакал. Я был и глух. Во-первых, не прислушивался к вашим добрым советам. Плевал в колодец, откуда сам пил. Вы много раз и по-хорошему, и сердясь говорили, как надо беречь освоенные земли, а я истреблял их, гонясь за временным успехом. Теперь и мне видно, сколько людей и сколько техники понадобилось, чтобы восстановить заброшенные участки, исправить эту тяжкую ошибку. Во-вторых, не подумав хорошо, я дал согласие жене на постройку дома в Ташкенте. Теперь терзаюсь, спрашиваю себя: «Зачем мне дом в Ташкенте? Кому? Для чего?» Непростительные ошибки допустил, но грехи Зулукхан тяжелее моих. Мои грехи можно погрузить на одного осла, а ее грехи не потянет даже верблюд. Когда сам я стукнулся головой, тогда только презрел. Я знал, что Ильхамча составлял фальшивые

ведомости, но деньги брала Зулукхан. Я никогда не брал у Ильхамчи деньги. Верно и то, что Халмат сбывал фрукты из колхозного сада на сторону и тоже делился с Зулукхан.

— Вам надо было и кабинет свой председательский, и партбилет отдать Зулуке. Вы руководите колхозом, а не шайкой проходимцев. Что же вы их распустили? Может, вы ждали, когда они разбазарят весь колхоз? И сейчас вы бы продолжали играть в слепца, если бы не народные контролеры. Это они заставили вас прозреть!

— Не горячись, Иван! — вмешался старик. — Дай человеку высказаться.

— Я и у следователя признался, — продолжал Мирхасил. — Признался, что знал о поддельных ведомостях Ильхамчи. Основные мои ошибки в том, что я имел на ферме несколько своих баранов, собственные участки с рисом. Но все это тоже не лично для себя.

— Для Зулукхан? — засмеялся Иван Андреевич.

— Да, для нее, — не смущаясь, ответил Мирхасил. — Я ошибся в ней, оказывается. Многие годы грел змею на груди, а змея та толкала меня в пропасть. Теперь я понял всю тяжесть своих преступлений и готов нести любое наказание.

— Конечно, вы должны понести суровое наказание, — опять вспыхнул Иван Андреевич.

— Но прошу вас лишь об одном, — взмолился Мирхасил, — когда вы замахнете над моей головой, не забудьте и моих заслуг в первые годы освоения Голодной степи, аксакалы! Как мне искупить грехи? Как обелить себя перед народом? Как мне заслужить доверие народа и остаться в колхозе? Посоветуйте, помогите мне! — тяжело вздыхая, низко опустил голову Мирхасил.

Фируза окинула взглядом стариков: Чулбобо, прикрыв глаза, теребил бородку, а Иван Андреевич, сосредоточенно нахмурив брови, стучал пальцами по столу.

— Сложная задача, — произнес старик, словно после тяжелого сна приподнимая тяжелые веки. — Во-первых, ты хоть и поздно, но правильно сделал, что пришел за советом к старикам. Конечно, постараемся дать тебе добрый совет. Ты понял, что в тяжелую минуту может помочь только народ, и согнул свою гордую

голову в поклоне. Для тебя это значит много, это большой урок. Мы все думали, что ты толстокожий, зачахший тополь, пригодный только на топливо, но, оказывается, в тебе еще осталось немного совести. Это хорошо. Скажи, слова раскаяния исходят у тебя из сердца или тут только твоя хитрость?

— Ради бога... — начал было Мирхасил.

Чулбобо прервал:

— Знаю, все под виселицей вспоминают бога. Вот и ты каешься, вспоминаешь бога... признаешь грехи... Ладно, поверим твоему раскаянию. И, по-моему, надо тебе написать заявление на имя общего собрания колхоза. В заявлении напиши, что все добро, нажитое за счет народа, за счет труда колхозников, возвращаешь им. И двор с садом, и машину, и городской свой дом, и все остальное. А если, мол, этого не хватит, отработаю честным трудом. Вот мой тебе совет, Мирхасил-бай. Ты еще полон сил, энергии — потрудись! Искупи вину, если тебе позволят оставшиеся годы, а не хватит времени, народ добр, он простит, не оставит тебя лежать на голой земле, похоронит. А как думаешь ты, Иван?

— В основном ты прав, Таштемир,— поддержал его Иван Андреевич,— только я не согласен с тем, чтобы он писал обещание, что возвращает народу его имущество. Здесь нет его заслуги. Когда вор попадает с личным, у него не спрашивают согласия, а просто отбирают украденное. Вор обязан вернуть добычу, хочет он или не хочет. А в остальном прав Таштемир — вам надо потрудиться, может быть, взяться за освоение тугаев. Тогда вы полностью осознаете всю глубину ваших проступков.

— Поступлю так, как вы мне посоветуете. Пойду писать заявление. Отнесу в управление к Аширали.

— Оставайтесь пить чай,— засмеялся, хитро прищурив глаза, Чулбобо.

— Спасибо, отец. Не только чай, я даже не в силах проглотить росинки,— ответил Мирхасил с горечью.

— Позднее раскаяние — враг тебе самому! — заключил старик.

Ханифа принялась угощать, разливая чай.

— Отец, я тоже пришла к вам с жалобой,— сказала Фируза, виновато опустив голову.

— Что случилось, камышинка моя?— забеспокоился старик, пытливо и озабоченно глядя на нее.— Может, обидел тебя Наркузи?

— Да. Он вчера выпил... Опьянев, оскорбил, опорочил меня.— Градом полились слезы из глаз Фирузы.— И свекровь на каждом шагу укоряет меня. Всю ночь не спала. После долгих раздумий решила вернуться к вам. Вот пришла рассказать вам о своих сомнениях. Может, я ошиблась? Может, то, что я принимала за счастье, к чему так стремилась,— несчастье, беда? Боюсь, очень боюсь этого! Боюсь даже думать об этом...

— Удивительно, странно,— проговорил Чулбобо, теребя кончик скатерти.— Не верю своим ушам. Неужели подменили человека? Неужели Наркузи, которого я знал с детства, стал другим? Чудно, чудно. Что же думаешь об этом ты, Ханифа?

— Хоть Зумрад-биби и моложе меня, но взгляды у нее отсталые. Она из тех свекровушек, которые хотят, чтобы снохи сидели дома и прислуживали им. А Наркузи послушный сын. Может быть, это она так настроила его? Если будет так продолжаться, Фируза не сможет там жить. Вам, мужчинам, непременно нужно поговорить с Наркузи, узнать у него, в чем дело. Пожурить его. Пусть он гордится, что мы за него отдали нашу дочь, и бережет ее!

— Оббо, Наркузи!— продолжал возмущаться Чулбобо.— Я всегда гордился им, думал, он мой ученик, последователь мой. Вот тебе и на! Ну и ученик...

— Очень хорошо, что ты пришла именно сюда рассказать о своем горе,— сказал Иван Андреевич, взглянув на грустное личико Фирузы.— И впредь, если что у тебя случится, приходи сюда. Они тебя считают родной. Но должен тебе сказать, что в данном случае виновата ты сама. Ты являешься представительницей новой эпохи. Выросла и воспитывалась после революции. Тебя воспитал комсомол, сама ты теперь коммунистка, имеешь высшее образование, мыслящий человек. Вот уже год, как я слежу за твоим ростом. Молодец, пересмотрела экономику всего колхоза, внесла мудрые предложения. У тебя хватило силы и ума наладить дела в колхозе, в большом коллективе, а перед мужем и старухой сплеховала. Почему так? Не хватило терпе-

ния? Испугалась мелких и ничтожных трудностей? Не бойся их. Встречай их твердо. Побеждай! Добейся, чтобы семья тебя так же уважала и считалась с тобой, как жители нашего кишлака, как весь большой колхозный коллектив. Ты должна гореть ярким факелом и озарять семью. Будь ласкова, береги созданное. Поняла ты меня?

— Поняла, Иван Андреевич.

Доброе отношение стариков успокоило и как-то утешило Фирузу, наболевшему сердцу стало легче.

С этого дня Фируза поселилась опять в доме Чулбобо, ожидая ответа от Наркузи на свое письмо.

Глава двадцать пятая

Прямые, яркие солнечные лучи, падая через открытое окно на спящего Наркузи, разбудили его. Он лежал на кровати один, одетый. Напрягая память, он уставился в потолок, но никак не мог вспомнить конец вчерашнего дня: после работы он пригласил к себе Шерали. После ужина Фируза предложила Шерали ночевать в их доме. Вспомнил, как он отвез его в тугай, а дальше... дальше он не помнит... Как он добрался до дома, как оказался в постели. Где Фируза? Где мать?

У Наркузи шумело в голове, руки и ноги казались налитыми свинцом. Нехотя он поднялся с постели и прошелся по комнате из угла в угол. Вдруг он увидел письмо и записку, оставленные на столе. Прочитав записку, он окончательно отрезвел: «Что я натворил? Что говорил? Неужели обидел Фирузу?»

Письмо, написанное в канун свадьбы...

Тяжело опустился на стул и, упершись руками в стол, принялся читать письмо. Несколько раз пробежал глазами последний абзац: «Мои чувства к вам светлые, подобно солнечным лучам, чистые, подобно родниковой воде, и крепкая моя любовь подобна стали... Я мечтаю быть верным мужем, близким другом. До последнего вздоха произносить ваше имя — Фируза!!!»

Словно ужаленный, он соскочил с места и, схватившись за голову, тяжело вздохнул. В отчаянии ему захотелось громко-громко крикнуть: «Что я натворил?!»

Как бы он ни мучился, как бы ни терзался, сердце не находило себе ни оправдания, ни утешения. Просторная комната показалась ему душной и тесной. Вчетверо сложив письмо, Наркузи положил его в карман гимнастерки и вышел на террасу. Тишина. Никого вокруг. Ушла.

Он долго сидел, глядя в широкие дали до горизонта, и наконец услышал шаги матери.

Со стороны сада, из-за деревьев, подошла Зумрад-биби с охапкой сухих веток в руках.

— Когда ушла Фируза?— спросил Наркузи, вставая ей навстречу.

— Кто ее знает! Разве она мне говорит, когда уходит и когда приходит?— заворчала мать.

Она молча подошла к запыленному мотоциклу.

— По-моему, она всю ночь просидела на террасе,— продолжала Зумрад-биби.— Кажется, как только рассветло, она ушла...

Наркузи так же молча, пинком открыл калитку и вывел мотоцикл. Зарокотал мотор.

— Далеко ли, сынок?— озабоченно спросила мать.— Не вздумай к ней на работу идти с поклоном. Никуда не денется, придет.

Не дослушав мать, он в сердцах нажал на стартер, и мотоцикл, обгоняя ветер, понесся по широкому большаку.

Когда Наркузи приехал в тугай, он застал всех за работой. Прислонив мотоцикл к дощатой стене, он направился к бульдозеристам на очищенный от камыша участок. В кабине одного из бульдозеров сидел Шерали. Увидев Наркузи, он махнул рукой, приветствуя его и продолжая выворачивать огромные пласты земли.

Наркузи долго стоял, глядя на здоровые, загорелые лица, на веселых ребят, у которых спорилась работа, кипела энергия.

Бригадир не знал, за какое дело взяться, пойти ли с планировщиками или, как обычно, сесть на свободный трактор. В этот день ему захотелось поработать на мощном бульдозере, срезавшем на неровном участке бугры, встречающиеся на пути, сталкивающим земляной вал в низину, заравнивающим канавы и впадины.

Взмахом руки он остановил один из бульдозеров, и ссадив подвижного паренька, сам сел вместо него за руль, а паренек побежал к гусеничному трактору, стоявшему неподалеку, и принялся вспахивать большой холм, возвышавшийся над низиной.

До самого вечера Наркузи проработал на бульдозере. Не пошел обедать. Вечером, отказавшись от ужина, выпил чайник крепкого зеленого чая и ушел спать.

Работников удивило и молчание, и болезненный вид всегда бодрого и общительного бригадира.

Шерали, заметив разлад между Фирузой и Наркузи, решил молчать, стесняясь вмешиваться в личную жизнь молодоженов.

Наркузи и на второй день не пошел домой, и на третий остался на полевом стане. Он оброс бородой, побледнел, щеки впали и выступили скулы. Он избегал встреч с Шерали, а если и разговаривал с ним, только по делу и всегда немногословно.

На четвертый день вечером натянули на стене полевого стана экран — приехала кинопередвижка.

Ребята удобно расселись на полу, на самодельных камышовых циновках. Начался фильм «Баллада о солдате».

Подошедший после всех Наркузи встал в сторонке, устало прислонившись к столбу. Затем, в темноте узнав Шерали, он подошел к нему и шепнул:

— Выйдем, надо поговорить.

Потихоньку они выскользнули из полукруга зрителей и пошли вдоль канала. Наркузи долго шел молча, не зная, с чего начать.

Шерали, понимая состояние спутника, терпеливо молчал.

Наконец Наркузи, остановившись возле бугорка, сказал:

— Я обидел Фирузу. Помните, в тот вечер, когда вы были у нас. Фируза тогда предложила вам остаться ночевать. А я отвез вас на мотоцикле сюда. Помню только, как вернулся, а дальше — не помню.

Память словно провалилась. Не помню, в каком состоянии и как я добрался домой. Чем я так сильно обидел Фирузу, что она ушла от меня...

— Куда же? Куда она ушла? — Рябоватое лицо Шерали побледнело, глаза сверкнули.

— В дом Чулбобо,— как бы успокаивая собеседника, ответил Наркузи.— Дело не в том, где она сейчас,— продолжал он с отчаянием,— дело в том, до чего я докатился. Я был не прав в тот вечер. Пригласил вас к себе, а потом осыпал упреками ее... Конечно, она не простит меня за такое легкомыслие. К тому же у меня еще мать ворчливая, подобно осе, может жужжать весь день. Короче говоря, Фируза ушла. Вот что она мне оставила на прощанье.— Он протянул Шерали ее коротенькую записку и свое письмо.— Прочтите, посоветуйте, как мне быть, что делать?

Шерали, засветив ручной фонарик, вздыхая, прочитал оба листка.

— Бесценный бриллиант!— произнес Шерали, прошелестев перед глазами Наркузи листком бумаги.— Да, истинный бриллиант! Но этого бриллианта мы, мой друг, оказывается, не рассмотрели.

Слова Шерали расстроенный Наркузи растолковал по-своему: «Этот бриллиант я бы сумел оценить, а вы не достойны ее». Стараясь не выдать своего настроения, Наркузи спросил:

— Как вы думаете, простит ли она меня?

— Если Фируза все еще такая, какую я ее знал в течение многих лет, простит, но с условием,— ответил Шерали, возвращая письмо.

— С каким?

— Если вы докажете ей, что мысли ваши не расходятся с делами. Если она убедится, что вы не болтун...— Тяжело вздохнув, Шерали продолжал:— Умная, красивая девушка любила вас, а вы топчете ее светлые представления о жизни, о будущем, оскверняете ее большое чувство!

— Оскверняя?!— воскликнул Наркузи, вытаращив глаза и отчеканивая слово «ты».— Ты говоришь, я оскверняю, да?

— Ты,— подтвердил Шерали, тоже переходя на «ты».— Не только Фирузу, ты и меня оскорбил. Тебе хорошо известно, что я люблю ее. Я люблю ее от чистого сердца, от всей души. И сейчас я ее люблю. Я к ней стремился, как к солнцу. Ты завладел моим солнцем. Ты лишил меня света. Забрал мое счастье. Когда она предпочла тебя, я думал, что ты умней и благородней меня. Смирился со своей судьбой. Конечно, мне нужно

как-то устроить свою жизнь. Я встречаюсь с Асальхан. Но это не Фируза. Это лишь одна из звезд небосвода, а Фируза — это утренняя, яркая звезда. Путеводная звезда. Ты запомни: она не искорка в твоём очаге. Она наша путеводная звезда. Помни об этом всегда.

Глаза Наркузи сверкнули в темноте. Обида комом подступила к горлу, он глухо прорычал:

— Я трус, и ты мне советуешь быть мужчиной? Сам-то ты кто?!

Он схватил Шерали за ворот, потрянул его и со всего размаха ударил. Шерали ответил тем же.

Неизвестно, долго ли продолжалась бы их драка, если бы из-за оврага не появилась Асальхан. Закричав, она кинулась к ним и принялась разнимать.

* * *

Прошло еще две недели. Асальхан рассказала о случившемся Зумрад-биби. Мать, отправившись к сыну в тугай, расспросила его, и он поделился с ней своими переживаниями, открыл ей свое сердце, рассказал о своей тоске по Фирузе. Укорял себя, терзался, хотя кое в чем винил и ее. Мать жалела его. Ее сердце обливалось кровью, когда она увидела сына исхудалым, бледным, расстроенным.

Наркузи уговорил мать сходить к Чулбобо, поговорить с Фирузой, попросить у нее прощения и за себя, и за сына.

Зумрад-биби, заверив сына, что все уладится, побрела домой.

И теперь Наркузи то и дело выбегает на дорогу и вглядывается вдаль, ожидая мать и радостную или хотя бы утешительную весточку.

Дорога кишела грузовиками, мотоциклами, бричками и пешеходами. Многие бригады начали сбор урожая. Горячая пора наступила. Еще совсем недавно дороги пустовали, а теперь в пору расставить всюду регулировщиков и светофоры. Значит, хорош урожай. Асальхан, наведавшаяся к Шерали, рассказывала, что во многих бригадах коробочки хлопчатника созрели одновременно, дружно распустились, значит, в этом году весь урожай можно собрать машинами.

Наркузи, вспомнив слова Фирузы: «Асальхан ваша последовательница, ваша ученица», слушая девушку, усмехнулся себе в усы.

Издали показалась председательская «Волга», послышался знакомый сигнал. Наркузи отскочил к обочине дороги и почему-то вдруг вспомнил, как на этой «Волге» сюда приезжала Зулука, чтобы совершить свое грязное дело.

Он через поле короткой дорогой прошел к полевому стану, а вскоре и машина, обогнув большое поле, остановилась около Наркузи. Открылась дверца, и вышла Турсуной.

— Ого, вижу, дела идут у тебя отлично,— протянула она руку, глядя на обработанные бескрайние поля.— Сколько подняли целины?

— Двести гектаров,— ответил Наркузи.— Осталось еще пятьсот.

— Давайте, давайте!..— подбодрила она, оглядев Наркузи с ног до головы.

Он, смутившись, виновато отвел глаза, опустил голову.

— Что же это вы обидели Фирузу?— спросила она, глядя на небритое, исхудалое лицо собеседника.— На кого вы тут стали похожи, вас будто подменили, не всякий узнает! Что теперь думаете делать?

— Послал я к ней мать, может, простит...

— От кого угодно, но только не от вас можно было ждать такого легкомыслия! При чем же тут ваша мать? Вы сами должны поговорить с Фирузой. Сегодня вечером общее собрание, соберите членов своей бригады и приезжайте в клуб, там сможете с ней повидаться.

Турсуной уехала извещать остальных бригадиров о предстоящем собрании.

«Надо, надо поговорить с Фирузой,— думал Наркузи, шагая по вспаханной земле,— но будет ли она-то говорить со мной? Простит ли она меня?»

Вечером со своей бригадой Наркузи приехал в кишлак. На площади возле правления стояли грузовики, мотоциклы, велосипеды, брички, лошади.

Турсуной, разговаривавшая возле дверей с бригадами, увидев Наркузи, махнула ему и позвала:

— Идемте, идемте, пора начинать!

Все следом за Турсуной вошли в клуб.

Стоявшие в проходах расступились, чтобы пропустить их. Турсуной поднялась на сцену, встав против микрофона, позвонила, призывая шумный зал к порядку. Воцарилась тишина. Все приглашенные в президиум поднялись на сцену и заняли свои места.

Открыв общее собрание колхоза, Турсуной объявила повестку дня — обсуждение заявления председателя Мирхасила Мирхайдарова.

Услышав повестку дня, зал оживился.

Турсуной предоставила слово председателю.

Мирхасил подошел к кафедре, надел очки, вытащил из красной сафьяновой папки несколько листков и подавленным голосом принялся читать свое заявление. На нескольких страницах со всеми подробностями он изложил свою деятельность в течение двадцати лет в этом колхозе. Со слезой он перечислял все допущенные им ошибки. Сказал и о том, что вернул колхозу незаконно присвоенное добро и деньги. Просит общее собрание освободить его от председательства и разрешить остаться работать на освоении тугаев.

Заявление обсуждалось горячо. Асальхан от имени всей своей бригады сурово критиковала деятельность зазнавшегося председателя. Она призывала собрание не успокаиваться на том, что председатель вернул колхозу похищенное добро, и требовала привлечь Мирхасила к уголовной ответственности.

Выступил и Чулбобо. Он сокрушался о хищнически истребленных землях, рассказал о своих предупреждениях, советах, просьбах, уговорах, которые Мирхасил не только отвергал, но которые явно раздражали его, опиравшегося на районное руководство. Рассказал о районном руководстве, потакавшем Мирхасилу и не желавшем прислушаться, вникнуть в суть дела.

— Не только не пресекли они проделки Мирхасила, но даже поощряли все его дела, не дозволяли слова сказать против Мирхасила. Вот как было!

Старик внес предложение: снять Мирхасила с председательства и отправить в тугаи, чтобы трудом и потом искупил он свою вину перед землей, которую довел до такого состояния.

Многие выступали на этом собрании, вспоминали указание Ленина превратить Голодную степь в цветущую

щий сад, говорили о задачах колхозников беречь как зеницу ока каждую пядь освоенной земли. А преступления и дела Мирхасила предлагали рассматривать как подрыв колхозной экономики, требовали привлечь его к уголовной ответственности.

К концу собрания было два предложения: одно — освободить Мирхасила от председательства и отдать под суд. Другое — освободить от председательства и послать на освоение тугаев.

Большинством голосов утвердили первое предложение.

— Теперь мы должны выбрать нового председателя, — обратилась Турсуной к колхозникам. — У кого какие предложения?

Сидящие в зале замолкли. Одни считали достойной Турсуной, другие — Аширали, третьи — Наркузи. Никто не решался высказаться первым, сомневаясь, поддержат ли его другие.

Слово попросил Аширали.

— Есть одна кандидатура. Человек, знающий колхозное производство, экономику и агротехнику. Я думаю, такая кандидатура устроит нас всех — и стариков, и молодых, — обратился он к залу. — Я предлагаю избрать нашего агронома — Фирузу!

Зал на мгновение притих от неожиданности, но тут же дружно, как бы радостно охнув, загремел аплодисментами и веселыми возгласами:

— Правильно!

— Мы согласны! Проголосуем!

Аширали сел на свое место. Наркузи особенно оживился. Он изо всех сил аплодировал, виновато, исподлобья поглядывая на сидевшего с ним рядом Чулбобо.

Турсуной приступила к голосованию.

— Кто за кандидатуру агронома Каримовой?

Все подняли руки.

— Председатель колхоза «Радостный труд» товарищ Каримова, прошу вас в президиум! — обратилась к Фирузе Турсуной.

Мирхасил, сошедший со сцены, столкнулся в проходе с Фирузой, направлявшейся на сцену. Прижавшись к стенке, он, понурившись, пропустил нового председателя.

Фируза молча поклонилась сидящим в зале и села возле Турсуной, там, где только что сидел Мирхасил...

После собрания Наркузи вышел на площадь и остановился возле арыка. Все разъехались и разошлись. Последними уехали Турсуной и Аширали. Погасли огни в клубе. Загорелся свет в кабинете у председателя. Значит, Фируза не ушла. Она одна...

Если бы тогда хватило у Наркузи воли и мужества зайти к жене, попросить прощения, помириться, может быть, через несколько минут счастливая пара медленно пошла бы к себе домой. Но Наркузи не зашел к ней. В нем кипели сомнения, обиды, ущемленная мужская гордость... Ему казалось, что Фируза упрекнет его: «Не смог прийти раньше, пришел, когда я стала председателем!»

Низко опустив голову, измученный сомнениями, Наркузи побрел по большаку, направляясь назад, к себе в тугаи...

Прошло два месяца.

В канун ноябрьского праздника Фируза сидела в кабинете.

Вошла Турсуной. Застав Фирузу за подсчетами, спросила:

— Чем занимаетесь, товарищ председатель?

— Собираюсь рапортовать, — ответила Фируза, записывая какие-то цифры на бланке. — Обязательство наш колхоз выполнил на 101 процент. С каждого гектара мы в среднем получили по 26 центнеров. А в прошлом году только по 19. Выходит, прирост на 7 процентов. Как думаете, можно уже сообщить в район?

— Конечно! — просияла Турсуной.

Фируза подняла телефонную трубку.

Из ящика стола Фируза достала листок бумаги и, протягивая Турсуной, улыбнулась:

— Еще у нас есть праздничный подарок. Уже около трети болот освоено. Сообщим и об этом!

— Непременно, это же рекорд!

На телефонный звонок откликнулся Аширали.

Она доложила об итогах предпраздничных соревнований и сводку по сбору хлопка.

— Еще тонн триста соберем!— пообещала Фируза. Затем, словно между прочим, добавила: — Одна третья часть тугаев у нас освоена и вспахана. Вот и все, что мы успели к празднику!

Аширала засмеялся ей в ответ.

— Так председатели не рапортуют: «Вот и все!..» Мирхасил не так бы рапортовал о таких успехах. Вы молодец, Фируза, молодец!

Положив на рычаг трубку, Фируза убрала в стол бумаги, погасила свет и вместе с Турсуной вышла из правления.

Накрапывал дождь.

— Куда же вы теперь, председатель?

— Я живу у Чулбобо.

— И долго думаете там оставаться?

— Мне удобно там, у друзей.

— А домой когда же?

— Вы говорите о доме Наркузи?

— Конечно.

— Нет, это не мой дом.

— Из-за единственной оплошности Наркузи можно ли так круто решать такой серьезный вопрос?

— Право, не знаю, я много думала. Не могу решить.

— Но ведь и нельзя так оставлять это...

Кажется, Турсуной собиралась еще что-то добавить, в чем-то убедить или разуверить Фирузу, но разговор их был нарушен появлением Чулбобо.

— Ну вот, у меня и попутчик!— с явным удовольствием и облегчением воскликнула Фируза, довольная, что тягостный для нее разговор прервался.

Попрощавшись с Турсуной, она пошла со стариком.

— О чем же ты, доченька, так долго беседовала с Турсуной?

— Да вот, отец, все тот же разговор. О моем замужестве, о том, где мне быть, где мне жить. Каждый, если не скажет словами, попрекнет меня взглядом, а при случае и прямо говорят: мирись, мол, а не то стыдно — не успела замуж выйти, как уже сбежала от мужа...

— Да... — протянул Чулбобо и надолго умолк.

Уже дойдя до дома, у себя в осеннем саду, старик досказал ей свою мысль:

— Не доглядел я, доченька. Не разобрался тогда. Не то тебе посоветовал, не так и сам рассудил.

— А что, о чем? Чего не доглядели вы?

— Когда ты совета ждала, когда твоя жизнь решалась, не то я тебе сказал.

— А что надо было сказать?

— Надо было мне удержать тебя от твоего замужества.

— Значит, не за того я замуж вышла? За Шерали надо было?

— Когда ты об этом задумалась, надо было тебе прислушаться к своему сердцу. И поняла бы ты, доченька, что не любовь ты переживала, а хотела выйти поудобнее: Шерали не был удобен — он жил в другом колхозе, а тебе понравилось здесь. Скажи он тебе, что переедет сюда, ты, могло статься, его бы предпочла. Да он не додумался сказать тебе об этом. А может быть, самолюбие ему не позволяло бросить свое место ради девушки. А Наркузи вот тут, рядом. Вот ты и выбрала его, будто непременно надо было выбирать того или другого. Ну мне и показалось, что тут у тебя любовь и все такое... А ведь с этого-то и начинать надо: прежде чем замуж собираться, в сердце надо покопаться, есть ли там любовь, действительно ли есть? А тогда уж и решать. А то не того выбрала, кто тебе милей, а того, который удобнее. В браке не удобства ищи, а любви, доченька. Как мы с моей старухой — поженились и не каемся. А ты так свою участь решила: как увидела, что он у тебя вышел из послушания, допустил своеволие или не тем голосом с тобой поговорил, и вот уже прочь бежишь, как от постороннего, даже, можно сказать, как от вещи какой-нибудь, которая поломалась. Да что ж это такое? Отчего это? А оттого, доченька, что не любовью ты с ним была связана. И к тому, другому, у тебя любви не оказалось. Вот ты и осталась между ними одна. Сама себя наказала.

— И что ж мне теперь делать, отец?

— Работать председателем, доченька.

— А с семьей-то?

— Про то я и говорю. Председательствуй. Дел у тебя много. Занимайся. А придет такое время, что забьется сердце чаще, чем прежде, тогда и задумайся. Без любви ни дома не строят, ни семьи не складывают...

Они сидели в темноте на террасе. Наливали друг другу остывающий чай.

Накрапывал дождь.

Откуда-то издалека, со стороны тугаев, слышался гул работавшей машины и порой сверкали отсветы фар. Смутно слышалась песня.

Голодная степь даже в эту темную, ненастную, осеннюю ночь жила, пробужденная трудом людей, и каждый брал от того труда что-то дорогое для себя: одни — радость, другие — мудрость, третьи — бодрость и силу, а кто-то взял себе песню, которую теперь пел вдалеке, в темноте, сливая свою мелодию с далеким гулом работающих машин.

1963—1964 гг.